

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

К ЮБИЛЕЮ
ЗОИ КУЗЬМИНИЧНЫ ШАНОВОЙ

XXVII ДЕРЖАВИНСКИЕ ЧТЕНИЯ
Современные и исторические проблемы
болгаристики и славистики

• ВВМ •

Санкт-Петербург
2023

УДК 378(470.23-25)+39(=163.2)+75(497.2)+811.162+821.162
ББК 81.2
К11

Рецензенты:

доктор филол. наук *И. А. Седакова*
доктор филол. наук *А. Г. Шешкен*

Ответственные редакторы:

канд. филол. наук *О. В. Васильева*,
доктор филол. наук *Е. Ю. Иванова*

К11 **К юбилею Зои Кузьминичны Шановой. XXVII Державинские чтения** : Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики / Филологический факультет. СПбГУ ; отв. ред. О. В. Васильева, Е. Ю. Иванова. — Санкт-Петербург : ВВМ, 2023. — 172 с.

ISBN 978-5-

Очередной сборник материалов Державинских чтений посвящен видному болгаристу и македонисту Зое Кузьминичне Шановой, чей 80-летний юбилей мы отмечаем в этом году. Помимо текстов докладов XXVII Державинских чтений (март 2023, СПбГУ), сборник содержит приветственные слова и статьи коллег и учеников Юбиляра. Тематика статей охватывает широкий круг проблем болгаристики, македонистики и славистики в целом.

УДК 378(470.23-25)+39(=163.2)+75(497.2)+811.162+821.162
ББК 81.2

Часть 1

ПРИВЕТСТВИЯ ЮБИЛЯРУ

М. Каранфиловски

Универзитет „Св. Кирил и Методиј“, Скопје

Почитувана и драга Зоја Кузминична!

Ми претставува големо задоволство и чест да напишам неколку поздравни зборови до тебе за зборникот посветен на твојот јубилеј.

Твоето име одамна е добро познато во кругот на македонските и на светските македонисти како еден од најпознатите руски и светски слависти и македонисти. Твоите трудови за адмиративот во современиот македонски јазик и трудовите за глаголскиот систем, прекажаните глаголски форми и за функциите на перфектот, како и за функциите на извиците, фразеологизмите, безличните глаголи и безличните глаголски форми во македонскиот јазик и денес не ја имаат загубено својата актуелност и важност.

Мошне важен е и твојот придонес во изработката на македонско-руските речници заедно со Р. П. Ускова и соработниците. Важен придонес за македонистиката во Русија и во светот се и преводите од македонски на руски јазик, како и влогот во организирањето на наставата по македонски јазик на Санктпетербуршкиот универзитет. Голем е и твојот придонес во развојот на руско-македонските културни и научни руски особено преку одржувањето на руско-македонските славистички научни конференции во нашите две земји.

Нас нè поврзуваат пријателски врски уште од дамнешната 1978 г. во рамките на Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура во Охрид, а подоцна и преку средбите на „Државинските читања“ и на други конференции во Скопје, Охрид, Москва и во Санкт Петербург. Секогаш пријатно се сеќаваме на нашиот семеен престој во Санкт Петербург во ноември 1988 г. Незаборавно

доживување е да се види градот додека паѓа снег, како и да се доживеат белите ноки во прекрасниот Санкт Петербург.

Драга Зоја,

Ја користам оваа прилика, во свое име и во името на моето семејство, да ти ги испратам своите најискрени и најубави желби за да имаш уште многу јубилеи во добро здравје и со многу нови творечки успеси.

В. Н. Гливинская

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поздравляю Зою Кузьминичну с Юбилеем!

Искренне присоединяюсь к высокой оценке ее вклада в развитие болгаристики, македонистики и славистики!

Хочу поблагодарить за теплую поддержку, которую Зоя Кузьминична оказала мне в трудный момент моей жизни, в защите не совсем традиционной кандидатской диссертации, выполненной с использованием глоттометрического метода исследования, который в тот период времени с трудом пробивал себе дорогу и вызывал острые дискуссии. Зоя Кузьминична всегда приветствовала новаторство и поощряла творческий поиск.

Сам факт нашей встречи сегодня возможен исключительно благодаря тому, что Зоя Кузьминична и ее замечательные ученики сумели — единственные в России — сохранить площадку, на которой проблемы болгаристики обсуждаются болгаристами, где преподаванию уделяется не меньше внимания, чем научным изысканиям.

И что еще очень важно: Зою Кузьминичну всегда приятно видеть — красивую, хрупкую, светлую, словно сошедшую с полотен импрессионистов.

Зоя Кузьминична, так держать!

К. Алексова

Софийски университет „Св. Климент Охридски“

Първото ми запознанство с доц. Шанова не беше лично, а чрез неин научен труд, посветен на преводните съответствия на руски език

на българския адмиратив. Още тогава осъзнах, че става дума за учен с много тънко езиково чувство, който отлично познава граматическите и лексикалните средства за изразяване на разнообразни езикови значения в двата езика.

Първата ми лична среща с доц. Зоя Шанова беше на Третия международен конгрес по българистика в София. Бях впечатлена от прекрасното познаване на българския език — нито един българин не би могъл да каже по езика, че доц. Шанова не е българка.

Следващата ми среща със З. Шанова беше в Санктпетербургския университет. Тогава разбрах, че е формирала поколения българисти — учени, преподаватели и преводачи. Освен това осъзнах, че прекрасно познава историята на Санктпетербургския университет и е прекрасен екскурзовод в него.

Бих искала да завърша с поздравления за юбилея на доц. Зоя Шанова чрез един израз, съдържащ адмиратив — наш общ обект на научен интерес: *Я, тя **станала** на 80 години! Да е жива и здрава!*

М. Ю. Котова

Санкт-Петербургский государственный университет

Дорогая Зоя Кузьминична! Дорогие коллеги!

Зоя Кузьминична начала преподавать болгарский язык на кафедре славянской филологии в 1971/1972 учебном году, когда я училась на первом курсе. Наша группа была первой, где она вела занятия.

На всю жизнь остались в памяти уроки фонетики болгарского языка, где она ставила нам произношение:

Никола Вапцаров (1909–1942)

ПРОЛЕТ (1933)

Пролет моя, моя бяла пролет,
още неживяна, непразнувана,
само в зрачни сънища сънувана,
как минаваш ниско над тополите,
но не спираш тука своя полет.

Пролет моя, моя бяла пролет –
знам, ще дойдеш с дъжд и урагани,

бурна страшно, огненометежна
да възвърнеш хиляди надежди
и измиеш кървавите рани.

Как ще пеят птиците в житата!
Весели ще плуват във простора...
Ще се радват на труда си хората
и ще се обичат като братя.

Пролет моя, моя бяла пролет...
Нека видя първия ти полет,
дал живот на мъртвите площади,
нека видя само твое слънце
и — умра на твоите барикади!

Со студенческих лет я всегда хотела быть КАК ЗОЯ, только у меня, конечно, это не получилось, как хотелось. Зоя Кузьминична всегда знала, как увлечь и направить, поддержать и вдохновить. Учиться у нее, а потом работать с ней — это счастье.

Мне очень повезло, что в 1973 году я вошла в состав группы студентов-болгаристов, руководителем которой была Зоя Кузьминична. Мы провели в Болгарии три недели практики по безвалютному обмену, и это было незабываемо. В Болгарии мне довелось быть с Зоей Кузьминичной еще и в 1975 году на семинаре болгарского языка, а затем в 1990 году на конференции в Пловдивском университете, где особо памятной была научная дискуссия между Зоей Кузьминичной и профессором Иваном Куцаровым о грамматическом статусе вида болгарского глагола. Мы все наблюдали за этой дискуссией, затаив дыхание. Победителя в ней не было!

С 1980 года продолжилось наше общение с Зоей Кузьминичной на факультете, и всегда оно было спасательным кругом во всем: и в деловых вопросах, и в личных. Заседания коллектива составителей Словаря поэзии Н. Вапцарова, СНО «Славянские пятницы», мероприятия в Генеральном консульстве Республики Болгария, совместный прием экзаменов, заседания кафедры и многое другое.

Зоя Кузьминична рецензировала мою кандидатскую диссертацию с огромным тактом, ее замечания побуждали к совершенствованию, а это огромный и редкий дар.

Когда в 1998 году с кончиной заведующего кафедрой профессора Петра Андреевича Дмитриева наступила новая эпоха, и неожиданно декан, профессор С. И. Богданов, поручил мне руководить кафедрой, именно Зоя Кузьминична была той опорой, без которой я бы однозначно не справилась. Сколько терпения и такта, сколько личного времени вложила она, чтобы помочь сохранить традиции кафедры, продолжить и приумножить!...

В 2003/2004 учебном году, когда я взяла годичный отпуск за свой счет, чтобы дописать докторскую диссертацию, Зоя Кузьминична приняла на себя руководство кафедрой, то есть дала мне возможность защититься в 2004 году.

К ее советам я всегда прислушивалась с благодарностью, вплоть до 2017 года, когда поняла, что кафедрой в новейшее время должно руководить новое поколение славистов, и передала руководство, с одобрения декана, профессора В. П. Казакова, доценту Ольге Викторовне Раина, нынешней заведующей кафедрой славянской филологии.

Хранители истории — фотографии, а Зоя Кузьминична всегда присылала нам после каждого кафедрального мероприятия свежие снимки. А таких мероприятий, сохранившихся в наших фотоальбомах, было огромное количество:

- День болгарского студента,
- 3 марта и Честита Баба Марта на кафедре,
- научные конференции в СПбГУ,
- научные конференции в Доме дружбы,
- вручение почетных грамот активным участникам СНО во время заседания, посвященного Дню славянской письменности,
- уход за могилой Востокова на Волковском кладбище,
- уход за могилами Петра Андреевича и Германа Ивановича,
- вручение Зое Кузьминичне Шановой ордена Болгарии «Самарский крест»¹

и многие другие.

¹ Самарским крестом награждаются люди или организации, способствующие укреплению болгаро-российских отношений. Он был учрежден движением русофилов в Болгарии в первых числах марта 2013 года. Создатели награды вдохновлялись Самарским знаменем — боевым стягом, расшитым монахинями самарского Иверского монастыря в 1876 году — подлинным символом Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Наши предки, защищая братьев по вере от турецкого ига, пронесли его через войну и вручили болгарским ополченцам

В заключение хочу выразить Зое Кузьминичне сердечную благодарность за то, что она делала и делает для кафедры славянской филологии и за то, что она сегодня с нами.

Т. Е. Аникина

Санкт-Петербургский государственный университет

Наш Юбиляр, Зоя Кузьминична Шанова, — талантливый переводчик и прекрасный знаток теории перевода.

За долгий творческий путь на кафедре славянской филологии Ленинградского/Санкт-Петербургского государственного университета она внесла огромный вклад в восприятие болгарской литературы русским читателем. Под ее руководством выросли поколения переводчиков-болгаристов. В переводах Зои Кузьминичны обрели новую жизнь на русском языке произведения многих болгарских авторов. Рассказы Г. Алексиева, В. Настрадаиновой, напечатанные в ленинградском журнале «Нева», Св. Бабакова, Я. Добрева и других, вошедших в сборник современной болгарской прозы, сказки Д. Полянова и К. Христова, пьеса Цв. Марангозова (см. библиографию работ З. К. Шановой в наст. сборнике) — во всей полноте зазвучали в пространстве русской культуры.

Студенты Зои Кузьминичны неизменно становились призерами конкурсов переводов. Для переводчика художественной литературы огромное значение имеет знание особенностей воспринимаемой культуры, менталитета его народа. Без такого рода знаний невозможно равноценно переложить в пространство русской литературы иностранного автора. Зоя Кузьминична является высоким знатоком культуры Болгарии. При ее активном участии в нескольких школах Санкт-Петербурга в свое время велось преподавание славянских языков и культур. На кафедре славянской филологии Зоя Кузьминична читала курсы, связанные со страноведением Болгарии, с болгарской культурой. Своим опытом она щедро делится в статьях и докладах на научных конференциях.

Лекции по переводоведению, занятия по переводу на болгарском и болгаро-английском отделениях всегда вызывали неподдельный интерес студентов. Зоя Кузьминична учила переводить не только

художественную литературу, но и научную, публицистическую, учила основам перевода делового языка. Ее ученики всегда достойно представляют кафедру в бюро переводов, в переводческих корпорациях. И, конечно, становятся прекрасными устными переводчиками. Зоя Кузьминична долгие годы руководила переводческой практикой на кафедре славянской филологии. Преподаватели других языков всегда могли получить ценную консультацию и доброжелательные советы мастера.

Проблемы теории перевода также находились (и, надеемся, остаются и до сих пор) в сфере интересов Зои Кузьминичны. Принадлежит к Ленинградской переводческой школе, будучи ученицей А. В. Федорова, она придерживается его идей функционального перевода. В семидесятые–восемидесятые годы на факультете под руководством А. В. Федорова работал переводческий семинар. Зоя Кузьминична была его неизменным активным членом. Ее глубокие работы (на русском и болгарском языках) о переводах болгарской литературы, прежде всего И. Вазова и Елина-Пелина, особенно ценны для болгарских ученых, вызывают интерес не только болгаристов, но и всех занимающихся проблемами переводоведения, всех ценителей болгарской культуры. У Зои Кузьминичны много учеников. Под ее научным руководством ежегодно защищались дипломы, бакалаврские и магистерские диссертации, посвященные проблемам болгаро-русского и русско-болгарского перевода. В них рассматриваются отдельные переводоведческие проблемы или анализируются переводы болгарских авторов на русский язык и русских на болгарский.

Большое значение для переводчиков имеет «Словарь поэзии Николая Вапцарова». Автором значительного количества словарных статей в нем, а затем и редактором Словаря стала Зоя Кузьминична. Тонкая семантическая и стилистическая разработка, выполненная на русском языке, болгарских слов и фразеологических единиц, выстраивание образных употреблений слов требуют глубочайшего знания болгарского языка и культуры, имеют первостепенное значение не только для переводчиков и исследователей творчества поэта, но для всех переводчиков произведений болгарской литературы.

В юбилейный год хочется пожелать Зое Кузьминичне крепкого здоровья и дальнейших творческих успехов!

К СЛАВИСТИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ З. К. ШАНОВОЙ

В. И. Супрун

Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
Волгоград (Россия)

РУССКАЯ И БОЛГАРСКАЯ АНТРОПОНИМИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ: К ПРОБЛЕМАМ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ОНОМАСТИКИ

В статье рассматриваются русская и болгарская антропонимические системы, устанавливаются их сходства и различия. Анализируются процессы становления русского и болгарского антропонимикона, сохранения в них славянских элементов. Приводятся примеры функционирования антропонимов *Зоя* в русском и *Живка* в болгарском языке. Особо определяется роль З. К. Шановой в развитии отечественной болгаристики и в укреплении русско-болгарских этнических и лингвокультурных связей.

Ключевые слова: *ономастика, антропоним, русский язык, болгарский язык, З. К. Шанова.*

При общении люди разной этнической принадлежности неизбежно сопоставляют ономастические единицы родного языка с иностранным. При близости культур всё происходит спонтанно: иноязычные топонимы воспринимаются как экзотизмы, в редких случаях происходят их буквенно-фонетические и переводческие трансформации: Москва — англ. Moscow, нем. Moskau, ит. Mosca, греч. Μόσχα, Санкт-Петербург — англ. Saint-Petersburg, фр. Saint-Pétersbourg, порт. São Petersburgo, фин. Pietari, чеш. Petrohrad. Антропонимы воспринимаются в их исходном звучании и в переводческом или интуитивном подборе единиц родной культуры: англ. John — рус. Джон, Иван; рус. Михаил — укр. Михайло, нем. Michael, фр. Mikhaël, Michel, литов. Michailas, чеш. Jiřina (< Jiří) — рус. Йиржина, Иржина, Ирина (*География) и т. п. Сопоставительная ономастика развивается в русле

общеязыковых компаративных исследований, однако в ней более чётко отражаются этнолингвокультурные закономерности.

Русские и болгарские языковые и культурные связи насчитывают десятки веков. Из Болгарии Русь получила первые образцы письма. Первым митрополитом в Киеве был Михаил, который считается болгаринном [Петрушко 2019: 24]. На Руси были сделаны списки с многих церковных рукописных книг, оригиналы которых были созданы болгарскими [Павлова 1983: 33]. Русская культура впитала церковнославянские тексты православного богослужения, созданные на базе болгаро-македонских говоров. Русско-болгарские культурно-языковые связи активизировались в XV–XVI веках в связи с притоком в Россию многих болгарских книжников, вынужденных покинуть родину из-за османской оккупации [Милтенова 1999: 187]. В новое время болгарская культура испытала влияние русской. Установлено, что болгарская грамматическая терминология в силу исторических обстоятельств и в результате лингвокультурных контактов обнаруживает весьма значительную степень интеграции с русской терминосистемой [Димитрова 2002: 16]. Можно сказать, что взаимосвязи и взаимодействие между русским и болгарским языками, между русской и болгарской культурами происходило непрерывно. И большой вклад в развитие этих связей внесла Зоя Кузьминична Шанова своей научной, педагогической и просветительской деятельностью.

Её первые шаги в науке были связаны с изучением глагольных систем болгарского и македонского языков под руководством профессора Юрия Сергеевича Маслова (1914–1990) [Шанова 1980]. В дальнейшем З. К. Шанова в творческом коллективе составляла словарь поэзии Николы Вапцарова (1909–1942). Частотный словарь был опубликован в Велико-Тырново [Честотен 1996], а в Санкт-Петербурге вышли в свет первые тома этого новаторского двуязычного толкового словаря болгарского поэта [Словарь 1998–2010]. Авторы-составители рассматривали свой труд как метод изучения системы художественно-образительных средств болгарского языка и индивидуально-авторского стиля поэта путём детального семантического анализа каждой единицы текста во всем многообразии её употреблений.

З. К. Шанова является известным специалистом по переводоведению и переводчиком произведений болгарских авторов на русский язык. Ею переведены пьесы болгарского драматурга Цветана Марангозова. В своих статьях Зоя Кузьминична анализирует переводы болгарских

писателей. Она отмечает высокий профессиональный уровень переводчиков [Шанова 2000]. Автор детально рассматривает переводы на русский язык произведений Алеко Константинова, в которых отмечены исторические эпизоды, смысл которых порой непонятен русскому (иногда и болгарскому) читателю, имена исторических личностей, обилие аллюзий, без раскрытия которых произведение теряет смысл [Шанова 2005].

Опираясь на свои теоретические разработки транслатологии и переводческую практику, З. К. Шанова читает студентам курсы по теории, истории и практике перевода. В сферу её интересов входят также история славистики, методика преподавания славянских языков в вузе и школе. В разные годы она читала лекции по теоретической и исторической грамматике, диалектологии болгарского языка, по истории литературного болгарского языка, вела спецкурс по типологии языков балканославянского ареала.

З. К. Шанова вместе с соавторами создала учебник болгарского языка для начинающих [Иванова и др. 2011]. В 1990-е годы она стала одним из инициаторов преподавания славянских языков и культур в школах Санкт-Петербурга, что было уникальным явлением в России. Зоя Кузьминична была научным руководителем и составителем программ и пособий по славянским языкам и культурам для средних школ, организатором конференций молодых славистов «Диалог славянских культур», на которых выступали учащиеся петербургских школ и первокурсники кафедры славянской филологии СПбГУ. При обучении и научном курировании молодых исследователей обращалось внимание на проблемы болгарской ономастики, на сопоставление русской и болгарской антропонимических систем.

Русский и болгарский антропонимиконы складывались первоначально в рамках языческих традиций. В качестве имён выбирались названия предметов окружающего мира, указания на порядок рождения ребенка, его внешние данные и первоначальные проявления внутренних качеств. Многие имена имели пожелательный характер, иногда сложно выраженный (*Козёл* — символ витальности и плодovitости, *Заяц* — символ бодрости, скорости и той же плодovitости и т. п.). С принятием христианства старые языческие имена уходят на периферию, сохраняясь в домашнем употреблении, утратив языческие коннотации, и в виде прозвищ; те и другие затем стали основой фамилий.

Русская и болгарская антропонимические традиции развивались в различных культурно-религиозных условиях. На Руси сосущество-

вание дохристианских (бытовых) и церковных имён продолжалось относительно недолго, только некоторые из прежних имён в силу фонетической близости к христианским антропонимам (*Семейка* — *Семён* и пр.) или из-за своей семантики продолжали употребляться параллельно с крёстными. Т. А. Закачкова называет ряд популярных на Руси некалендарных имён: *Третьяк* (*Третьячко*), *Любим*, *Меньшик*, *Томило*, *Дружина*, *Замятня*, *Посник*, *Смирной*, *Семейка*, *Нехорошей*, *Важен*, *Ждан*, *Истома*, *Пятой*, *Первой*, *Путило*, *Казарин*, *Неустрой*, *Позняк*, *Молчан*, *Второй*, *Булгак*, *Русин* [Закачкова 1977: 128].

Весьма популярным у русских было имя *Дружина*. В словаре Н. М. Тупикова названы 70 русских людей с этим антропонимом [Тупиков 1903: 135–137]. Сын святой Иулиании Лазаревской (1530–1604), написавший её житие, носил имя Дружина, хотя его крестили Каллистратом [Супрун 1997: 72]. В конце XVII века важную роль в государстве играл дьяк Дружина Петелин, крещённый Фомою [Рогожин 2003]. В начале XVII среди царицынских стрельцов был Дружинка Иванов [Самойлов, Супрун 2002: 55].

Некоторые звучащие по-русски (по-славянски) имена на самом деле не были дохристианскими, а представляют собой перевод греческих антропонимов. Почти во всех языках христианских народов употребляются в переводе имена святых Πίστις, Ἐλπίς, Ἀγάπη: рус. Вера, Надежда, Любовь, англ. Faith, Hope, Love, исп. Fe, Esperanza, Amor, серб. Вера, Нада, Љубав, болг. Вяра, Надежда, Любовь. В III веке н. э. жил святой по имени Συμετός, его имя образовано от греческого слова со значением ‘разумный, мудрый’. Кто-то из славянских составителей святцев перевёл его имя, так появился святой Разумник (память 12/25 декабря) [Успенские 2017: 169]. 13 декабря 1878 года (тогда разница между юлианским и григорианским календарём составляла 12 дней) в семье тифлиских дворян родился мальчик, которому дали это имя, позже он стал известным литературоведом и писателем Разумником Васильевичем Ивановым-Разумником.

Однако большое число переводных имён не попало в святцы, а использовались в быту. Имя Θεόδωτος было переведено как *Богдан*, благодаря семантической прозрачности оно обрело популярность на Руси. Т. А. Закачкова обнаружила, что в XVI–XVII вв. 200 человек носили имя Богдан (Богдашка) [Закачкова 1977: 128]. В 1615 году «за царицынское острожное дело» получил государево жалованье царицынский стрелец Богдашка Кузьмин [Самойлов, Супрун 2002: 55].

Антропонимические переводы осуществлялись не только с греческого, но и с латыни. Русское имя *Домашний* является калькой имён Domitius, Dometian, которые носили святые IV и VI–VII веков [Мирославская 1959]. В словаре Н. М. Тупикова приведены имена *Домашней / Домачней, Домашня, Домаш* [Тупиков 1903: 131–132]. От имени образована фамилия *Домашнев*. Возможно, на бытовое распространение русского имени *Тихомир* оказал влияние латинский антропоним Clemens, образованный от прилагательного со значением ‘милостивый, кроткий’ [Супрун 2019: 171]. На Руси почитался апостол от семидесяти Климент I. Во многом это было связано с житиями славянских первоучителей святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, которые обрели его мощи в Херсонесе, сохранили их и передали папе Адриану II во время поездки в Рим для представления созданной ими славянской азбуки. Мощи Климента Римского находились также в Десятинной церкви в Киеве, куда их привёз из Херсонеса после своего крещения равноапостольный Владимир [Супрун 1996: 24]. От древнерусского имени образована фамилия *Тихомиров*.

Одно из имён, звучащее по-русски, попало в антропонимикон по недоразумению. В святцах у многих святых используется приложение, характеризующее человека по его деятельности, месту жительства, христианским заслугам и пр. В церковном календаре упоминаются два святых с приложением *воин*: Иоанн (память 30 июля) и Зосима (память 19 июня). Кем-то из священников оно было воспринято как самостоятельное имя, тем более что писались обычно эти приложения с прописной буквы. В XVIII веке был крещён Воин Яковлевич Римский-Корсаков (1702–1757), будущий вице-адмирал, командующий Кронштадтской эскадрой. Это же имя носил другой представитель рода Римских Корсаковых — Воин Андреевич (1822–1871), русский мореплаватель, географ, гидрограф [Дёмин 1986].

Сложным путём вошло в русский антропонимикон женское имя *Светлана*. Оно было сочинено русским учёным-славистом, палеографом и лексикографом Александром Христофоровичем Востоковым (1781–1864) в пору его юношеского увлечения поэтическим творчеством. В январе 1802 года им была написана «богатырская повесть в четырёх песнях» «Светлана и Мстислав». Двухтомник его стихотворений «Опыты лирические и другие мелкие сочинения в стихах» (1805–1806) был сочувственно оценён критикой, положительные отзывы опубликовали журналы «Любитель словесности» и «Вестник Европы» [Орлов 1935:

10]. Об этом сборнике, вероятно, знал Василий Андреевич Жуковский (1783–1853), который читал «Вестник Европы», а в 1808–1809 годы был его редактором. Он мог читать и псевдоисторическую поэму «Светлана и Мстислав», которая начиналась такими строчками:

Светлана в Киеве счастливым
Красой и младостью цвела
И изо всех красавиц дивом
При княжеском дворе была [Востоков 1936: 70].

В начале XIX века во многих великосветских салонах Санкт-Петербурга и Москвы с восторгом отзывались о произведении немецкого поэта Готфрида Августа Бюргера «Lenore» (1773). Оно было создано по мотивам шотландской народной баллады «Клятва верности», которую в 1765 году английский писатель и журналист Томас Перси (1729–1811) включил в антологию «Памятники старинной английской поэзии». Эта антология послужила стимулом для возрождения баллады в европейской литературе и для романтизма в целом. Балладу Г. А. Бюргера в 1796 году перевёл на английский язык начинающий писатель Вальтер Скотт (1771–1832), опубликовавший свой перевод без подписи. С этого времени в литературе Европы начинается мода «на страшное». И Россия не могла пройти мимо неё. В 1808 году В. А. Жуковский на основе сюжета Г. А. Бюргера создаёт свою балладу, в которой переименовывает героиню в Людмилу. В ней девушка ожидает, что жених вернётся «из далёких, чуждых стран с грозной ратью славян». «Страшный» сюжет не оставляет поэта, и в 1812 году он пишет новую балладу, которую назвал «Светлана». Она стала популярной в стране, его начальные строки «Раз в крещенский вечерок / Девушки гадали: / За ворота башмачок, / Сняв с ноги, бросали» были известны любому школьнику. В 1831 году В. А. Жуковский в третий раз обратился к тексту баллады Г. А. Бюргера, на этот раз переведя её близко к тексту оригинала и озаглавив «Ленора».

А. С. Пушкин хорошо знал и высоко ценил творчество В. А. Жуковского, хотя и позволял себе порой иронизировать над ним. Он брал цитаты из произведений Василия Андреевича в качестве эпиграфов к своим произведениям. Если в повести «Метель» эпиграф намекает на дальнейшее развитие сюжета, то в пятой главе «Евгения Онегина» упомянуто имя героини баллады: О! не знай сих страшных снов / Ты, моя Светлана... [Пушкин 1837: 139].

В России имя *Светлана* было на слуху, однако попытки крестить девочек с этим антропонимом не допускались церковью. Известный деятель Русской Православной Церкви Сергей Васильевич Булгаков (1859–1932) в начале XX века в своей «Настольной книге для священно-церковно-служителей» писал: «Но, само собою разумеется, если родители пожелают, чтобы младенцу было дано имя, которого нет в числе святых Православной Церкви, то, как бы ни были настойчивы требования родителей, такое имя не может быть наречено священником». В примечании к этому замечанию он добавляет: «Ни в коем случае не могут быть нарекаемы такие имена, как, напр., Ита, Мирра, Светлана, Флена, так как среди чтимых в Православной Церкви угодников Божиих совсем нет святых с такими именами» [Булгаков 1993].

Прошло время, имя Светлана стало весьма популярным в Советском Союзе и даже вышло за его пределы. А. Я. Шайкевич отмечает: «Высокий социальный статус мы наблюдаем и у новых имен: *Алла, Инна, Светлана, Элеонора*» [Шайкевич 1996: 269]. В церковном календаре появилась запись: Фотина, Фотиния (Светлана), память Фотины Римской отмечается 20 марта / 2 апреля, Фотинии Палестинской — 13/26 февраля. В некоторых источниках сообщается, что Светлана может праздновать именины и в день мученицы Фоты Римской, но в календаре параллельное имя не приводится, видимо, потому, что её память отмечается в тот же день, что её сестры Фотины.

Болгарский антропонимикон подробно и профессионально проанализирован И. А. Седаковой [2010; 2015; 2017; 2022]. Исследовательница отмечает: «Пространство для создания и/или прочтения текста здесь необъятное, и это обусловлено во многом архаичностью болгарской традиционной культуры и своеобразием болгарского (народного) православия» [Седакова 2022: 92]. У Болгарской Православной Церкви нет ограничений на крещение именами, которые не встречаются в святцах. Болгары отмечают именины (*честит имен ден*) в день памяти святого, чье имя на ту же букву, созвучно или переводится похоже (*Божидар* — в день святого Феодора или Феодота, *Пламен* — в день святого Фотия и т. д.). Возникают антропонимные кальки [Балкански, Цанков 2010: 32]. Именины в Болгарии — это не в прямом смысле день ангела и не всегда понимается как день святого покровителя; праздник часто носит светский характер, его отмечают и атеисты, и даже представители других вероисповеданий [Седакова 2022: 92]. За многие века существования болгарской системы имён практически каждое заимствованное

имя получало в разный период славянский перевод: Иона — Гъльб, Виола — Теменуга, Анастасия — Възкресия, Евангел — Блавест, Севда — Любовь и др. [Седакова 2022: 87]. В некоторых случаях происходило создание из апеллятива болгарского имени, не вполне соответствующего простому переводу: *Агата — Добра, Добринна, Блага, Благина, Блажка, Краса, Хуба, Хубана; Аглая — Светла, Сияна; Хриса — Златна, Злата, Златина* [Радева 2019: 64–65].

Интересная судьба у имени *Зоя* в русском и болгарском антропонимиконах. Славяне заимствовали это имя у греков; антропоним *Zoŷ* означает ‘жизнь’. Возможно, оно было калькой библейского имени *Ева*. В европейской культуре имя получила форму англ. *Zoe, Zoue*, нем. *Zoë*, ит., исп., порт. *Zoe*, фр., *Zoé*. Имя *Зоя* было в России популярным в первой половине XX века, до этого оно использовалось в основном у монахинь. В православные святцы оно включено трижды: *Зоя Агталлийская* (Памфилийская), замучена во II веке, день памяти 2/15 мая, мученица *Зоя Римская* (III век), день памяти 18/31 декабря, преподобная *Зоя Вифлеемская* (V век), день памяти 13/26 февраля. Первая из них наиболее известна, поэтому день её памяти получил в народном календаре название *Зоин день*. Имеется примета: Если на Зоин день (то есть 15 мая) соловья услышишь раньше кукушки, то счастливо проведёшь всё лето.

В XIX веке имя встречалось редко: в 1861 году родилась будущая революционерка *Зоя Григорьевна Ге* [Яковенко 2006], в 1866 году — оперная певица *Зоя Петровна Лудий*. В начале XX века родились певица *Зоя Васильевна Щёлокова* (1904), разведчица *Зоя Ивановна Воскресенская* (1907), писательница *Зоя Фёдоровна Богуславская* (1909). После Октябрьской революции в России это имя набрало большую популярность, что было связано, видимо, с эвфоническими и эвсемантическими причинами: имя короткое, удобное в произношении, имеет положительно воспринимаемую этимологию. А. Я. Шайкевич отмечает, что имя *Зоя*, как и 12 других женских антропонимов, в начале XX века увеличили свою частоту в полтора раза [Шайкевич 1996: 269]. В 1921 году в Царицыне родилась детская поэтесса *Зоя Алексеевна Петрова*, 1923 году в Тамбовской губернии — *Зоя Анатольевна Космодемьянская*. Наибольшая частотность наречения именем *Зоя* девочек отмечена в 1929 году [Мужские и женские имена].

В болгарской языковой среде имя *Зоя* встречается крайне редко. Переводным эквивалентом к антропониму *Зоя* является болгар-

ское имя *Живка*, которое произошло от славянского корня *жи-* (*жив, живая, живот*). Это имя встречается довольно часто у болгарок. В болгарском календаре имена Зоя и Живка приходятся на 13 февраля. Известными в Болгарии людьми являются писательница Живка Черноземска, актриса Живка Бакалова и фигуристка Живка Бонева. Среди переводчиков поэзии Владимира Семёновича Высоцкого отмечены Живка Балтаджиева и Живка Иванова. Это имя носит популярная молодая поэтесса Живка Митова.

Итак, русская и болгарская антропонимические системы, несмотря на генетическую близость языков и культур, обнаруживают существенные различия. Прежде всего они связаны с разным отношением к формированию антропонимиков со стороны православных церквей: русская традиция имянаречения достаточно ригорозна, требует строгого следования установленным спискам имён (святцам); болгары выбор имён осуществляют по свободным правилам, прибегая к переводу антропонимов православного календаря, к созданию единиц на базе фонетической, деривационной или семантической аттракции.

Литература

Балкански Т., Цанков К. Энциклопедия на българската ономастика: към основите на българската ономастика. Велико Търново: Фабер, 2010. 552 с.

Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковно-служителей. М.: Изд. отд. Московского патриархата, 1993. 1774 с. (репринтное издание).

Востоков А. Стихотворения. / Вступ. ст., ред. и прим. Вл. Орлова. Ленинград: Советский писатель, 1936. 160 с. (Библиотека поэта, малая серия, № 10).

Дёмин Л. М. Сквозь туманы и штормы: (Мореплавателъ Воин Андреевич Римский-Корсаков). М.: Мысль, 1986. 208 с.

Димитрова Н. Д. Русские грамматические термины в болгарской культурной традиции. Автореф. дис. <...> канд. филол. наук. М., 2002. 17 с.

Заказчикова Т. А. Забытые имена наших предков // Русская речь. 1977. № 3. С. 126–131.

Иванова Е. Ю., Шанова З. К., Димитрова Д. И. Болгарский язык: Курс для начинающих. СПб.: КАРО, 2011. 368 с.

Мужские и женские имена. [Электронный ресурс]. URL: <https://name-index.ru/index.php?name=зоя&ysclid=llm6o0x7qb694708615>

Милтенова А. Заметки по периодизации и специфике болгарско-русских книжных взаимоотношений // Славянский альманах — 1998. / Отв. ред. М. А. Робинсон. М.: Индрик, 1999. С. 181–188.

Мирославская А. Н. Древнерусские имена и прозвища в «Новгородских записных кабалных книгах 100–104 и 111 годов» // Учёные записки Калининградского гос. пед. ин-та. Вып. VI. Калининград, 1959. С. 336–362.

Орлов Вл. Востоков // Востоков А. Стихотворения. / Вступ. ст., ред. и прим. Вл. Орлова. Ленинград: Советский писатель, 1936. С. 5–39.

Павлова Р. Некоторые проблемы изучения языковых взаимодействий болгар и русских (X–XIV вв.) // Славянска филология. Т. 17. Езикознание: Доклады и статьи за IX Международен конгрес на славистите. София: Бълг. акад. на науките, 1983. С. 33–45.

Петрушко В. И. Очерки по истории Русской церкви: с древнейших времен до середины XV в.: учебное пособие. М.: Изд-во ПСТГУ, 2019. 509 с.

Пушкин А. С. Евгений Онегин, роман в стихах / Сочинение Александра Пушкина. Издание 3-е. СПб.: Тип. экспедиции заготовления гос. бумаг, 1837. II + 310 с.

Радева П. Нов речник на личните имена у българите. София: Проф. Марин Дринов, 2019. 456 с.

Рогожин Н. М. Посольский приказ: колыбель российской дипломатии. М.: Международные отношения, 2003. 432 с.

Седакова И. А. Болгарский антропоним как (балканский) текст // Вопросы ономастики. 2022. Т. 19. № 3. С. 83–101.

Седакова И. А. Вербное воскресенье: растительный код и «цветочные» именины у болгар // Традиционная культура. 2010. № 6. С. 115–121.

Седакова И. А. Дейксис и языковые жесты в пространстве болгарского именослова // Балканский дейксис и балканские (языковые) жесты: Памяти Т. М. Николаевой. / Отв. ред. М. М. Макарецов. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2017. С. 38–51.

Седакова И. А. Имя и имена у болгар: специфика болгарского антропонимикона // Материалы III Междунар. науч. конф. «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» (Екатеринбург, 7–11 сентября 2015 г.). / Под ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 237–239.

Словарь поэзии Николая Вапцарова (опыт лексикографического описания болгарского художественного текста). Вып. 1–3. / Отв. ред. Г. В. Крылова. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1998–2010.

Супрун В. И. Православия святые имена: учебное пособие по истории религии. Волгоград: Кооператив «Книга», 1996. 176 с.

Супрун В. И. Сопоставительная ономастика: проблемы изучения русских имён собственных иностранными учащимися // Изучение русского языка в сопоставлении с родным: тезисы докладов и сообщений IV международного симпозиума. / Отв. ред. М. Леонидова. Велико-Тырново, 1984. С. 157–158.

Супрун В. И. Становление русского антропонимикона: этапы христианизации // Хрестоматия теолингвистики: Сб. статей. Т. 2. Ульяновск: Мастер Студия, 2019. С. 156–175.

Тушков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1903. 857 с.

Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. Иноческие имена на Руси. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2017. 344 с.

Честотен речник на Вапцаровата поезия. / Съст. Г. В. Крылова, А. А. Азарова, Е. А. Захаревич, Е. Ю. Иванова, Е. В. Цуцкарева, З. К. Шанова, М. Ю. Котова. Велико Търново: Абагар, 1996. 287 с.

Шайкевич А. Я. Социальная окраска имени и его популярность // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: памяти Татьяны Григорьевны Винокур. / Отв. ред. Н. Н. Розанова. М.: Наука, 1996. С. 265–280.

Шанова З. К. Аудитив в современном литературном македонском языке: дис. <...> канд. филол. наук. Ленинград, 1980. 157 с.

Шанова З. К. Переводы произведений Ивана Вазова на русский язык // Материалы XXIX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 5. Пятое Державинские чтения «Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики». СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000. С. 41–42.

Шанова З. К. О некоторых сложностях перевода Алеко Константинова на русский язык // IV Славистические чтения, посвященные памяти проф. П. А. Дмитриева и проф. Г. И. Сафронова: матер. междунар. науч. конф. СПб.: Изд-во фак-та филологии и искусств С.-Петербург. ун-та, 2005. С. 187–191.

Яковенко М. М. Зоя Ге: Документальная повесть. М.: Звенья, 2006. 176 с.

В. М. Мокиенко

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург (Россия)

ОТ ЕВЫ К ЗОЕ. КУЗЬМИНИЧНЕ (о судьбах библейского имени)¹

Статья посвящена юбилею З. К. Шановой. Поскольку имя *Зоя* греческого происхождения, где, в свою очередь, оно является калькой с иврита — *Ева* (ивр. *פֶּדָה*), то именно последнее имя анализируется как один из узнаваемых библеизмов. В русском литературном языке оно обрело богатую коннотативность и вошло в состав нескольких фразеологизмов. Ассоциативное поле этого имени в славянском фольклоре гораздо богаче, хотя далеко не все паремии

© Мокиенко В. М., 2023

¹ Исследование выполняется за счет гранта Российского научного фонда (проект №23-18-00252, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете) «Библейское наследие восточнославянских языков в лингвокультурологической и лексикографической интерпретации (Большой русско-белорусско-украинско-руси́нский словарь библеизмов)».

употребительны. В статье анализируются крылатые выражения с компонентом *Ева* в славянских языках, в том числе болгарском.

Ключевые слова: *З. К. Шанова, библеизм, Ева, крылатые слова, фразеологизмы, паремии.*

Юбилей Зои Кузьминичны Шановой в каком-то смысле — и юбилей нашей кафедры славянской филологии. Во всяком случае, для моего поколения, которое помнит, как медленно, но верно восходила звезда известной и признанной ныне Болгаристки и Македонистки. И уже потому внести свою лепту в сборник, Ей посвященный, — дело сакральное. Именно в этом ключе я подбирал тему для этой статьи, руководствуясь древним афоризмом *Nomen est omen*. Правда, пока я раздумывал над такой темой, меня (как всегда) опередил мой бывший аспирант профессор Василий Иванович Супрун, посвятивший имени Зои Кузьминичны основательный доклад «Зоя — это Живка: сходства и различия русской и болгарской антропонимических систем (к юбилею З. К. Шановой)» [Супрун 2023], полный текст которого опубликован в этом же сборнике. Читатель вместе с автором этой статьи погрузится в самые этимологические глубины сакрального имени моей сверстницы, узнает, что оно заимствовано у греков, где *ζωή* значит саму ‘жизнь’ и приобрело популярность в России благодаря его включению в святцы и в связи с жизнью и деятельностью известных личностей. Параллелизм же русской *Зои* с болгарским именем *Живка*, как имплицитно, но убедительно предположил В. И. Супрун, оказался судьбоносным, т. е. стал тем Опеном, который предопределил всю славистическую *жизнь* Зои Кузьминичны.

Видя, сколь глубоко и значимо раскрыта сущность и языковая генеалогия имени известным специалистом по славянской ономастике, я понял, что ничего нового об имени *Зоя* мне сказать не удастся. Более того — В. И. Супрун предотвратил мои поиски в совершенно ложном народно-этимологическом направлении. Ведь омонимический корень *зой-* довольно интенсивно представлен в народной речи (особенно в севернорусских диалектах) и может навести на мысль, что корни имени Юбиляра надо искать именно там. Вот лишь несколько созвучных образований, от родства с которыми В. И. Супрун уберег наше сакральное имя:

иркут. *зоя* ‘хлопотун, хлопотунья; человек, досаждающий окружающим вечными хлопотами’ [СРНГ 11: 346]; арх., олон. *зóить* ‘громко

говорить, кричать, ругаться»; олон. 'громко стонать, охать'; арх., онеж. *зóйтся* 'жить не в ладу, задираться, ссориться', 'шалить, резвиться'; яросл. 'хлопотать'; арх. *зой* 'крик, шум': «Был на сходке: расслушать ничего не мог; только *зой стоит*»; арх., олон. 'спор, ссора, драка'; иркут. 'громкий собачий лай'; олон. 'отголосок, эхо': «Экой *зой* по лесу-то пойде, как рыкнешь»; пск., твер. ласк. 'о маленьком, веселом ребенке'; олон. 'нахал'; иркут. 'о том, кто вечно хлопочет, досаждаёт другим своими хлопотами'; твер. *зóйка* ласк. 'о маленьком веселом ребенке', вят. 'о назойливом человеке' [СРНГ 11: 346]; *зóйный* 'шумный, крикливый'; сиб., симб. 'беспокойный, суетливый, хлопотливый' [СРНГ 11: 326]; 'громоздкий, занимающий много места'. Камчат., 1810 [СРНГ 11: 327].

Конечно же, после прочтения статьи В. И. Супруна ни у кого не останется сомнений, что имя *Зоя* может быть хоть как-то связано с криком, шумом, дракой, ссорой, а тем более — с громким собачьим лаем. И даже ум.-ласк. тверскую *зóйку* любой вооруженный методикой сравнительно-исторического анализа этимолог решительно отвергнет. Тому же, кто хорошо знает биографию Зои Кузьминичны, может показаться заманчивой фиксация прил. *зóйный* в камчатском регионе (последний пример приведенного ряда). Ведь после окончания университета наш будущий Юбиляр с молодым мужем, как известно, отправилась на Камчатку, где провела несколько лет и даже участвовала в приручении тамошних медведей. Ясно при этом, что омонимическое схождение ее имени с камчатским диалектизмом было лишь случайным и эпизодическим, в то время как возвращение в *alma mater* и в болгаристику — закономерным.

Итак, В. И. Супрун, досконально и доказуемо раскрывший внутреннюю форму имени *Зоя* на болгарском и общеславянском фоне, «перехватил ветер из моих парусов», как говорят немцы (*nahm mir den Wind aus den Segeln*), и я уже начал подыскивать иную тему для своей юбилейной лепты. Но именно немецкий фразеологизм заставил меня все-таки продолжать путь в направлении *Nomen*. Ведь направление ветров может меняться. Попутным ветром В. И. Супруна стал, как мы видели, славянский ветер, где греческое заимствование *ζωή* 'жизнь' превратилось и в русскую *Зою*, и в болгарскую *Живку*. «А не поплыть ли мне в обратном направлении»? — подумал я. — Эта мысль наверняка должна понравиться Зое Кузьминичне, поскольку напоминает известную ленинскую цитату «Мы пойдем другим путем». Напоминает, потому что наша Юбиляр, в отличие от многих, была и остается убежденной коммунисткой, что заслуживает особого уважения.

Но вернемся к этимологии и разноветренности. Если повернуть паруса в сторону от Славии к Древней Греции и еще дальше на Восток, то имя *Зоя* обретет иную сакральную фонетическую ипостась. Ведь *ζωή* (на эолийском диалекте *ζοῖα*) — не что иное, как калька, буквальный перевод более древнего слова, уже не греческого, а древнееврейского — *Ева* (ивр. *חַוָּה*, *Хава*). Буквальное значение этого библейского имени — «дающая жизнь», «подательница жизни». Значит, греки лишь перевели на свой язык это древнееврейское имя, тем самым несколько десакрализовав его, хотя и сохранив его смысловую высоту. Но для старшего поколения нашей кафедры имя *Зою* Кузьминичны все-таки не утратило своей библейской сакральности. *Зоя* — это еще и *Ева*, т. е. Славистка, «дающая жизнь» и болгаристике, и македонистике, что в юбилейном сборнике доказуемо представлено.

Для меня же такой поворот ветра, преобразивший *Зою* в *Еву*, предоставляет возможность прецедентных коннотаций этого древнего библеизма, о котором в силу лимита места мне пришлось некогда лишь вскользь упомянуть в юбилейной статье проф. Адаму Евгеньевичу Супруну [Мокиенко 1998], посвященной имени *Адам* в славянских языках.

Имя *Ева* (alias *Зоя*) прочно вошло в крылатый фонд многих языков мира и породило массу выражений разного типа. Собственно, хрестоматийно известно, что этим именем названа первая женщина, созданная Богом из ребра Адама, — прародительница человеческого рода и что за нарушение запрета Бога не трогать плодов с дерева познания она вместе с Адамом изгнана была из рая. Ср. Быт 2, 22: «И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку». Быт 3, 20: «И нарек Адам имя жене своей: Ева, ибо она стала матерью всех живущих».

В своем словаре [Лилич, Мокиенко, Трофимкина 2010: 201, 37–38, 124, 188, 229, 276–277] мы попытались максимально полно представить матрицу образных ассоциаций этого имени в русском языке. И такие ассоциации, наряду с ветхозаветными реминисценциями, пластично отражаются в произведениях классической литературы, где характер Евы предстает во всем многообразии:

О люди! Все похожи вы // На прародительницу *Еву*: // Что вам дано, то и влечет: // Вас беспрестанно змий зовет // К себе, к таинственному древу: // Запретный плод вам подавай, // А без того вам рай не рай. *А. С. Пушкин, Евгений Онегин*.

— Баба — сила, она самого Бога обманула, вот как! — жужжала она [Матрёна], пристукивая ладонью по столу. — Из-за *Евы* все люди в ад идут <...> Я особенно запомнил, что «Ева — Бога обманула». *М. Горький. В людях.*

Озарённая напевом, // Ты полюбишь мира звенья, // Будешь радостною *Евой* // Для иного поколения. *Н. Гумилев. Разговор.*

Юноша, бурно дыша, // Приподнялся, глядел на даму // (Так *Ева* была Адаму // Первозданна и хороша). *Н. Крандиевская. Дорога в Мозлан.*

— Вы — плохая *Ева*, у вас мало любопытства... Вас не интересует, почему я стал так часто бывать здесь, а? *М. Горький. Зыковы.*

Души и ветрености смесь! // Над стольких *Ев* невинных — змеем, // Над скольких Ариадн — стою — Тезеем?! *М. Цветаева. Приключение.*

Но *Евочка* намазывала пятки, // Пока Адам дрых, головой в лопух, // И голубые райские порядки // Трещали и разламывались в пух. *Р. Казакова, Еще о Еве.*

Не все такие ассоциации, конечно, обретают устойчивость. Тем не менее, многие из них воплощаются в крылатые выражения, запечатлевающие наиболее известные и типичные коннотации этого имени. В русском языке они не слишком многочисленны и во многом аналогичны европейским оборотам. Так, шутливо-иронический фразеологизм *в костюме (наряде) Евы* характеризует обнаженную женщину:

А тебе доставляет удовольствие смотреть на Терезу *в костюме Евы*? *Л. Н. Толстой. Анна Каренина.*

Это был невысокий канделябр <...> Изображал он группу: на пьедестале стояли две женские фигуры *в костюмах Евы*. *А. П. Чехов. Произведение искусства.*

Выражение прозрачно даже для не знатоков Библии, ибо всем известно, что до грехопадения Адам и Ева ходили без всякого стеснения обнажённые. Ср. Быт 2, 25: И были оба наги, Адам и жена его, и не стеснялись.

Европеизмом является и фразеологическая единица *с Адама и Евы*. Она фактически является лишь вариантом гораздо чаще употребительного выражения *от (с) [самого] Адама, с Адамовых времён* ‘с очень давних пор, издревле’

С Адама и Евы одна и та же история у всех, с маленькими вариантами. *И. А. Гончаров. Обыкновенная история.*

Генеалогия Евы как прародительницы рода человеческого воспроизведена в двух шуточных фразеологизмах, подчеркивающих гендерный приоритет в генеалогической таблице о рангах — *Евина дочка* и *Евина внучка* ‘об истинной женщине со всеми свойственными ей качествами’:

Скучаю я по Катерине, вот и всё... Закрою глаза — и вижу её, живую, открою глаза — ноздрями её слышу... Всё ей прощаю, всех мужиков, с тобой вместе... *Евина дочка*, — и сказать больше нечего...
А. Н. Толстой. Пётр I.

При первой же вспышке всё это высказывалось им дочерям без пощады <...>, но дочери, как настоящие *Евины внучки*, не унывали.
С. Т. Аксаков. Семейная хроника.

Пожалуй, всего лишь одно выражение с именем *Ева* (тоже шуточное и даже ироническое), попавшее в язык русской художественной литературы, можно считать оригинально русским или даже, скорее, индивидуально-авторским — *Евин зуд*. Оно характеризует женское любопытство:

Ей [Любови] стало жалко его [Маякина] <...> — Папаша! Вам нездоровится — скажите! — Её ласки были крайне редки; они всегда смягчали одинокого старика <...> И теперь, передёрнув плечами и сбросив с них её руки, он сказал ей: — Иди, иди на своё место. Ишь, разбирает тебя *Евин зуд*... *М. Горький. Фома Гордеев.*

Конечно, следы *Евы* в русском языке не ограничиваются знакомыми всем устойчивыми словосочетаниями. В народной речи и паремииологии прошлых веков запечатлены пословицы и поговорки, где её образ воспроизводит — иногда весьма необычно — библейские реминисценции:

*Адам плотию наделил, Ева — грехом*¹ [ДП 1: 162; Сирот 1985: 106]; *Адам заключи древом, а Ева выстонала чревом* [ДП 1: 275]; [*Ай ай!*] *Ева прельстила древом и выстонала (простонала) чревом* [Сим.: 173; РС нач. XVIII в.: 77; СлРЯ XI–XVII вв. 3: 259; ДП 1: 162; СПП 2001: 130]; *Ева Адама прельстила, весь род потопила (погубила)* [ДП 1: 162]; *Ева Адаму идти кажет в яму* [Сн. 1848: 111]; *Ева скурила — весь свет погубила* [Сим.: 99; СлРЯ XI–XVII вв. 25: 46; Кол. 2007: 133].

¹ В целях экономии места точные данные об источниках (в сокращении) читатель найдёт в нашем «Большом словаре русских пословиц» [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010].

< Скурить (от скурвить?) — совершить грехопадение; *Хотел бес Еву ногами затоптать а уж ея и руками не достать* [Сим.: 149]; *Хотел бес Еву ногами затоптать, а уж с руками не достать* [Сн. 1848: 441]; Урал. *Бог создал Адама и Еву, Адам создал Пензенскую (Пензенску) губернию, а чёрт сделал уральского казака из кислого молока и покрыл Пензенской губернии тыквой* [Мал. 2003, 4: 287].

Такого рода фольклорные «интерпретации» библейского образа прародительницы известны и другим славянским языкам. В украинском, например, зафиксированы такие паремии: *Адам був чоловік не нашого брата, та й той спіткнувся на Єві; Єва, та й та грішна, а про нас і балакати нічого* [ПП 2: 85; 219]. А само имя *Єва* в шутку употребляется, когда кто-л. оправдывает какой-либо пустяковый поступок [ПП 2: 391].

В трехтомном тезаурусе польской паремиологии [NKP 1: 555–556] зафиксировано 14 пословиц и поговорок с именем *Ewa*, но большинство их — столь же мало употребительны, как и приведенные выше русские:

Bonuje sobie jak Ewa w rajy; Chuda (zła) jak sucha Jewa; Diabeł Ewę po włosku zwodził, Ewa Adama po czesku, Bóg ich po niemiecku gromił, anioł zaś po węgiersku z rajy wygnał; [Ewa] Jewa jabłko zjadła, a Jadamowi wógrizkę da; Ewa zgrzeszyła, Adama skusiła; Gdyby diabeł w rajy nie miał jabłka, skusiłby Ewę krynoliną; Grzej się, Ewka, kiedy się palą drewna; I pani Ewa nie była ciekawsza; Naści, Ewo, jabłko, skosztuj, jak ci pójdzie gładko; Nieodrodna (prawdziwa) córka Ewy; On nie służy Panu Bogu tylko świętej Ewie, bo nie chodzi na podeszwie tylko na cholewie; Tako sago Jewa; Wesole córny Ewy; Wszystkim to Ewom idzie przyrodzeniem samym, że rzadka, która z swoim zgadza się Adamem.

Разумеется, полное совпадение компонентов таких пословиц и поговорок не всегда гарантирует их семантическое тождество. Так, в то время как в русском языке *Евина дочка*, как мы видели, характеризует истинную женщину со всеми свойственными ей качествами, в польском языке *wesołe córny Ewy* маркированы всего лишь одной характеристикой — «dziewczęta lekkich obyczajów» [NKP 1: 556]. Тем не менее, три семантические доминанты — древнейший период существования человечества, гендерная маркированность и полная, можно даже сказать ослепительная нагота, проходят красной нитью через всю европейскую фразеологию, как славянскую, так и несла-

вянскую. Вот лишь пунктирный межъязыковой параллелизм таких устойчивых выражений: бел. *ў касцюмах Адама і Евы; ў касцюме Евы*; словацк. *oblečená ako Eva*, чеш. *v rouše (v rouchu) Evině; nahá jako Eva*; серб. *обучена као Ева*; хорв. *u Evinu kostimu; Evina kći; od Adama i Eve; početi prepovedati od Adama i Eve; pričati (početi) od Adama [i Eve]*; нем. *von Adam und Eva stammen; bei Adam und Eva anfangen; eine junge (hübsche, kokette, typische) Eva (Evastochter); im Evakostüm*; фр. *fille d'Eve; n'être ni d'Eve ni d'Adam; ne connaître qu ni d'Adam ni d'Eve* и под.

Единство в отражении фразеологией европейских языков трех ипостасей образа Евы — хронологической древности, прародительницы женщин и абсолютной наготы вполне понятно, ибо это единство вытекает из ветхозаветного текста. Не случайно и в любимом славянском языке Зои Кузьминичны Шановой оно нашло отражение: *от [дядо] Адам и Ева* «от много стари времена, от много отдавна» [ФРБЕ 2: 63]; *Евина дъщеря* «жена» [ФРБЕ 1, 308]; «слаба, безпомощна жена» [Влахов 1996, 95]; *в Евино облекло* «за жена — напълно гола» [ФРБЕ 1: 129; Влахов 1996, 95]; *преди (от [времето на] Адам и Ева; евин плаж* [Влахов 1996, 95]. Именно это триединство и сохранено болгарским языком в библейском источнике паспортного имени нашего (точнее — нашей) Юбиляра (resp. Юбилярицы). А в болгарском словаре мне даже встретилось точное указание на то, как именно носительница такого знакового имени должна проводить время на своем заслуженном отдыхе:

«Двете момичета прекараха целия ден *в евино облекло* зад скалата, пекоха се на слънце и се къпаха в реката» [ФРБЕ 1: 129].

Именно этого я и хочу пожелать своей сверстнице *Зое, alias Еве*. Разумеется, — Кузьминичне.

Литература

Влахов С. Енциклопедичен речник от Авгий до Яфет. Български изказни средства от чужди собствени имена. София: Петър Берон, 1996. 430 с.

Лилич Г. А., Мокиенко В. М., Трофимкина О. И. Толковый словарь библейских выражений и слов: ок. 2000 единиц. М.: АСТ: Астрель, 2010. 639, [1] с.

Мокиенко В. М. Адам в славянских языках // Число — язык — текст: Сб. статей к 70-летию Адама Евгеньевича Супруна. Минск: Белгосуниверситет, 1998. С. 14–28.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц. / Под общ. ред. проф. В. М. Мокиенко. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.

ПП: Прислів'я та приказки. / Упорядник М. М. Пазяк. Київ: Наукова думка, 1989–2001.

СРНГ: Словарь русских народных говоров. / [Гл. ред. Ф. П. Сороколетов]. Вып. 1–52. Л.–СПб., 1965–2021. (издание продолжается).

Супрун В. И. Зоя — это Живка: сходства и различия русской и болгарской антропонимических систем (к юбилею З. К. Шановой). // Санкт-Петербургский государственный университет. LI Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой 14–21 марта 2023, Санкт-Петербург: Сборник тезисов. СПб., 2023. С. 1223–1224.

ФРБЕ: Фразеологичен речник на българския език. / К. Ничева, С. Спасова-Михайлова, Кр. Чолакова. Т. 1–2. София: Изд-во на Българската Академия на науките, 1974–1975.

НКР: Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich / Pod red. akad. Ju. Krzyżanowskiego. Т. 1–4. Warszawa: Państwowy instytut wydawniczy, 1969–1978.

Б. Мирчевска–Бошева, К. Велјановска

Универзитет „Св. Кирил и Методиј“, Скопје (Северна Македонија)

ПРИДОНЕСОТ НА РУСКИТЕ ЛИНГВИСТИ ВО РАЗВОЈОТ НА МАКЕДОНСКАТА ЛЕКSIKOГРАФИЈА

В данной статье рассматриваются македонско-русские связи через призму лексикографии. В центре нашего внимания будут работы тех авторов, которые подтверждают исключительный вклад русских лингвистов в развитие лексикографии македонского языка.

Ключевые слова: *русские лингвисты, словари, лексикография, македонский язык*

Предмет на интерес на овој труд се дејствувањата на поединци кои својот интерес го насочиле кон македонскиот јазик и го усвоиле во толкава мера што создавале или се вклучени во тимовите што создаваат фундаментални трудови, монографии и прирачници во сфери кои никогаш претходно не биле разработени од самите носители на

јазикот. Еден таков пример е и Зоја Кузминична Шанова чија работа на полето на македонистиката беше непосредна мотивација во овие редови да се фокусираме на македонско-руските врски низ призмата на лексикографијата или поконкретно да се задржиме на влогот на руските лингвисти во развојот на македонската лексикографија.

Во афирмацијата на македонскиот јазик во славистичката наука, по длабочината на научниот зафат и по постигнатите резултати, се истакнуваат повеќе руски лингвисти. Овој преглед ќе го започнеме со работата на Самуил Борисович Бернштејн, чиј интерес за македонскиот јазик започнал уште 1927/28 кога учествувал на семинар за македонски јазик одржан на Московскиот државен универзитет „М. В. Ломоносов“ од страна на Афанасиј Матвеевич Селишчев [Nomachi 2022: 43]. Бернштејн е меѓу првите научници кои го изделуваат македонскиот јазик како засебен во јужнословенската група. Тој станува автор на првите енциклопедиски одредници ‘Македония’ и ‘Македонский язык’ во првата Советска енциклопедија (1938) — третирани како одделен геополитички и етнокултурен субјект на словенскиот југ [Ристовски 2014: 34]. Тој објавува низа статии во кои пишува за македонскиот јазик третирајќи го како рамноправен на другите словенски јазици [Бернштейн 1948, 1956, 1958, 1961], а од неговите мемоари се дознава дека во 1946/47 пишува монографија под наслов „Македонский язык“ (насловот на ракописот е „Очерк македонского литературного языка“). Станува збор за граматика насочена пред сè кон опис на морфологијата, но во ракописот била предвидена читанка и македонско-руски речник кон текстовите на читанката. Овој суштествен дел од научно-истражувачкото дело на С. Б. Бернштејн и истовремено важен момент од историјата на руско-македонските научно-културни врски останува непознат за јавноста, па дури не се знае ни дали е воопшто зачуван [Ристовски 2014: 44–45], сè до пред неколку години кога јапонскиот лингвист Мотоки Номачи го наоѓа ракописот во Градскиот архив во Москва.

Бернштејн е значаен и поради фактот што создал свои следбеници и наследници меѓу кои се вбројува и Рина Павловна Усикова, врвен лингвист, вљубеник во македонскиот јазик кој го одбележа нејзиниот живот и нејзиниот работен век. Таа почнува да се занимава со македонскиот јазик уште при изработката на нејзината кандидатска дисертација „Морфология имени существительного и глагола в македонском литературном языке“ (1965). По повеќе децениски

истражувања на македонскиот јазик од различни аспекти, таа ја одбранува и докторската дисертација на тема „Македонскиот литературен јазик како предмет на славистици и балканистици“ во 2005 година. Таа е автор на низа значајни трудови за македонскиот јазик, како: граматика на македонскиот јазик, енциклопедиски одредници и поглавја за македонскиот јазик, над 120 трудови посветени на разни теми од областа на македонистиката (разработува проблеми поврзани со морфологијата на глаголот, со разни категории кај именските зборови, акцентот во македонскиот јазик, социолингвистички проблеми посветени на нормата, на јазичната ситуација, на етнојазичните и етнокултурните проблеми во македонскиот јазик и сл.) [Црвенковска 2023: 94]. Рина Усикова е и докажан лексикограф со капитални лексикографски изданија [Усикова 1997, 2003].

Како што најавивме на почетокот, нашиот интерес ќе биде насочен кон работата на руските лингвисти во областа на лексикографијата, а тука природно како доминантно се наметнува токму создавањето двојазичните македонско-руски и руско-македонски речници.

Почетоците на оваа соработка ги гледаме уште во 1946/47 година кога Самуил Б. Бернштејн тесно соработува со Блаже Конески со чија помош (во материјали и консултации) успева да ја комплетира првата монографија посветена на македонскиот литературен јазик [Nomachi 2022: 53] која меѓу другото содржи и македонско-руски речник.

Наредна значајна година која ја потврдува успешната соработка на ова поле е 1963 година кога во Москва е објавен првиот Македонско-руски речник чии автори се Д. Толовски и В. М. Илич-Свитич, а речникот е објавен под редакција на Н. И. Толстој. Според Видоески [2013: 169] тој е прв двојазичен комплетен речник на македонскиот јазик и за афирмацијата на македонскиот јазик има големо значење. За Клепикова [1998: 101] овој речник претставува прва фиксација на лексиката на македонскиот литературен јазик на првата етапа од неговиот развој како официјален јазик на државата (1945–1950). Во воведот составувачите истакнуваат дека при изработката ги имале на располагање: првиот том од Речникот на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања, Правописниот речник и Македонско-англискиот речник кон текстовите во Граматиката на Хорас Лант. Поради малубројните лексикографски извори, составувачите создале картотека која се базирала на ексцерпција од текстови од македонската книжевност, т. е. од делата на македонските писатели објавени во периодот

од 1945 до 1958. Авторите напомуваат дека покрај оштоупотребувана лексика, вклучени се и разговорни, дијалектни и архаични зборови, но дека поради честите промени на сферата на употреба на зборовите, нивните стилистички одредници имаат релативна точност. Собраниот материјал (30.000 единици) е делумно коригиран според правописниот речник и речникот кон Граматиката на Лант, како и според граматиките на Конески и Кепески. Се зеле предвид и некои информации објавени во списанијата Македонски јазик и Литературен збор. Во однос на лексичкиот фонд се забележува дека во речникот не се вклучени сите зборови што произлегуваат од еден зборообразувачки формант, туку формообразувачките и зборообразувачките морфемии се наведени на крајот на речникот. Се соочувале и со проблемот на варирањето на акцентот кај странските зборови за кои во секојдневниот говор се користеле повеќе варијанти. Ова е важно прашање имајќи предвид дека кај македонските зборови акцентот е одбележан само на зборовите кои отстапуваат од правилото за третосложно акцентирање, додека сите руски зборови имаат точно одбележан акцент. Зборовите во речникот се подредени според азбучен редослед без обединување на еднокоренските зборови во гнезда. Кај дијалектните зборови се дава превод и споредба со зборовите од основниот зборовен фонд. Фразеологизмите, поговорките, пословиците се даваат по сите значења на зборот со соодветна ознака за степенот на нивна еквивалентност во двата јазици. На крајот од Речникот има список на географски називи и краток граматички прирачник кој има за цел да даде основни информации за правописот и фонетиката на македонскиот јазик и да ги укаже најчестите форми на зборообразување на единиците што се застапени во речникот.

Во 1969 година се појавува „Македонско-руски речник“ од Ксенија Гавриш [Гавриш 1969]. Овој речник се потпира веќе на трите тома од «Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања» (1961, 1965, 1966) под редакција на Блаже Конески, а составен од авторскиот колектив: Тодор Димитровски, Благоја Корубин и Трајко Стаматовски. Речникот на Гавриш содржи 50.000 зборови и е замислен како практично помагало во совладувањето на рускиот јазик во средните училишта. Акцентот е обележен само во тугите зборови, каде што има отстапувања, а множинската форма на именките е обележена кај именките со подвижен вокал, кај еднословните именки од машки род со наставка во множина на -еви, или -и, кај именките од машки и жен-

ски род на -ија, именките од машки род со краен консонант -ј, кај именките како батко, кои во множина имаат наставка -овци. Глаголите се дадени во 3 лице еднина сегашно време, а изведените несвршени глаголи се толкуваат со упатување на преводот на свршениот вид.

Според Виндл [2001: 41] и двата речника на рускиот читател му даваат широка претстава за лексиката на македонскиот јазик со одлични преводи. Но, поради релативната нестабилност и темпото на промените што се случуваат, се чувствува неопходност од нови, или барем дополнети изданија на тие речници.

Така доаѓаме до следната важна година во овој приказ, а тоа е 1997 г. кога е издаден тритомниот „Македонско-руски речник“ со 65000 зборови и фразеологизми [Македонско-руски речник 1997]. Речникот е изработен од авторски колектив на руски лингвисти што предаваат македонски јазик на универзитетите во Москва, Санкт Петербург и Перм (Зоја Шанова, Марина Поварницина, Елена Верижникова), а под раководство на акад. Рина Ускова. Од македонска страна учествуваат Роза Тасевска и Славомир Маринковиќ, а со совети и препораки се вклучиле Блаже Конески, Рада Угринова–Скаловска, Трајко Стаматовски, Нина Чундева, Елена Петреска, Елка Јачева. Овој речник е наменет пред сè за руски читатели, преведувачи на македонска литература и за оние што користат научна литература напишана на македонски јазик.

На што можеле да се потпрат авторите на овој речник? Основен извор на лексика бил „Речник на македонскиот јазик“ кој го опфаќа периодот од 1950 до 1970 година, и кој е преиздаден, но без измени и дополнувања. Од своја страна, „Македонско-рускиот речник“ неспорно носи една важна особина — насоченост кон обработка и прикажување на целото богатство на современиот македонски јазик. За таа цел авторскиот тим користел современи извори и бил собран нов лексиколошки материјал за да ги доловат измените што се случиле во изминатите децении [Виндл 2001: 40]. За илустрација ќе наведеме само неколку лексеми што се вклучени во Македонско-рускиот речник, а ги нема во „Речникот на македонскиот јазик“: *азилант, дигитрон, информатика, политиколог, третман* и сл.

Покрај „Речникот на македонскиот јазик“, користени биле и: Миќуновиќ, Љ. „Современ лексикон на странски зборови и изрази“; Ќорвезировски, З. „Како да кажам“. Речник на македонски изрази и фрази; Ширилов, Т. „Од збор до збор“. Толковен речник и „Речник

на странски зборови“. Имајќи го предвид обемот на достапна литература, авторите ексцерпирале материјал од дела на уметничката литература и од публицистички изданија, а примери запишувале и од родените говорители на македонскиот јазик.

Овој макотрпен процес резултирал со база од која е составен најголемиот по обем во низата двојазични македонско-руски речници (речникот на Д. Толовски и В. М. Илич-Свитич има 30.000, на К. Гавриш — 50.000, а овој речник — 65.000 зборови и фразеологизми). Секако, предноста на овој речник не е само во бројноста на застапените единици, туку и во прикажувањето на современата македонска лексика и во вклучувањето голем број фразеологизми. Речникот содржи општоупотреблива лексика и фразеологија од современиот македонски литературен јазик. Покрај ова, во него се вклучени извесен број разговорни, архаични, дијалектни зборови коишто често се сретнуваат во уметничката литература. Во Речников е опфатена и научно-техничка, спортска и военатерминологија во обем што овозможува да се чита и да се преведува научно-популарна литература, печат и сл. [Македонско-руски речник 1997: 9].

Според податоците во самиот речник, Рина Павловна Усикова ги обработила буквите А, В, Д, Ѓ, Ж, И, К, М, П, У, Х, како и граматичкиот прирачник за македонскиот јазик и „За користењето на речников“, додека Зоја Шанова била задолжена за буквите Б, Г, Е, З, С, Ј, Л, Љ, Н, О, Ц, Ч, Марина Поварница: С, Т, К, Ф, Ц и Елена Верижникова: Р, Ф, Ш, Речникот на скратеници, „За користењето на речников“. Граматичкиот прирачник напишан на руски јазик содржи парадигми на основните групи глаголи, заменки, именки, а се опишуваат и некои карактеристики на синтаксата на простата реченица. Посебна вредност на овој речник му даваат стилистичките одредници, како и појаснувањата во заграда кога преводот не е доволен. Всушност, овој речник се одликува со висок исклучително квалитетен превод на руски јазик во кој доаѓа до израз современата јазична реалност.

Со еден збор може да се каже дека „Македонско-рускиот речник“ е фундаментален труд кој овозможува не само Русите, туку и сите они што го знаат рускиот јазик да се запознаат со македонскиот јазик, историја, култура.

Единствената негативна страна на овој труд е малиот тираж кој е многу брзо исцрпен, а во Русија никогаш и не бил достапен. Ова, но и свесноста за проширувањето на функциите и сферата на употреба

на македонскиот јазик, колосалниот изоден пат особено на лексички план, довело до тоа во 2003 да излезе од печат македонско-рускиот речник „Македонско-русский словарь“ со обем од 40.000 зборови под редакција на Р. Ускова и Е. Верижникова [Македонско-русский словарь 2003]. Речникот е наменет за руски и рускојазични корисници, затоа во прилогот кон речникот е содржана кратка граматика на македонскиот јазик, напишана од Р. Ускова. Обемот на новиот речник е редуциран за сметка на исклучување на архаични зборови, фразеологизми, илустративен материјал, речник на скратеници и на географски имиња, не се вклучени лексеми, изведени според регуларни модели со помош на суфиксите, претставени во граматичкиот прирачник, прилозите, изведени од придавки (од типот широко, високо, важно и слично), именките со суфиксот -ост, изведени од придавки (од типот важност, формалност). Скратен е обемот на префиксираните глаголи. Бидејќи речникот е наменет за руски и рускојазични корисници, покрај еквивалентите-именки не се наведува ознака за родот освен во случаите кога родот на руската именка не се совпаѓа со македонската.

Овој речник е дополнет со нови зборови и изрази, влезени во македонскиот јазик кон крајот на XX век до почетокот на XXI век, кои не се влезени во тритомниот „Македонско-руски речник“: *голгетер*; *мобилка*; *компјутер*; *постер*; *рентакар*, внесени се нови значења и употреби, развиени кај некои зборови. На пример: **комбинација** ж 1. комбинация, сочетание 2. комбинация, система приемов 3. (экзаменационный) билет ◊ **во** ~ *спорт*. в общем зачете — третото значење и фразеологизмот се дополнети.

Во речникот е содржана и екстралингвистичката информација која е дадена компактно, лапидарно, со многу изострен осет за јазикот (пр. **бацанак** м својак (*муж жениной сестры*); **гуна и гуња** ж 1. гуна (*крестьянская куртка из грубого сукна*) 2. накидка (*для защиты от холода и дождя*); **коледачка** ж *фольк*. палочка (*для поздравления с рождеством*); **колак** м 1. калач 2. колак (*подкладной кружок для ношения тяжестей на голове*); **комита** м *ист*. комита (*партизан — борец против Османской империи*); **лазарка** ж *девушка, поющая песни в субботу Лазаря*; **опин||ок** (~ци) м *опинок (крестьянская обувь из кожи)* ◊ ~ци! глупости [ерунда]!; **опута** м *кожаный шнурок для опинка итн.*).

Прашањата, поврзани со семантиката на зборовите и дефинирањето на речничката единица немаат единствено решение. Овој речник е соз-

даден во традициите на руската лексикографија и е едно од можните решенија на низа лексикографски прашања во македонистиката.

Не смее да се заборава уште еден важен момент, а тоа се бројните статии што се објавени од авторите на Речникот во кои се разработуваат значајни прашања од процесот на создавањето на овој лексикографски труд. За илустрација ќе наведеме неколку трудови чиј автор е Зоја Шанова во која се обработуваат различни ситуации со кои се соочиле составувачите на Речникот, како и начинот на нивно решавање, односно постапката или методологијата што е применета во конкретните ситуации [Шанова 1998а, 1998б, 1999, 2007].

Покрај наведените македонско-руски речници, треба да се истакне и „Краткиот руско-македонски фразеолошки речник“ на Лилија Ермакова и Борис Марков кој е објавен во 1981 година и содржи околу 1000 фразеолошки единици со нивни еквиваленти или преводни решенија во другиот јазик [Ермакова, Марков 1981]. Овој речник претставува учебно помагало наменето за студентите кои го изучуваат рускиот јазик. При изборот на фразеолошките изрази авторите се раководеле од нивната честота во разговорниот и во стандардниот јазик. Ваквиот тип речници одговараат на барањето да бидат направени, честопати во краток временски период, и претставуваат списоци од фраземи обично подредени под некој полнозначен збор или по азбучен ред. Посебно треба да се истакне фактот дека овој речник е првиот лексикографски труд објавен во Македонија во кој се обработува исклучиво фразеолошки материјал имајќи предвид дека „Фразеолошкиот речник на македонскиот јазик“ се објавува во периодот од 2003 до 2009 година.

Уште еден значаен лексикографски труд на кој би сакале да се задржиме е „Македонский словарь омонимов с русскими толкованиями“ на А. А. Кретов објавен во Воронеж во 2008 година [Кретов 2008]. Овој речник се базира на компјутерски македонско-руски машински фонд. Она што е значајно е дека Кретов како метајазик го користи рускиот што дозволува речникот да биде достапен на релативно широк славистички круг. Но, она што е исто така посебно значајно да се издвои е дека ова е прв речник во кој фокусот е ставен исклучиво на хомонимите во македонскиот јазик.

Посебно внимание заслужува и работата на Елена Верижникова и Наталија Бороникова врз речник на извици и оноματοпеи на македонскиот јазик. Нивната извонредна работа на ова неизодено поле

во македонската лингвистика се доловува и преку бројните статии [2011, 2012, 2014, 2016] во кои тие се осврнуваат на семантиката и функционирањето на конкретни извици, метафориските преноси, како и на проблемите со кои се сретнале при лексикографското опишување на извиците и ономотопеите.

Придонесот на руските лингвисти во проучување на македонскиот јазик е од исклучителна важност како за развојот на лексикографијата, така и за афирмација на македонскиот јазик во славистичките и пошироките кругови. Се надеваме дека трудовите наведени во овој текст ќе бидат поттик за создавање нови лексикографски изданија на задолство на корисниците и во Русија и во Македонија.

Литература

Бернштейн С. Б. К вопросу о форме 3-го л. ед. ч. настоящего времени в македонском литературном языке // Вестник Московского университета. 1948. № 2. С. 13–21.

Бернштейн С. Б. Изучение македонского языка в Народной Республике Македонии // Вопросы языкознания. 1956. № 2. С. 136–138.

Бернштейн С. Б. «Вардар» К. П. Мисиркова // Slavistična revija. 1958. № 3–4. С. 178–186.

Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М.: Издательство АН СССР, 1961.

Боронникова Н. В., Верижникова Е. В. Метаязыковая функция междометий в литературе для детей (на материале македонского языка) // Филологические заметки. 2012. № 2. С. 323–335.

Боронникова Н. В., Верижникова Е. В. Проблема лексикографического описания междометий // Филологические заметки. 2013. № 1. С. 1–16.

Боронникова Н. В., Верижникова Е. В. Междометия в македонском языке (разработка концепции Словаря) // Руско-македонски јазични, литературни и културни врски 5. Скопје, 2014. С. 59–82.

Верижникова Е. В., Боронникова Н. В. О междометиях-метарефлексивах в современном македонском языке // Филологические заметки. 2016. № 1. С. 163–172.

Видоески Б. Прилози за развојот на македонистичката лингвистика. / Приредил: Димитар Пандев. Скопје: МАНУ, 2013.

Виндл К. Заметки о современном состоянии македонско-русской лексикографии // Вопросы языкознания. 2001. № 3. С. 40–49.

Гавриш К. Македонско-руски речник. Скопје: Просветно дело, 1969.

Ермакова Л., Марков Б. Краток руско-македонски фразеолошки речник. Скопје, 1981.

Клепикова Г. П. Македонско-русский словарь // Славяноведение. 1998. № 5. С. 101–105.

Кретов А. А. Македонский словарь омонимов (с русскими толкованиями). Воронеж, 2008.

Македонско-русский речник. Македонско-русский словарь. / Ред. акад. Р. Ускова. Авторы-сост.: Р. П. Ускова, З. К. Шанова, М. А. Поварнищина, Е. В. Верижникова. Т. I–III. Скопје, 1997.

Македонско-русский словарь. / Под общ. ред. Р. П. Усковой и Е. В. Верижниковой; сост. Р. П. Ускова, З. К. Шанова, Е. В. Верижникова, М. А. Поварнищина. М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2003.

Ристовски Б. Рускиот славист С. Б. Бернштејн во историјата на современит македонски литературен јазик по повод стогодишнината од неговото раѓање // Руско-македонски јазични, литературни и културни врски. Скопје: Филолошки факултет «Блаже Конески», 2014. С. 33–48.

Толовски Д., Иллич-Свитыч В. М. Македонско-русский словарь. / Ред. Н. И. Толстой. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1963.

Ускова Р., Шанова З., Поварнищина М., Верижникова Е. Македонско-русски речник. / Ред. акад. Р. Ускова. Скопје, 1997.

Ускова Р. П., Шанова З. К., Поварнищина М. А., Верижникова Е. В. Македонско-русский словарь. / Под общей редакцией Р. П. Усковой и Е. В. Верижниковой. М., 2003.

Црвенковска Е. Моите спомени за Рина Павловна Ускова // Stephanos. 2023. № 58. С. 193–195.

Шанова З. За лингвистичката и екстралингвистичката информација во Македонско-рускиот речник // XXXIII научна конференција на XXXIX на меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура. Скопје, 2007. С. 243–248.

Шанова З. Македонские безличные глаголы и безличные глагольные формы и их отражение в македонско-русском словаре // Македонско-руски јазични, литературни и културни врски / Материјали од Првата македонско-руска сла-вистичка конференция. Охрид, 23–24.VIII.1995. Скопје, 1998а. С. 73–77.

Шанова З. Новая лексика в Македонско-русском словаре // Материалы XXVII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Выпуск 6. Лексика и фразеология. 16–22 марта 1998 г. СПб., 1998б. С. 19–21.

Шанова З. Фразеологизмы в Македонско-русском словаре // Македонский язык, литература и культура в славянском и балканском контексте. Материалы международной российско-македонской научной конференции. Москва, 15–16.IX.1998. М., 1999. С. 113–117.

Notachi M. Interactions between Blaže Koneski and Samuil Bernštejn: from unpublished archival materials (correspondence from Koneski to Bernštejn in the 1940s and 1950s) // Зборник од XLVIII меѓународна научна конференција на LIV летна школа на Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура, Охрид, 3 и 4 септември 2021 година. Скопје: Универзитет «Св. Кирил и Методиј», 2022. С. 43–61.

Л. Б. Карпенко

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королёва, Самара (Россия)

СЛУЖЕНИЕ БОЛГАРИСТИКЕ: К ЮБИЛЕЮ ЗОИ КУЗЬМИНИЧНЫ ШАНОВОЙ

Статья содержит воспоминания автора о преподавательской деятельности доцента кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского университета Зои Кузьминичны Шановой в семидесятые годы XX столетия.

Ключевые слова: *Ленинградский университет, славянское отделение, болгаристика*

Среди многих ярких событий учебы в ЛГУ — лекций корифеев отечественной филологии Д. С. Лихачева, Г. П. Макогоненко, В. А. Мануйлова и др., увлекательных заседаний прославленного кафедрального студенческого научного общества «Славянские пятницы» с участием Петра Андреевича Дмитриева, Галины Алексеевны Лилич, Валерия Михайловича Мокиенко и других преподавателей кафедры славянской филологии ЛГУ мне запомнилась и первая встреча с Зоей Кузьминичной. В наборе 1970 года в болгарской группе было шесть студентов; как заведено на языковых отделениях, у нас были курсы практики устной и письменной речи, практической и теоретической грамматики болгарского языка, теории и практики перевода и другие дисциплины. Болгарский язык в нашей группе вели доценты Елена Антоновна Захаревич и Галина Валентиновна Крылова. Зоя Кузьминична только начинала свою преподавательскую деятельность, она преподавала болгарский язык в группе следующего набора. А мы впервые увидели ее и познакомились весной 1971 года после окончания лекций в одном из коридоров филфака, который в наши годы называли «школой». Помнится, Зоя Кузьминична говорила о содержании ознакомительной практики в Болгарии, она знакомилась со студентами и со средой преподавательской деятельности. Впрочем, пространство филологического факультета было ей, конечно, прекрасно знакомо, ведь сама она совсем недавно окончила славянское отделение, подготовила дипломную работу по грамматике болгарского глагола и теперь писала кандидатскую диссертацию по македонистике [Шанова 1980] под руководством выдающегося болгариста, профессора Юрия Сергеевича Маслова.

Зоя Кузьминична очаровала нас и расположила к себе сразу же. Стройная, очаровательная, улыбающаяся девушка, с льющимся светлорусыми волосами, внешне и по возрасту не выделялась среди студентов. Но в ее беседе чувствовались уверенность и профессиональный опыт. Инструктаж перед летней практикой был деловым, четким, ясным. И он был проведен с искренним расположением к первокурсникам. Эти черты мы наблюдали в дальнейшей преподавательской и научной деятельности Зои Кузьминичны как главные особенности ее профессионального стиля: уверенность, стремление к точности и расположение к собеседникам и к студентам. Во время последовавших поездок на студенческие языковые ознакомительные практики в Болгарию, благодаря усилиям Зои Кузьминичны, организаторы включали нас в состав участников ежегодных международных летних семинаров Софийского университета. Лекции и семинарские занятия болгарских языковедов, поездки по стране — всё это было большой помощью в изучении языка и обогатило нашу учебу.

За долгую трудовую деятельность на «славянке» Зоя Кузьминична разработала и преподавала десятки историко-славистических и переводоведческих дисциплин, подготовила много поколений болгаристов, составила серию учебных заданий по курсу современного болгарского языка, напр. [Шанова и др. 1986], написала более ста научных трудов и десятки научных и художественных переводов с болгарского языка; в соавторстве с Е. Ю. Ивановой и Д. И. Димитровой она выпустила учебник болгарского языка для начинающих [Шанова и др. 2011], стала инициатором преподавания славянских языков в школах Петербурга и организатором международных научных Державинских чтений. Ее энергией, знаниями, творчеством не одно десятилетие поддерживается дух кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского университета. Многая и благая лета дорогому учителю!

Литература

Шанова З. К. Аудитив в современном литературном македонском языке. Автореф. дис. <...> канд. филол. наук. Л., 1980. 22 с.

Шанова З. К. и др. Учебные задания по курсу современного болгарского языка (имена существительные и прилагательные). Л., 1986. 42 с. (в соавт. с Захаревич Е. А., Крыловой Г. В.).

Шанова З. К. и др. Курс для начинающих. СПб: КАРО, 2011. (в соавт. с Ивановой Е. Ю., Димитровой Д. И.).

М. Ф. Мудрак

Санкт-Петербургская ассоциация международного сотрудничества
Санкт-Петербург (Россия)

ЗОЯ КУЗЬМИНИЧНА ШАНОВА — СОРАТНИК И ДРУГ

Эта статья — поздравление с юбилеем и искреннее выражение признательности за сотрудничество. Зоя Кузьминична Шанова — выдающийся человек. Интересен и многогранен ее профессиональный и личный опыт, который она всегда передавала коллегам, молодым исследователям, студентам. Она постоянно расширяла границы своей деятельности новыми проектами в области славистики, культуры, духовного и исторического наследия народов славянских стран. Ее интеллект, любовь и уважение к людям, неформальный и креативный подход к решению вопросов, связанных с деятельностью обществ дружбы со славянскими странами помогли нам приобрести много друзей в странах Восточной Европы. Для нее на первом месте всегда были интересы Отечества, родного города и Университета. Она хорошо понимала, что общественная дипломатия — это величина постоянная, не зависящая от политических изменений. Она удивительно целеустремленный человек и настоящий интернационалист.

Ключевые слова: *славянские страны, народная дипломатия, общества дружбы, Санкт-Петербургская ассоциация международного сотрудничества.*

Санкт-Петербургская ассоциация международного сотрудничества передает искренние поздравления с Юбилеем Зое Кузьминичне Шановой, известному слависту, почетному члену Правления Ассоциации.

Большую часть своей жизни она отдала благородному делу укрепления разносторонних связей между народами России и славянских стран. Она — великолепный профессионал, талантливый ученый и мудрый человек высокой внутренней культуры и эрудиции. Зоя Кузьминична многие годы передавала молодым ученым и исследователям свои обширные знания и воспитывала у них любовь и уважение к славянской культуре. Поистине велик ее вклад в славяноведение. Ее насыщенный творческий и педагогический путь — пример верности избранному пути и любимому делу.

Вклад Зои Кузьминичны в развитие болгаристики и славистики и в укрепление сотрудничества со славянскими странами хорошо известен,

ее заслуги высоко ценят в Комитете по внешним связям и Представительстве МИД РФ в Санкт-Петербурге, в академическом сообществе Санкт-Петербурга, России и Болгарии, Посольстве Российской Федерации в Болгарии. Мероприятия в Ассоциации международного сотрудничества, инициатором которых была Зоя Кузьминична, посещали представители генеральных консульств славянских стран, Музея этнографии народов России, Славянского фонда Библиотеки Российской академии наук, преподаватели и студенты вузов, учителя и учащиеся школ города, болгарские студенты, обучающиеся в Санкт-Петербурге.

На протяжении многих лет Зоя Кузьминична тесно сотрудничала с Санкт-Петербургской ассоциацией международного сотрудничества, пользовалась любовью и уважением сотрудников, членов Ассоциации и обществ дружбы, российских и зарубежных партнеров. Сохраняя традиции, Зоя Кузьминична вместе с преподавателями Кафедры славянской филологии проявляла инициативы по совершенствованию системы общественной дипломатии в связях со славянскими странами. Она всегда уделяла особое внимание поиску новых возможностей для обмена мнениями с представителями славянских стран, стремилась к расширению сфер сотрудничества.

Зоя Кузьминична хорошо понимает, что в диалоге со славянскими странами «мягкая сила» общественной дипломатии имеет большое значение. Во многом благодаря усилиям Зои Кузьминичны Шановой, равно как и руководителей и членов правлений обществ дружбы со славянскими странами, Санкт-Петербургская ассоциация международного сотрудничества сохранила общества дружбы: Союз друзей Болгарии (Зоя Кузьминична была одним из его основателей), Общество русско-сербской дружбы, Общество российско-польской дружбы, Чешско-русское общество имени братьев Чапек. Дружеские контакты, как и профессиональные, способствуют духовному сближению наших народов, поддерживают их интерес друг к другу. Зоя Кузьминична всегда вовлекала в международные связи общественность, деятелей культуры, представителей академического сообщества. И сегодня, несмотря на сложности в официальных связях, личные и дружеские связи продолжают сохраняться.

На счету Зои Кузьминичны много конкретных дел по укреплению международных контактов. Именно благодаря ее активной и целеустремленной деятельности появились конференции «Державинские чтения. Современные и исторические проблемы болгаристики и сла-

вистики», «Диалог славянских культур», были разработаны методики преподавания славянских языков в школах Санкт-Петербурга в середине 1990-х. Зоя Кузьминична и её коллеги по Кафедре славянской филологии СПбГУ успешно объединяют во многих проектах и мероприятиях профессиональную деятельность и ресурсы общественной дипломатии, что помогает формировать и сохранять положительное информационное поле для России и Петербурга в славянских странах.

По инициативе или при активном участии Зои Кузьминичны было положено начало многим традициям. Так, в Ассоциации международного сотрудничества регулярно организуются торжественные мероприятия, посвященные национальным праздникам и историко-культурным событиям Славянского мира, духовным традициям и современным достижениям славянских стран. Ежегодно отмечаются День славянской письменности и культуры, День освобождения Болгарии от Османского ига, День Государственности Сербии, День болгарского студента и болгарский Праздник весны. Традиционно одним из основных выступающих на этих мероприятиях была доцент З. К. Шанова.

Зоя Кузьминична всегда исключительно внимательно относилась к участию молодежи в событиях, посвященных славянским странам, проведению конкурсных программ для учащихся школ и награждению участников и победителей. Она способствовала развитию интереса молодежи к истории, культуре и языкам славянских народов, осмыслению ими славянских исторических и культурных связей, усилению роли интернационального и духовно-нравственного воспитания молодых людей. При ее участии молодые исполнители представляли интересные культурные программы, в которых участвовали: ансамбль Русско-сербского Общества дружбы, Хоровой ансамбль «Девчата» Дворца детства и юношества Приморского района под руководством Л. А. Гречановой, коллектив «Польские цветы» при Конгрессе поляков в Санкт-Петербурге (руководитель Ольга Делазари), польский фольклорный коллектив — ансамбль «KORALE» под руководством Марии Арефьевой, молодые исполнители национальных песен и танцев, учащиеся школы 193, в которой изучаются славянские языки, ансамбль воскресной школы «Закрила» при Генеральном консульстве Болгарии в Санкт-Петербурге.

Уже третье десятилетие Кафедра славянской филологии совместно с Ассоциацией международного сотрудничества продолжают традиции ежегодных конференций «Державинские чтения» и «Диалог славянских культур», начало которым было тоже положено доц. З. К. Ша-

новой и ее коллегами по Кафедре славянской филологии. Успех и многолетние традиции этих научных конференций по-прежнему привлекают к ним внимание специалистов, молодых исследователей, студентов, которые поднимают и исследуют глубокий пласт исторического и культурного наследия.

Конференция «Державинские чтения. Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики» посвящена истории и современному состоянию языка, литературы и культуры Болгарии и других славянских стран. На ней выступают российские слависты и их коллеги из зарубежья.

Ежегодная конференция «Диалог славянских культур» проводится в честь Дня славянской письменности и культуры. Она вовлекает в научную деятельность студентов петербургских вузов и старшекласников, проявляющих интерес к языкам, истории и культуре славянских стран. Ассоциация и руководство обществ дружбы считают важным обращение петербургских студентов и школьников к славянской теме, к духовным истокам славянской культуры, к тому, что сближает и объединяет славян. Молодые исследователи в своих выступлениях затрагивают такие темы, как народные обычаи славян, выдающиеся памятники славянской литературы, славянское единение в наши дни.

Эта молодежная конференция возникла в 1990-е годы, когда ряд школ Санкт-Петербурга по инициативе кафедры славянской филологии и лично З. К. Шановой ввели в свои программы изучение славянских языков, истории и культуры славянских народов. Занятия в школах проводили преподаватели, выпускники и студенты Кафедры славянской филологии и Кафедры истории славянских и балканских стран СПбГУ. Тогда же у этих преподавателей возникла мысль об организации конференции, в которой принимали бы участие школьники и делились тем, что они узнали, а также студенты — вчерашние школьники, но уже получившие специальные знания в области славистики. Эта инициатива была поддержана Санкт-Петербургской ассоциацией международного сотрудничества. Конференцию назвали «Диалог славянских культур». Первое заседание прошло во Дворце творчества юных, затем заседания проходили в Доме дружбы, в интерьерах Шуваловского дворца (наб. р. Фонтанки, 21). Зоя Кузьминична Шанова и Наталия Григорьевна Елисеева, Председатель Правления Ассоциации международного сотрудничества, в своих приветствиях всегда подчеркивали важность обращения петербургских школьни-

ков и студентов к духовным истокам славянской культуры. В наши дни нет школ, где изучаются славянские языки и культуры, но есть учителя и учащиеся, которых интересует славянская тема, важные исторические события, объединяющие славян, и которые хотят выразить свое уважение к близким нам славянским народам. По просьбе Н. Г. Елисеевой и З. К. Шановой Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга все годы поддерживал молодых славистов, способствовал изданию сборников докладов юбилейных заседаний (V, X, XV). В 2022 году подготовлена публикация материалов конференции совместно с Издательством «Астерион».

Как уже отмечалось, З. К. Шанова была одним из инициаторов создания Союза друзей Болгарии. Его основной задачей является укрепление и развитие традиций дружбы между народами России и Болгарии, ознакомление петербуржцев с историей, жизнью, культурой и традициями Болгарии, с её достижениями в области науки, образования. Деятельность Союза друзей Болгарии всегда осуществлялась при взаимодействии с болгарским землячеством, с Генеральным консульством Республики Болгария в Санкт-Петербурге. Будучи великолепным организатором и известным специалистом по болгарскому языку и по Болгарии в целом, Зоя Кузьминична сумела создать и сплотить ядро друзей Болгарии. Ей с успехом удавалось находить настоящих друзей России в Болгарии, привлекать к деятельности Общества людей, проявляющих искренний интерес к нашей стране, увлеченных историей и современной жизнью России, ее культурным и духовным наследием. В настоящее время Председателем Общества является старший преподаватель Кафедры славянской филологии Наталья Владимировна Сивенкова.

Традицией Союза друзей Болгарии стало наше совместное празднование наиболее значимых событий и национальных праздников. Союз друзей Болгарии вместе с Кафедрой славянской филологии и Ассоциацией международного сотрудничества организуют Фестиваль славянской письменности и культуры в честь святых Кирилла и Мефодия. Просветительская деятельность Общества в условиях сложной международной обстановки имеет большое значение. Она вызывает интерес у петербургской общественности, молодежи, болгарской диаспоры. Бескорыстность и энтузиазм всегда украшали эти события.

На высоком уровне ежегодно отмечается Национальный праздник Болгарии — 3 марта, День освобождения Болгарии от Османского ига, значимый не только для болгарской, но и для русской истории. В выступ-

плениях организаторов и участников всегда подчеркивается решающая роль Русской армии в освобождении Болгарии в результате победы в Русско-турецкой освободительной войне. Отмечается также, что, благодаря усилиям Союза друзей Болгарии, в нашем городе поддерживается интерес к истории и культуре Болгарии, к болгарскому языку.

Весело, с шутками, в непринужденной атмосфере студенты приглашают всех желающих отметить День болгарского студента (8 декабря). Именно через дружелюбие и неформальность таких встреч проще разрушить напряжение и идеологические противостояния, дать надежду будущему поколению на справедливые и добрые взаимосвязи.

Хочется еще раз отметить, что мы, в Санкт-Петербургской ассоциации международного сотрудничества, горды тем, что вместе с такими людьми, как Зоя Кузьминична Шанова, трудимся на ниве развития международных связей, являясь соратниками и друзьями. Мы также высоко ценим ее благородную миссию защитника духовной культуры, благодарим за доброжелательность и внимание к нашей организации.

От всего сердца желаем Зое Кузьминичне здоровья, благополучия, любви близких и друзей.

Е. Ю. Иванова, О. В. Васильева

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург (Россия)

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ «ОТ ЗОИ КУЗЬМИНИЧНЫ»

Любимому преподавателю

Преподавательский талант Зои Кузьминичны Шановой, юбилей которой мы отмечаем в этом году, воплощается и в хорошо структурированных, продуманных (и даже виртуозных) методических решениях, и в самой энергетике ее уроков — динамичных, насыщенных и зажигательных. По созданным ею пособиям и учебным рекомендациям обучаются уже многие поколения болгаристов.

Ключевые слова: *Зоя Кузьминична Шанова, методика преподавания иностранного языка, учебные пособия по болгарскому языку*

О преподавательском таланте Зои Кузьминичны известно всем ее коллегам и ученикам. И это именно талант, а не просто накопленный

десятилетиями опыт (З. К. Шанова начала работать на нашей кафедре в 1970 г.). Хотя и наш опыт преподавания тоже немал, но неизменно, перебирая разные методические подходы к вузовскому обучению болгарскому языку как иностранному, мы возвращались к варианту, которому нас учила Зоя Кузьминична, — как самому эффективному.

Конечно, для каждой дисциплины у Зои Кузьминичны были свои методические решения, но некоторые рекомендации (включая те, которые она не озвучивала, но которые мы испытали на себе или наблюдали уже как ее коллеги) являются общими для ее стиля преподавания.

Одной из самых полезных методических установок Зои Кузьминичны была необходимость правильного структурирования преподаваемого материала. Без этого занятие, даже насыщенное упражнениями, часто оказывается аморфным, не имеющим цельного тематического облика и оставляет и у студентов, и у самого преподавателя чувство неудовлетворенности, незавершенности. Необходимость структурирования и четкого планирования урока при подготовке лекции или семинара неотделима от системной организации данных, которая должна быть предварительно сформирована у преподавателя и передана на занятиях студентам.

Еще одной важнейшей чертой стиля Зои Кузьминичны является динамичность работы на уроке. Студент должен уходить после занятия по-хорошему вымотанным и довольным, как будто завершил трудное, но очень полезное дело. Даже в последний, предпенсионный год работы Зои Кузьминичны я [Е. И.] наблюдала, как одна наша студентка выходит из аудитории, отдуваясь, возбужденно блестя глазами и простодушно приговаривая: «Вот у Зои Кузьминичны всегда так: я будто кирпичи грузила». Вполне типичная картина: блеск глаз студентов, покидающих аудиторию, и самой выходящей вслед за ними Зои Кузьминичны!

Занятие по той или иной дисциплине, как учила нас Зоя Кузьминична, в норме должно идти по установленному и известному студентам плану. Частая смена структуры урока редко идет на пользу усвоению знаний. Ясный студенту план и требования важны не только на занятиях по грамматике, но и по разговорному аспекту, аналитическому чтению, домашнему чтению. Студент должен знать, что урок начнется с «блиц-опроса» слов и выражений из предшествующего

занятия, что домашнее задание будет в самом начале урока проверено, что диктант на закрепление неизбежен, что перед сдачей домашнего чтения будет опрос лексики, а сам словарик будет придирчиво проанализирован преподавателем, что подготовленный на языке рассказ придется озвучивать именно в заранее оговоренных формах (временах оригинала, настоящем историческом или в пересказывательных формах) и т. д.

Разумеется, обязателен контроль усвоения материала, — вещь, известная всем преподавателям, но не всеми реализуемая в нужном объеме. Проверять, запомнил ли студент не только основной, но и дополнительный материал, — это большая нагрузка для преподавателя, требующая от него много сил, внимания на самом занятии и ответственное время при подготовке дома. Однако Зоя Кузьминична придавала этому моменту важное значение. Так, при сдаче домашнего чтения студенты должны слушать каждого отвечающего, запоминать (и записывать, конечно!) важнейшие обсуждаемые слова и грамматические конструкции из словарика каждого студента и в конце урока всей группой закреплять наиболее значимый лексический материал — сначала как устный опрос, а потом еще и в «диктовке» на следующем занятии. Это требует от преподавателя поистине виртуозного дирижирования всем процессом.

Большинство таких методических рекомендаций, как и примеры разработанных Зоей Кузьминичной планов уроков, хранятся у нас, помимо памяти, лишь в виде бумажных записей и немногих файлов. Но зато на кафедре есть серия методических пособий по разным аспектам болгарского языка, которые Зоя Кузьминична создавала в годы преподавания. По этим книгам и учебникам обучаются уже многие поколения болгаристов и славистов.

Прежде всего назовем учебные пособия по грамматике. Среди более новых: *Болгарский глагол. Время, вид, наклонение, залог* [Шанова 2010а] и *Болгарские предлоги* [Шанова 2010б]. Эти пособия, хоть и различаются степенью сложности (они предназначены для разных этапов обучения), в целом отражают те черты стиля Зои Кузьминичны, о которых шла речь выше: системность подачи материала, разнообразие (но выстроенные в методически продуманном порядке) упражнения, унификация заданий в рамках разных тем.

Разработка этих грамматических материалов выполнена с максимальной тщательностью. Так, подготовка пособия по предлогам [Ша-

нова 2010б] потребовала от Зои Кузьминичны привлечения огромного по объему практического материала для иллюстрации как типичных, так и редких, единичных употреблений предложно-именных сочетаний, глагольного предложного и беспредложного управления, а также фразеологизмов, причем автор использовал как классическую литературу, так и материал разговорной речи и интернет-ресурсы. Это сделало пособие живым, интересным еще и с точки зрения стилистики: одновременно с изучением темы «Предлоги» студенты выучивают множество устойчивых выражений, пословиц и поговорок, знакомятся с особенностями неформальной речи интернет-коммуникации.

В более ранний период в соавторстве с Е. А. Захаревич и Г. В. Крыловой было создано два ценнейших сборника методических материалов, которыми мы пользуемся до сих пор: *Учебные задания по курсу современного болгарского языка (местоимения)* [Захаревич, Крылова, Шанова 1988] и *Учебные задания по курсу современного болгарского языка (имена существительные и прилагательные)* [Захаревич, Крылова, Шанова 1986]. Последняя работа была в переработанном и дополненном виде издана в 2003 г. под названием *Болгарский язык. Имена существительные и прилагательные: учебное пособие* [Захаревич, Крылова, Шанова 2003].

Как известно, болгарская грамматика значительно отличается от русской, и преподавателю на первых этапах обучения приходится касаться еще и вопросов языковой типологии, грамматических проблем перевода, истории болгарского языка, теоретической грамматики. Пособия Зои Кузьминичны и её коллег стали прочной основой для изучения целого ряда дисциплин на старших курсах, а для студентов-первокурсников занятия по болгарской грамматике послужили замечательным практическим дополнением к учебникам по введению в языкознание: на своих занятиях Зоя Кузьминична отвечала и на более сложные вопросы, выходящие за рамки текущей темы, поддерживая просыпающееся лингвистическое чутье начинающего филолога. Эти проблемы Зое Кузьминичне приходилось раскрывать и в своих пособиях. Так, например, при создании пособия по глаголу [Шанова 2010а] автор должен был решить проблему описания большого количества грамматических явлений в области глагольного формообразования и функционирования: многочисленные времена изъяснительного наклонения, многообразные и сложные правила видообразования, экзотические для русскоговорящих студентов предположительные

и пересказывательные формы и др. Заметим также, что большую роль в структурировании курса грамматики в целом играет последовательность расположения изучаемых тем. Например, вопрос, в какой момент вводить аорист или каким образом представлять спектр функций перфектных форм, — имеет большое методологическое значение (и, кстати говоря, отличает методику петербургской школы болгаристики от структурирования учебников по болгарскому языку в Болгарии).

З. К. Шанова — один из авторов популярного учебника болгарского языка *Болгарский язык. Курс для начинающих* [Иванова, Шанова, Димитрова 2011], который выдержал уже три издания (изд. 2 — 2014, изд. 3 — 2017) и с небольшими изменениями выходит из печати четвертым изданием в 2023 г.

Ценнейшими для переводоведческих дисциплин стали две публикации из цикла *Учебные задания и практические рекомендации к курсу «Теория и практика перевода* [Шанова 1987, 1988], которые посвящены грамматическим и лексическим проблемам перевода соответственно, а также пособие, полезное как для разговорных, так и переводоведческих и культурологических дисциплин *«Деятельность Кирилла и Мефодия. Православие в Болгарии и на Руси»* [Шанова 1992].

Особое место среди значимых для преподавания работ Зои Кузьминичны занимает пособие *Разходки из Петербург (Прогулки по Петербургу)* [Шанова 2006], Выросшее из практических занятий по «разговору» (болгарский язык, разговорный аспект) и продолжающее в новом ключе серию [Шанова 1993; Шанова, Трендафилов 1995], оно стало незаменимым для будущих гидов-переводчиков. При подготовке этого пособия З. К. Шанова вновь успешно применила свою методику: системность изложения, большое количество разнообразных упражнений (в том числе и на отработку грамматических трудностей), использование самых актуальных данных (напр., в пособии уже упоминается Парк современной скульптуры во дворике филфака!).

Хотя наша дорогая *Зюечка* празднует уже серьезную юбилейную дату, эта дата никак не соотносится с всегдашним обликом Зои Кузьминичны — всегда приветливой, подвижной, активной, готовой к новым творческим подвигам и делам. Все так же она умеет преодолевать трудности с удивительной, какой-то заводной решимостью. И мало кто способен так искренно, от всей души радоваться победам своих соратников и учеников, поддерживать любое позитивное начинание.

В очередной раз это подтвердили последние Державинские чтения, где Зоя Кузьминична была не просто почетным, но и самым активным участником.

Дорогая Зоя Кузьминична, желаем Вам доброго здоровья, творческого настроения и всяческих успехов!

Литература

Захаревич Е. А., Крылова Г. В., Шанова З. К. Учебные задания по курсу современного болгарского языка (имена существительные и прилагательные). Л., 1986. 42 с.

Захаревич Е. А., Крылова Г. В., Шанова З. К. Учебные задания по курсу современного болгарского языка (местоимения). Л., 1988. 43 с.

Захаревич Е. А., Крылова Г. В., Шанова З. К. Болгарский язык. Имена существительные и прилагательные. Учебное пособие. / Отв. ред. З. Шанова. М., Муравей, 2003. 39 с.

Иванова Е. Ю., Шанова З. К., Димитрова Д. Болгарский язык. Курс для начинающих. СПб.: КАРО, 2011 (2014, 2017, 2023 (в печати)).

Шанова З. К. Учебные задания и практические рекомендации к курсу «Теория и практика перевода» для студентов болгарского цикла (грамматические вопросы перевода). Л., 1987. 36 с.

Шанова З. К. Учебные задания по курсу «Теория и практика перевода». Лексические вопросы перевода. Для студентов болгарского цикла. Л., 1988. 39 с.

Шанова З. К. Деятельность Кирилла и Мефодия. Православие в Болгарии и на Руси. Учебные задания к курсу разговорного болгарского языка. СПб., 1992. 35 с.

Шанова З. К. Архитектурные и исторические памятники Петербурга. Часть 1. Учебные задания к курсу разговорного болгарского языка для студентов III курса. СПб., 1993. 53 с.

Шанова З. К. Разходки из Петербург (Прогулки по Петербургу). Пособие по болгарскому языку. Часть 1. СПб., 2006. 80 с.

Шанова З. К. Болгарский глагол. Время, вид, наклонение, залог: Учебное пособие. СПб., 2010а. 120 с.

Шанова З. К. Болгарские предлоги: Учебное пособие. СПб., 2010б. 66 с.

Шанова З. К., Трендафилов Хр. Архитектурные и исторические памятники Петербурга. Часть 2. Эрмитаж. Учебные задания к курсу разговорного болгарского языка для студентов III курса. СПб., 1995.

Часть 2

СЛАВИСТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

К. С. Алексова

Софийски университет „Св. Климент Охридски“, София (България)

АДМИРАТИВНИ УПОТРЕБИ НА НЕМИНАЛИТЕ ВРЕМЕНА В КОНКЛУЗИВ

В статията разглеждат се адмиративни употреби непротекли времена в съвременен български език (настоящо време, перфект, бъдеще време и бъдеще предварително време). Обсъжда се положението за това, че те представляват собствено конклюдентни форми в адмиративна употреба. Мнение за това, че това е транспозиция на ренаратива в изъяснително поле, оспорва се, защото са били открити употреби както с опущено, така и с запазеното помощно глаголно съм. В статията са представени форми на конклюдент, открити са случаи на съвпадение на форми, илюстрирани са адмиративни употреби на четирите времена.

Ключови думи: *адмиратив, конклюдент, съвременен български език*

1. Въведение

В настоящата работа основен обект на проучване е конклюдентът като един от трите косвени евиденциала заедно с ренаратива и дубитива. Конкретният предмет са конклюдентните употреби на неминалите времена (сегашно, перфект, бъдеще време и бъдеще предварително време). Интересуваме се от тях, тъй като в граматическата ни традиция са изказвани противоположни мнения за възможността за поява на конклюдентните неминали времена. Р. Ницолова [Ницолова 2008] смята, че сегашно време и бъдеще време нямат конклюдентни употреби. В монографията си, посветена на българската морфологична система,

авторката не включва в разглеждането на формите и употребите на конклузива още и перфекта и бъдеще предварително време [Ницолова 2008: 357–361]. Това означава, че нито едно от неминалите времена не може да бъде употребено в конклузив. Причината за това решение на Р. Ницолова е фактът, че тя смята, че само времена с интервал на референтност в плана на миналото могат да имат конклузивни форми. Г. Герджиков е на противоположното мнение — според учения сегашно време и бъдеще време могат да имат употреби в конклузива, но тези употреби винаги са адмиративни поради специфичното взаимодействие между признаците на двете времена и значението на конклузива [Герджиков 1984: 115]. М. Московка споделя възгледите на Г. Герджиков за адмиративния характер на конклузива в сегашно и бъдеще време [Московка 2021]. Кр. Алексова също представя адмиративни употреби на сегашно и бъдеще време в конклузив [Алексова 2003].

Целта на настоящата работа е да докажем, че неминалите времена в съвременния български език имат конклузивни употреби, но те винаги са адмиративни поради специфичното взаимодействие между значението на тези времена и конклузива.

За аргументиране на това виждане си служим с примери, извлечени от корпуси на българския език и от интернет като най-голямата и непрекъснато обновяваща се база данни.

2. Парадигмата на конклузива

Преди да разгледаме особеностите на парадигмата на конклузива, ще се спрем на неговата семантика. От гледна точка на теорията на граматическите опозиции на Г. Герджиков значението на конклузива се оформя от носенето на признака *субективност* и немаркираност по признака *преизказност* [Герджиков 1984]. Може да бъде дадена следната дефиниция — с конклузива се предава собствено заключение, извод, обобщение и в този широк смисъл умозаключение на говорещия. Това умозаключение може да се базира върху следите от действието, но може да е резултат от логически установени връзки от говорещия между явленията. Една от интересните употреби на конклузива е предаването на широко разпространени мнения, виждания като собствено твърдение, като в случая информацията е преминала от общия опит на общността във фонда от лични знания на говорещия и той ги изразява като свое субективно твърдение (вж.

[Алексова 2003; Герджиков 1977; Московска 2021; Ницолова 2008]]. Р. Ницолова нарича тези употреби на конклузива *неумозаключителни* [Ницолова 2008: 355].

Конклузивът в съвременния български език има според защитаваното виждане форми за всички глаголни времена. Те се образуват или чрез преизказване на синтетичната глаголна форма (при сегашно време, имперфект и аорист), или чрез преизказване на спомагателния глагол на композираните глаголни форми в индикатива (има се предвид, че частицата *ще* произхожда от глагола *ща*) — бъдеще време, бъдеще предварително време, бъдеще време в миналото, перфект, плусквамперфект, бъдеще предварително време в миналото. Във всички времена третоличната форма на спомагателния глагол *съм* се запазва за разлика от ренаратива. Парадигмата на положителните форми може да се види в Табл. 1.

Таблица 1

Време	Конклузивни положителни форми, деятелен залог
Сегашно време	четял съм, четял си, четял е
Имперфект	
Аорист	чел съм, чел си, чел е
Бъдеще време	щял съм да чета, щял си да четеш, щял е да чете
Бъдеще време в миналото	
Перфект	бил съм чел, бил си чел, бил е чел
Плусквамперфект	
Бъдеще предварително време	щял е да е/бъде чел, щял си да си / бъдеш чел, щял е да е/бъде чел
Бъдеще предварително време в миналото	

Анализите на положителните форми на конклузива в деятелен залог показват няколко важни факта. Първо, конклузивните форми за аорист напълно съвпадат с индикативния перфект. Причината за това се състои в началния подтик за възникване на евиденциалността — транспозиция на индикативния перфект в полето на аориста при предаване на собствено умозаключение, твърдение, обобщение

или при преизказване на чужда реч. Такъв вид форми, които участват в две парадигми, Г. Герджиков назовава *бипартиципанти* [Герджиков 1984: 228, 230–231].

Второто наблюдение отвежда към факта, че в конклузива съвпадат формите на всяко директно време (отнесено към акта на комуникация) и неговия индиректен корелат (ориентиран спрямо миналия момент). Това явление се наблюдава и в ренаратива, и в дубитатива. От гледна точка на теорията на граматическите опозиции Г. Герджиков смята, че това е парадигматическа неутрализация на признака *индиректност* [Герджиков 1984: 215], като тя е едно от конкретните изражения на *принципа на компенсацията* (стремеж за относително изравняване на положителните семантични товари, носени от членовете на една парадигма).

Необходимо е да подчертаем също така, че конклузивът и ренаративът съвпадат в 1 и 2 л., ед. ч. и мн. ч., а се различават в 3 л., ед. ч. и мн. ч., тъй като в конклузива се запазва спомагателният глагол *съм*, а в ренаратива той се изпуска. Това съвпадение на форми на двата косвени евиденциала, наричано от Г. Герджиков *съкратителна реорганизация* [Герджиков 1984: 225] като друга изява на принципа на компенсацията (стремеж към относително изравняване на положителните семантични товари, носени от членовете на една парадигма) освен парадигматическата неутрализация, е наследство от предходно състояние на категорията, когато тя е била двучленна — един директен и един индиректен евиденциал, с който се изразява както умозаклучение, собствени субективно твърдение, обобщение, така и преизказване. В следващия етап от този косвен евиденциал се получават конклузива и ренаратива именно като в 3 л., ед. ч. и мн. ч. конклузивът запазва спомагателния глагол *съм* (*e, ca*), а в ренаратива той се изпуска. Недоразбирането на този развой на конклузива и ренаратива води някои чуждестранни учени до твърдението, че конклузивните и ренаративните форми са варианти един на друг.

Таблица 2 представя отрицателните форми на конклузива в деятелен залог. Значимото в тази таблица е наличието на три вида отрицателни конклузивни форми за бъдещите времена (бъдеще време, бъдеще предварително време, бъдеще време в миналото и бъдеще предварително време в миналото). Наличието на тези форми е доказано от Кр. Алексова [Алексова 2023], като най-честотни са тези, които съдържат форманта *нямало* е във всички лица и числа, а не само в 3 л., ед. ч. В

корпуси и интернет не срещнахме конклузивни примери с форманта *нямало съм* със спрягащ се глагол *съм*, макар че теоретично са възможни. Всички примери с *нямало съм* в базата ни данни са преизказни [Алексова 2023: 118–152]. При отрицателните форми на следходните времена съществува тенденция за разграничаване на конклузивните и ренаративните форми, която не се наблюдава в положителните форми, тъй като ренаративните форми се образуват или с форманта *нямало съм* при спрягане на спомагателния глагол *съм*, или с елемента *нямало* и изпускане на спомагателния глагол *съм*, а конклузивните съдържат безличния формант *нямало е*. Конклузивните форми показват също така тенденция за унифициране на парадигмата поради разпространението във всички лица и числа именно на форманта *нямало е* при наличие на висока степен на композираност на формите.

Таблица 2

Време	Конклузивни отрицателни форми, деятелен залог
Сегашно време	не съм четял, не си четял, не е четял
Имперфект	
Аорист	не съм чел, не си чел, не е чел
Бъдеще време	нямало е да чета, нямало е да четеш, нямало е да чете нямало съм да чета, нямало си да четеш, нямало е да чете не съм щял да чета, не си щял да четеш, не е щял да чете
Бъдеще време в миналото	
Перфект	не съм бил чел, не си бил чел, не е бил чел
Плусквамперфект	
Бъдеще предварително време	нямало е да съм/бъда чел, нямало е да си/бъдеш чел, нямало е да е/бъде чел нямало съм да съм/бъда чел, нямало си да си/бъдеш чел, нямало е да е/бъде чел не съм щял да съм/бъда чел, не си щял да си/бъдеш чел, не е щял да е/бъде чел
Бъдеще предварително време в миналото	

Формите за страдателния залог на конклузива са нанесени на Таблица 3. В страдателен залог на конклузива се наблюдават само две

форми — за небъдещите времена и за бъдещите времена. От гледна точка на теорията за граматическите опозиции причината са две парадигматически неутрализации: в конклузива първо се неутрализира опозицията между директните и индиректните времена, а в страдателния залог — и опозицията между резултативните (перфектните, предварителните) и нерезултативните (неперфектните, непредварителните) времена. Припомняме, че отрицателните форми на бъдещите времена включват 3 варианта (вж. Таблица 3).

Таблица 3

Време	Конклузивни положителни форми, деятелен залог	Конклузивни отрицателни форми, страдателен залог
Сегашно време	четял съм, четял си, четял е	не съм бил четен, не си бил четен, не е бил четен
Имперфект		
Аорист	чел съм, чел си, чел е	
Перфект	бил съм чел, бил си чел, бил е чел	
Плусквамперфект		
Бъдеще време	щял съм да чета, щял си да четеш, щял е да чете	нямало е да съм/бъда четен, нямало е да си/бъдеш четен, нямало е да е/бъде четен нямало съм да съм/бъда четен, нямало си да си/бъдеш четен, нямало е да е/бъде четен не съм щял да съм/бъда четен, не си щял да си/бъдеш четен, не е щял да е/бъде четен
Бъдеще време в миналото		
Бъдеще предварително време	щял е да е/бъде чел, щял си да си/бъдеш чел, щял е да е/бъде чел	
Бъдеще предварително време в миналото		

3. Употребите на неминалите времена на конклузива като адмиратив

След като разгледахме семантиката на конклузива и особеностите на неговата парадигма, тук се спираме върху употребите на небъдещите времена. Както посочихме, Р. Ницолова не приема, че неминалите времена имат употреби в конклузива. Следвайки вижданията на

Г. Герджиков, тук доказваме, че такъв вид употреби са възможни, но те винаги са адмиративни. Както стана ясно, причината е комбинирането между отнесеността на действията или резултатите към акта на комуникация, което е основен признак в семантиката на неминалите времена, и значението на конклузива — собствен субективен извод, обобщение, заключение, умозаключение.

Примери от (1) до (15) вкл. съдържат адмиративни употреби на конклузива в сегашно време. В (1), (2) и (3) е употребен глаголт *можел* в адмиратив с изпуснат спомагателен глагол *съм*. Пример (3) е интересен с това, че адмиративът е иронично употребен. Изпускането на спомагателния глагол *съм* води Р. Ницолова до заключението, че става дума за транспонирани преизказни употреби в полето на индикатива [Ницолова 2008]. Ние застъпваме виждането, че не става въпрос за граматическа метафора, а за изпускане на спомагателния глагол *съм* от конклузивната форма поради експресията (вж. и [Герджиков 1984]). В (4) се явява в адмиративна употреба на конклузива глаголт *знаел* в 3 л., ед. ч., м. р.

- (1) *Я, той можел да се усмихва?!¹* (https://www.facebook.com/KristalinaGeorgieva/posts/3446504752050700/?comment_id=3446521905382318) (12.06.2023)
- (2) *Я, той можел и да се подписва... жива да не бях.мале мале* (<https://fakti.bg/bulgaria/356056-nikolai-banев-s-pismo-ot-sledstvenia-arest>) (12.06.2023)
- (3) *Гледай ти, той можел да говори — каза саркастично Валерий, като се присъедини към тях.* (<https://chitanka.info/text/43676-noshtni-udovolstvija/11>) (12.06.2023)
- (4) *Я гледай ти? Знаел значи човечеца, какво трябва!* (<https://dnes.dir.bg/comments/prezident-obrashtenie-rosen-plevneliev-natzia-25076887>) (12.06.2023)

Примери (5), (6) и (7) доказват, че адмиративът може да се употребява и в 1 л., ед. ч. Говорещият прави изненадващо умозаключение за самия себе си.

- (5) *Нищо не донесох от чуждата съседна страна.
Гледай ти — бил съм прекрасен човек!* (<https://literaturesviat.com/?p=86582>) (12.06.2023)

¹ Всички примери са с пунктуацията, правописа и оформлението на оригинала. Съкращението БНК означава Български национален корпус.

- (6) *Облегни се удобно — я виж ти, аз съм бил истинска болногледачка.* (БНК)
 (7) *Гледай ти, аз съм имал още една родна паричка — каза той.* (БНК)

Пример (8) свидетелства, че изненадващо умозаклучение може да се направи от говорещия и за неговия събеседник — глаголната адмиративна форма *си била* е във 2 л. ед. ч.

- (8) *Гледай ти каква си ми била... ето каква си!* (БНК)

Най-честотни в базата данни, с която разполагаме, са употребите на 3 л. ед. ч. То е употребено в (9), (10). Както се вижда от всички примери, адмиративът често е съпътстван от лексикални средства за изразяване на изненада, напр. *гледай ти, виж ти, я, ама, а, брей* и др.

- (9) *Гледай ти какво побрала тази стаичка в нашето си българско село?* (БНК)
 (10) *Гледай ти къде бил нашият златен пупнал! — извика тя.* (БНК)

Четири са примерите, в които конклузивът е употребен адмиративно — от (11) до (14) вкл., но формата е със запазен спомагателен глагол *съм*. Тези примери убедително говорят, че адмиративните употреби не представляват транспозиция на ренаратива в полето на индикатива, а че става дума за конклузивни форми, които в адмиративните си употреби най-често се явяват с изпуснат спомагателен глагол поради експресията, но може и спомагателният глагол *съм* да бъде запазен.

- (11) *Брей, я виж ти кой се е раздрънкарал заран рано със заповеднически тон! — извърна се към него леля Фани.* (БНК)
 (12) *Гледай ти, каква красота е прикривала!* (БНК)
 (13) *Гледа ви Хнойпек и си мисли: виж ти какви хора е имало!* (БНК)
 (14) *Гледай ти, всичко са взели, даже платно, в случай че се наложи да се проведе Божи Съд.* (БНК)

В базата ни данни се съдържат, макар и малко, адмиративни страдателни форми на конклузива. В това убеждава пример (15), съдържащ страдателната форма *бил изнежен*. В изречението има и още една адмиративна форма за сегашно време — *бил*.

- (15) *Я го гледай ти колко бил изнежен — кракът му бил в капана! — измърмори Фикс.* (БНК)

Редки в базата ни данни са адмиративните употреби на перфекта. Него го отриваме в изречения (16) и (17) — *съм била хвърлила, съм бил легнал*. Както се вижда, и в двата случая глаголната форма е в 1 л. ед. ч. Пример (18) отново съдържа форма за 1 л., ед. ч. в адмиратив, а (19) е адмиративен перфект в 3 л., ед. ч.

- (16) *Тамара. Изменник! Потънал до шия в тинята на позора. Да се опълчи против отечеството! Боже, на какво място съм била хвърлила сърцето си.* (Ив. Вазов)
- (17) *Ставам, поглеждам нагоре, аз съм бил легнал под Радославов! Той слизал да ме души!* (И. Йовков)
- (18) *Колко съм била изостанала // не знам че са го били пуснали този булевард //* (Алексова 2003)
- (19) *Гледай ти, тя наистина била родила: Каза, че ще роди — и роди!* (БНК)

Адмиративните употреби на бъдеще време са много по-малко от адмиративните сегашни форми. Пример (20) доказва възможността бъдеще време да се употреби адмиративно. Въпросителният знак в края на (20) маркира не въпрос, а учудване. Пример (21) е конструиран, но според нас отговаря напълно на езиковия усет на съвременните българи.

- (20) *Я, я виж ти щяла да бяга?* (https://blitz.bg/politika/izbori-bez-otche-nash_news113646.html) (12.06.2023)
- (21) Ситуация: Четящият вестник вижда свой познат на снимка в електронно издание, в което се казва, че това са кандидати за евродепутати. Четящият се учудва, че неговият познат е сред тях.
Я, ама и той щял да се кандидатира за евродепутат!

В базата ни данни не се съдържат адмиративни употреби на конклузивните форми за бъдеще предварително време. Това е резултат както от редките му употреби в индикатив, така и от относително ниската честота на адмиратива. Опитът да създадем конструиран пример ни се струва успешен — вж. (22).

- (22) Ситуация. Говорещият вижда своя колежка на камера. Тя носи документи. Часът е 10, а документите трябва да се предадат до 10.30 ч. Тогава говорещият с учудване установява, че документите ще бъдат

предадени от колежката му преди 10.30 ч. Учудването идва от факта, че тази колежка винаги закъснява.

Я, ама тя щяла да ги е предала навреме!

4. Заключение

В настоящата работа разгледахме конклузивни форми на неминалите времена (сегашно време, перфект, бъдеще време и бъдеще предварително време), които имат адмиративна употреба. Тя е единствената възможна употреба на тези времена в конклузива поради специфичното взаимодействие на признаците на неминалите времена — ориентация спрямо акта на комуникация, с признаците на конклузива — извод, обобщение, заключение, умозаключение на говорещия на база на следите от действието или на базата на логически връзки. Струва ни се, че при неминалите времена, особено при перфекта, бъдеще време и бъдеще предварително време конклузивните адмиративни употреби се реализират именно въз основа на логически връзки, които прави говорещият/пишещият.

Примерите, които представихме, оборват виждането, че не са възможни конклузивни употреби на неминалите времена. Освен това анализите ни особено на конклузивни адмиративни употреби със запазен спомагателен глагол *съм* говорят, че става въпрос именно за конклузив, а не за транспонирани употреби на ренаратива в полето на индикатива.

Както става ясно, според нас адмиративът в съвременния български език представлява експресивна употреба на конклузива. Възможно е обаче и по-широко виждане, напр. че адмиративът включва всички евиденциални употреби с изразено учудване (напр. индикатив — *Я, тя може да пее хубаво!*, ренаратив — *А, ама според Иван тя можела да пее хубаво, гледай ти!*). Що се отнася до граматическия статут на адмиратива, смятаме, че това е само една от употребите на конклузива, но са възможни и други две позиции: адмиративът е транспонирана употреба на ренаратива [Ницолова 2008] и адмиративът е самостоятелна глаголна категория, независима от евиденциалността.

Адмиративните употреби са предизвиквали интереса на много учени. Особено значими са те за съпоставителните изследвания при извличането на техники за превода на българския адмиратив на чужди езици. Такава е работата на З. Шанова за преводните съответствия на българския адмиратив на руски език [Шанова 1985].

Литература

Алексова Кр. Адмиративът в съвременния български език. София: СЕМА РШ, 2003.

Алексова Кр. Дубитативът в съвременния български език. София: Университетско издателство „Св. Климент Охридски“, 2023.

Герджиков Г. Една специфична глаголна категория в съвременния български език (Категорията „ангажираност на говорещия с изказването на действието“) // *Годишник на Софийския университет, Факултет по славянски филологии*. Т. 69. 1977. Кн. 2. С. 5–68.

Герджиков Г. Преизказването на глаголното действие в българския език. София: Наука и изкуство, 1984.

Москова М. Конклузивът в съвременния български език. Дисертация за придобиване на образователната и научна степен „доктор“. (Ръкопис), 2021.

Ницолова Р. Българска граматика. Морфология. София: Университетско издателство „Св. Климент Охридски“, 2008.

Шанова З. Адмиратив в болгарском языке и способы его передачи на русский язык // *Съпоставително езикознание*. 1985. Кн. 6. С. 5–9.

М. А. Аникин

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург (Россия)

СОВРЕМЕННАЯ ЖИВОПИСЬ БОЛГАРИИ (основные мотивы, темы и архетипы)

Основные мотивы современной живописи Болгарии сформированы всей предыдущей историей этой страны. Художники XX — начала XXI века, оглядываясь на иконописные традиции, умело используют также открытия импрессионизма и символизма. Болгарская природа при этом является мощным источником художественного вдохновения ведущих мастеров современной живописи Болгарии.

Ключевые слова: *Болгария, живопись, архетип.*

Живопись Болгарии в конце XX — начале XXI века развивалась в русле того общеевропейского тренда, который мощно заявил о себе ещё со времени вступления европейской культуры в эпоху модер-

низма и постмодернизма. Её развитие во многом было детерминировано теми процессами, которые проявились в первой половине XX века в таких культурных столицах Европы, как Париж, Берлин, Рим, Вена и Мюнхен. Также определенное воздействие на развитие болгарской живописи традиционно оказывала Москва и вообще русская (в XX веке советская) живопись. Среди наиболее значимых имен болгарских живописцев, значение творческого наследия которых остается несомненным, следует упомянуть такие имена, как Владимир Димитров-Майстора, Светлин Русев, Илия Петров, Цанко Лавренов, Златю Бояджиев, Владимир Пешев и ряд других. В предыдущих докладах и заметках на тему мы уже обращали внимание на то, что наиболее показательными примерами в плане выявления главных тенденций развития современной болгарской живописи могут быть работы Димитрова-Майсторы (1882–1960) и Светлина Русева (1933–2018) [Аникин 2013: 6–8].

Если первый из этих мастеров олицетворяет своим творчеством ту линию развития болгарской живописи, которая несколько условно может быть названа «импрессионистической», то второй с достаточной степенью уверенности может быть причислен к основоположникам болгарской «символистической» живописи.

Речь при этом не идет о чисто импрессионистическом или чисто символистическом художественно-стилистическом методе, но, скорее, о самом общем взгляде названных мастеров на природу и человека. Подобные взгляды исповедовали многие художники Болгарии во второй половине XX — начале XXI в. В этом плане наиболее показательной является картина Димитрова-Майсторы «Болгарская девушка» (1952), сразу же ставшая своего рода «визитной карточкой» болгарской живописи XX века, воплощением той глубоко гуманистической энергии, которую несло в себе творчество известного болгарского художника. Источником вдохновения для Димитрова-Майсторы была сама природа Болгарии и окружающая его культура простого народного быта, непосредственно воспринимаемая художником, любившим работать под прямым впечатлением от увиденного [Аникин 2020: 67; Колев, Коцева 1974].

Что касается Русева и других художников-«символистов», творчество этих мастеров во многом было инспирировано древней историей Болгарии, теми архетипическими мотивами, которые воспринимались и передавались всей болгарской культурой, её самобытным «кодом».

В этом плане до сих пор показательным и знаковым произведением остаётся «Клятва» (1966) Светлина Русева [Аникин 2020: 69].

В рамках обозначенных главных тенденций современной болгарской живописи (мы включаем в это понятие весь комплекс живописных произведений второй половины XX — начала XXI вв.) трудились многие художники Болгарии названного периода. Многие из них, как Димитров-Майстора, отталкивались в своем творчестве от самой природы и быта Болгарии, другие, как Русев, стремились почерпнуть вдохновение в архетипических глубинах истории своей страны. Особая роль в этом плане принадлежит болгарской иконе и вообще средневековой культуре, которая всегда занимала отдельное место в жизни болгарского народа, в свое время потерявшего свою государственность и попавшего в жесткий режим турецкого ига. Борьба с ним во многом наполняла творчество художников XIX века, освобождение от него стало темой творчества многих мастеров. Обращение к теме старого Пловдива, одного из древних городов Болгарии, в котором старая болгарская архитектура и национальный колорит оказались своего рода Меккой для художников, также во многом формировало атмосферу всей живописи Болгарии XX — начала XXI вв.: Ц. Лавренов «Старый Пловдив» (1938); З. Бояджиев «Зима в Пловдиве» (1939). В свою очередь это имело свои корни в живописи XIX века — достаточно вспомнить картину Ивана Мырквички «Второй Пловдивский базар» (1888) [Львова 1971]. Старая городская архитектура и сельский болгарский быт часто становились тем благодатным воздухом болгарского искусства, который и до сих пор наполняет собой современную болгарскую живопись.

Во второй половине XX века одной из главных тем стала тема войны и мира. Собственно антивоенное творчество крупнейших европейских художников — таких как Пикассо с его «Герникой» и «Голубем мира», Матисс и Руо с их поисками в области нового религиозного искусства, оказывало свое воздействие на весь творческий мир Европы, включая и Болгарию. В этом ряду стоит вспомнить и антивоенные произведения немецких экспрессионистов, с которыми болгарские мастера тоже были знакомы. «Протест против войны» (1964) Дечко Узунова может служить убедительным примером яркого художественного преломления этой темы. Особую роль при этом непосредственно играла тема мира и созидания, которая мощно зазвучала во второй половине XX в. «Весна

в старом Пловдиве» (1965) Христо Стефанова является одним из таких произведений.

Влюбленная пара на первом плане, сидящая на фоне устремленного к небу города, олицетворяет мирную и спокойную жизнь, ожидание чего-то нового, незнакомого. Художник лишь намекает на то, что молодая женщина скорее всего ожидает ребенка, а её спутник, прижимаясь плечом к своей избраннице, ещё не вполне осознал всю глубину того события, которое предстоит. Но три зацветших дерева и лестница, ведущая к практически закрытым городской архитектурой небесам, напоминают о чуде рождения, которое ещё ожидается. Ясно, что рождение напрямую связано с темой мира. Картина «Матери» (1967) Александра Петрова находится в таком же ряду произведений.

Живопись начала XXI в. в Болгарии в целом развивается в русле названных национальных тем и исторических процессов, о чем можно судить на примере нового поколения болгарских мастеров — таких, в частности, как Павел Митков (1977 г. р.) и Мирослава Захариева (1982 г. р.). Многие художники продолжают обращаться к архетипическим темам старой Болгарии, вслед за Димитровым-Майстора и Светлином Русевым исследуют наследие болгарской иконы и вообще старой болгарской культуры. Всё это позволяет сделать вывод о том, что современная болгарская живопись преодолевает соблазны крайнего постмодернизма и останется самобытным явлением в мире современной культуры.

Литература

Аникин М. А. О художественных смыслах в живописи Болгарии XX века // XXV Державинские чтения: Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики: Сб. статей по материалам XLIX Международной филологической конференции, посвященной памяти Л. А. Вербицкой. СПб: ВВМ, 2020. С 67.

Аникин М. А. Феномен Владимира Димитрова-Майстора на фоне изобразительного искусства XX века // XVII–XVIII Державинские чтения: Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики: Мат-лы XLI Междунар. филологич. конфер., 26–31 марта 2012 г., СПб. Мат-лы XLII Междунар. филологич. конфер., 11–17 марта 2013 г. СПб., 2013. С. 6–8.

Колев Б., Коцева И. Владимир Димитров-Майстора. София, 1974.

Львова Е. Искусство Болгарии. М., 1971.

Т. Е. Аникина
Санкт-Петербург (Россия)

К ПРОБЛЕМЕ ЖИЗНЕННОСТИ ТЕКСТА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Перевод иноязычного писателя может жить долгие годы, оставаться неизменно интересным читателю, может и потерять актуальность, не привлекать внимания. Думается, для продолжения жизни текста нужна параллельность воспринимаемой и воспринимающей культуры. Определяющую роль в «жизненности» текста художественного перевода, бесспорно, играет личность переводчика, его талант, жизненный и художественный опыт.

Ключевые слова: *перевод, параллельность культур.*

Наверное, в любую национальную культуру органично входит творчество многих зарубежных авторов. Не составляет исключения и русская литература. Не только трудно, но и невозможно представить себя без книг Ч. Диккенса, В. Гюго, Т. Манна или Г. Сенкевича. Думается, что перечисление можно продолжать бесконечно. Переводную литературу мы читаем, пожалуй, даже больше, чем русскую. Происходит это, в первую очередь, благодаря первоклассным переводам. Мы не только знаем зарубежных авторов, но и часто их цитируем. Именно благодаря великолепным переводам русская, да и любая другая литература, существуют в широком европейском и даже больше — мировом контексте.

Вопрос о том, насколько представление иностранца, иноязычного читателя, соответствует тому представлению о произведении или, шире, о писателе, которое сложилось в национальной литературе, — вопрос ментального характера. Тем не менее, проблема соответствия перевода оригиналу, наверное, никогда не перестанет быть дискуссионной. Она влечет за собой множество вопросов и, прежде всего, вопрос о параллельности культур: воспринимаемой и воспринимающей.

Изменяется национальный язык, его нормы, меняется парадигма восприятия иноязычной литературы. Казалось бы, возникает потребность в новых переводах классических произведений. Но «Гамлета»

Шекспира или «Божественную комедию» Данте невозможно представить себе в других переводах, кроме переводов Б. Пастернака или М. Л. Лозинского. «Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу». Именно так для русского уха звучат стихи знаменитого итальянца. Мы наслаждаемся Ч. Диккенсом в переводах А. В. Кривцовой и вряд ли захотим увидеть знакомые с детства строки в ином виде. Эти тексты «жизненны» для нас.

Очевидно, что при совпадении парадигм литературных направлений, опорных точек литературного пространства иноязычная литература легко войдет в литературу национальную. Немецкие романтики, английские и французские реалисты заняли прочное место в русской культуре, тем более что эти переводы выполнены великолепными переводчиками. Недаром славится русская школа перевода с романских и особенно с германских языков.

Однако для успешной жизни переводного произведения в иноязычной среде мало близости литературных парадигм, необходимы широкие совпадения культурных пространств, включающих в себя черты быта, и не только литературного, традиций, культурных запросов и интересов. Иначе иноязычное произведение приобретает слишком сильный налет экзотики. Так, «Бабушка» Б. Немцовой воспринимается русскими как «жизнь неизвестных народов». Другое дело — «Малоостранские рассказы» Я. Неруды, в которых описывается жизнь, близкая русской провинциальной жизни чеховских героев.

Не менее важно пространство ментальное. Слишком большое различие ментальных понятий не позволит адекватно воспринять переводное произведение.

Жизненность переводного текста зависит, вероятно, в равной мере от фигуры, воспроизводящей текст, от переводчика и от фигуры, текст воспринимающей, — от читателя, реципиента. Его жизненный и литературный опыт как раз и определяет понимание текста и его жизненность.

Так, общим местом переводоведения стала мысль о том, что переводной текст не должен нарушать нормы литературного языка. Все отклонения от узуса должны быть функционально обоснованы. В противном случае смысл подлинника легко может быть искажен, в связи с тем что читатель станет искать смысл не там, где он скрыт у писателя, а там, куда его перенес переводчик.

Следующий очевидный момент, влияющий на жизненность переводного текста, заключается в том, что переводной текст должен вписываться в риторическую традицию воспринимающей литературы, так произошло в России с переводными произведениями романтиков. Здесь опять на первый план выступает фигура реципиента. Его ожидание, сложившееся в рамках национальной риторики, должно быть удовлетворено переводчиком. Переводное произведение не может резко противоречить эстетическому опыту читателя, противостоять риторической традиции, сложившейся в национальной культуре. Риторические фигуры и приемы, которые использует переводчик, не могут выходить за рамки этой парадигмы. Но тут кроется и опасность для жизненности переводного текста. Используя своего рода готовые формы, можно столкнуться с тем, о чем говорили в свое время русские формалисты: повторение приема ведет к избитости, шаблонности. С одной стороны, ожидание реципиента, его установка на набор привычных стилистических средств: эпитетов, метафор и т. п., — должно быть удовлетворено, тогда перевод войдет в культурное пространство воспринимающей литературы. С другой — горизонты его ожидания должны быть раздвинуты за счет расширения изобразительных средств перевода. Для того чтобы текст жил, переводчику приходится изыскивать способы выражения, которые, вписываясь в риторическую традицию своей литературы, не были бы избитыми и как бы носили черты переводимой литературы. Именно этим и объясняется, на наш взгляд, живучесть шекспировских пьес или «Божественной комедии» Данте. Достаточно строгое сохранение дантовских терцинов, написанных силлабо-тоническим размером, одновременно вписывается в русскую эстетическую традицию, что соответствует ожиданию читателя и расширяет горизонт этого ожидания своей последовательностью и разнообразием форм.

Все вышеперечисленное важно. Однако подлинная жизненность перевода художественной литературы зависит, думается, от того, удалось ли переводчику создать текст, имеющий потенциальное значение, способный разворачиваться, расширять горизонты своего восприятия, раскрывать перед читателем все новые и новые глубины. Такой текст не должен все время восприниматься как при первом прочтении. Должна сохраняться дистанция между прочтением произведения и горизонтом ожидания, т. е. тем, что знакомо по предшествующему эстетическому опыту. По мере сокращения этой дистанции жизнен-

ность произведения тае. Изменение литературной парадигмы влечет за собой изменение восприятия перевода. Так, творчество, например, М. Пуймановой вызывало искренний интерес читателя в середине XX века, когда в русской литературе господствующим стилем был стиль реалистический, с вариантом соцреализма, который на самом деле весьма условно может быть отнесен к реалистической парадигме. На стыке XX и XXI веков парадигма русской литературы изменилась. С существенным опозданием в ней стал господствовать постмодернизм. Стиль социального реализма стал слишком предсказуем. Дистанция между произведениями и горизонтом ожидания читателя стала исчезать. Реалистов стало скучно читать, более того, и с содержательной точки зрения их произведения предлагали мало нового. В такой ситуации наступала своего рода «смерть» переводного реалистического произведения с социальной тематикой. Дистанции между прочтением произведения и ожиданием не было, ожидание читателя полностью оправдывалось, тем более что и содержание было полностью предсказуемо. Оно не предлагало новых этических решений жизненной практики читателя, не рушило табу господствующей морали, как в свое время «Мадам Бовари» Г. Флобера.

Таким образом, жизненность перевода связана, в первую очередь, с художественной значимостью переводимого текста. Но перевод может текст «убить», если его автор не найдет способ отстранить горизонт ожидания читателя, как смог сделать это М. Лозинский, переводя Данте, как смог сделать это А. В. Федоров, переводя Г. Флобера.

В. Н. Гливинская

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва (Россия)

О НЕКОТОРЫХ ИТОГАХ АПРОБАЦИИ ПРОГРАММЫ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ «МИР 2-го ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА (БОЛГАРСКИЙ)»

В сообщении представлены размышления о возможностях реализации унифицированной программы учебной дисциплины «Мир 2-го иностранного языка» в группах студентов, изучающих болгарский язык в качестве второго иностранного. Делается вывод

о необходимости коррекции некоторых параметров, в частности: 1) уровня предварительной подготовки; 2) соотношения лекционных и семинарских занятий.

Ключевые слова: *обучение, второй иностранный, фоновые знания, социокультурная компетенция.*

Болгарский язык как второй иностранный преподается на факультете иностранных языков и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова с 2020 г. Первые два года бакалавриата студенты изучают базовый курс «Практический болгарский» по 6 учебных часов в неделю. С 3-го курса начинается более продвинутый этап: вводятся учебные дисциплины «Теория и практика речевого общения (болгарский)» и «Мир 2-го иностранного языка (болгарский)».

В настоящем сообщении я бы хотела поделиться с коллегами опытом создания и проведения первой части курса учебной дисциплины «Мир 2-го иностранного языка (болгарский)» на факультете иностранных языков и регионоведения.

Как известно, учебные программы по всем курсам на современном этапе пишутся по единым шаблонам, которые определяют цели и задачи обучения, количество часов, виды работы, соотношение количества часов и видов работы, средства контроля и т. д. В целом, это правильно, так как вводит некоторую унификацию и не позволяет привносить своеволия в учебный процесс. С другой стороны, существующие сегодня шаблоны не регламентируют набор обязательных тем, что позволяет составителю программы проявить творческий подход к их выбору по обозначенным шаблоном направлениям.

Целью освоения дисциплины, согласно шаблону, является ознакомление с историей, культурой и литературой страны изучаемого языка, а также с ее современными экономическими и политическими реалиями. Ставятся следующие задачи: расширение информационного запаса согласно вышеуказанным разделам, формирование коммуникативных умений, развитие способности обсуждать названную тематику на изучаемом языке. Формирование знаний об основных исторических процессах должно быть основано на анализе, осуществляемом сквозь призму культуры, традиций и обычаев. Подобное определение цели и задач не вызывает сомнений и звучит емко и содержательно. На нашем факультете утвердилась практика деления курса условно на две равные по объему учебных часов части: историю и литера-

туру. На моноязычных кафедрах историю и литературу, естественно, ведут разные преподаватели, что дает возможность каждому из них сконцентрировать внимание на более узком круге проблем. На нашей кафедре славянских языков и культур дела обстоят иначе: весь курс целиком ведет один преподаватель.

Параметры курса также заданы шаблоном: 5–8-ой семестр по 4 учебных часа в неделю: лекции и семинары в соотношении 1:1, 324 часа — самостоятельная работа. В конце каждого семестра предусмотрен экзамен, что, безусловно, дисциплинирует студентов и способствует лучшему усвоению изучаемого материала.

Определяет шаблон и уровень предварительной подготовки — не ниже А2. Однако опыт показывает, что уровень А2 недостаточен для успешного освоения курса. Приходится на каждую новую тему выделять больше часов, чем это предполагалось при планировании.

Уровень А2 не позволяет реализовать регламентируемое шаблоном соотношение часов лекций и семинаров 1:1. Студенты не подготовлены к восприятию лекций на иностранном языке, у них возникают проблемы с аудированием даже коротких фрагментов научного текста, не говоря уже об осмыслении полученной на слух информации. В итоге реальное соотношение часов меняется в пользу семинаров, на которых можно вести работу с опорой на письменный текст. Чтение как вид речевой деятельности остается актуальным на всех этапах обучения.

Еще в самом начале существования нашего факультета первые преподаватели учебных курсов по страноведению отмечали, «что в голове студента, несмотря на титанические усилия лингвокультурологов, все еще существует пропасть между практическими занятиями по иностранному языку и курсом лекций по культуре страны изучаемого языка» [Курасовская 2005:3]. Так, Ю. Б. Курасовская писала: «Ощущение пропасти возникает, когда начинаешь проверять письменные ответы студентов на вопросы тестов по культуре США» [Курасовская 2005:3]. Она отмечала, что студенты не могут выразить свои мысли адекватно на иностранном языке. Уже тогда ставилась задача преодолеть разрыв между языком и культурой в рамках курса лекций. Было ясно, что иноязычная компетенция студентов не позволяет им справиться с курсом лекций страноведческого характера. И обратим внимание, речь идет о владении английским языком, который многие студенты нашего факультета изучали в спецшколах с первого класса.

Курсу «Мир 2-го иностранного языка (болгарский)» предшествовал практический курс болгарского языка — 2 года по 6 часов в неделю с нуля! Естественно, наши проблемы усугубляются кратно. Когда я приступила к разработке курса, я опиралась на свой опыт работы с историками, которые уже на втором году обучения языку начинают вполне успешно сдавать «домашнее чтение», то есть чтение и перевод исторического научного неадаптированного текста, но я не учла, что к этому моменту они (историки) уже владеют предметными знаниями, коих нет у наших студентов, которым не знакома не только болгарская, что естественно, но и русская историческая терминосистемы.

Подготавливая учебные материалы для занятий, я привожу определения терминов, таких, например, как *федерат*, *регент*, *василевс*, и особенно терминов протоболгарского и турецкого происхождения: *ичергу-боил* — ‘прабългарска болярска титла, служещ при владетелския дом’, *спахия* — ‘турски феодал, който бил длъжен по време на война да се яви с определено число конници’ и др. Но на уроке выясняется, что в толковании нуждаются и другие термины, — выпускники современной российской школы не знают, кто такой *гегемон* и что такое *химера*! Все это замедляет процесс обучения и заставляет больше учебного времени уделять чтению с комментариями. В болгарском языке, как известно, ударение подвижно. Это создает серьезные проблемы при чтении. Студенты не утруждают себя поиском новых слов в словарях, если им кажется, что они понимают общий смысл прочитанного. Ошибки в ударении наблюдаются практически у всех студентов даже продвинутого этапа обучения. К сожалению, ошибки встречаются не только в новых лексемах, но и в грамматических формах: перенос ударения в ряде форм множественного числа имен существительных (*вол* — *волове*, *град* — *градове* и т. п.), в формах местоимений (*онзи* — *оная* — *ония*), в формах причастий и др. Затрудняет студентов также понимание текста: извлечение фактической информации и дальнейшее ее осмысление. Студенты не умеют «рефлектировать». Новый материал укладывается на новую «полочку». Например, в начале урока речь шла о свержении Владимира Расате его братом и отцом в 927 г., а в конце урока упоминается 927 г. как переломный в жизни государства без ссылки на происшедшее событие. На мой вопрос: «А что произошло в этом году?» — не смог ответить ни один студент. Это свидетельствует о фрагментарности усвоения новых знаний, о неумении осмыслить картину события в целом.

Позволю себе еще один пример. В курсе «практического болгарского» мы изучали рассказ Й. Йовкова «Шибил», который начинается словами: «Шибил, страшният хайдутин ...». В курсе «Мир 2-го иностранного языка (болгарский)» у нас есть тема «Хайдушко движение». Ни один студент не вспомнил, кто такой *хайдутин*, что значит это слово, никаких ассоциаций — «полочки» разные.

Считается, что необходимой ступенью в формировании навыков смысловой обработки текста является реферирование. Однако следует отметить, что и этот вид деятельности дается студентам нелегко: они не занимались реферированием в достаточном объеме ни в школе, ни в университете в рамках первого иностранного. Выяснилось, что не только реферирование, но и составление разных видов планов их затрудняет. Понятно, что без устранения этих пробелов идти дальше в освоении программы курса «Мир 2-го иностранного языка» невозможно.

Как мы видели, авторы шаблона большое внимание уделяют самостоятельной работе студентов: 324 часа. Сам этот факт ставит перед преподавателем новые задачи. Ведь самостоятельную работу нужно инициировать, обеспечить источниками информации, необходимо направлять деятельность студентов, оказывать им всестороннюю помощь и контролировать достигнутые результаты. Одной из возможных форм организации самостоятельной работы студентов, безусловно, является подготовка сообщений по заданной теме и создание презентаций к ним. Каждый студент готовит по 2 таких сообщения в семестр. Естественно, подбор материалов я взяла под свой личный контроль, снабдив каждого докладчика необходимыми для раскрытия темы материалами. По сути, задача студента — самостоятельно подготовить сообщение по заданным текстам. Однако выяснилось, что мы по-разному понимаем «самостоятельную работу». Нашлись студенты, которые сочли, что материалы из интернета легче и понятнее. Итог — фактические ошибки и крайне плохой язык подготовленных сообщений.

Формулируя темы докладов, я, естественно, ориентировалась на программу курса. Но как выяснилось, эффективность подобных занятий-конференций, даже при условии добросовестного отношения докладчиков к полученным темам — минимальна. Из 6 тем в итоге каждый из участников хорошо усвоил только свою. Это выяснилось на экзамене. Восприятие на слух, без опоры на реальный текст все еще затрудняет студентов.

Одной из задач курса является формирование социокультурной компетенции. С большим сожалением приходится констатировать, что современные болгарские учебники — плохие помощники в этом простом деле.

Проф. Атанас Семов, член Конституционного суда Болгарии, в одном своем интервью ведущему программы «Тази сутрин» [Семов, 2023] болгарского телевидения выразил свою крайнюю озабоченность «обезболгариванием» (*обезбългареност*) школьных учебников и учебных пособий. Он отметил, что в учебной программе по дисциплине «Родинознание» «думата Родина не се споменава. Учат се правилата за пресичане на улицата». А в учебнике по литературе 5-го класса из 40 произведений только одно связано с болгарской национальной судьбой.

Он процитировал отрывок из «Читанки» (третий класс):

Трети март!
Една обикновена дата.
Ден
обикновен —
и пьстър, и суетен.

И прокомментировал: «Това е посланието, което достига до нашите деца за иначе Национален празник, за Деня на свободата».

Продолжение же стихотворения:

И в този тътен глух чуй как ехтят
и как шибат на Паисия словата,
как пей на баба Тонка там гласът,
как Левски на бесилото се мята.

Семов охарактеризовал как «повторно обесване на Левски».

Страшнее учебников по литературе, по мнению профессора, могут быть только учебники по истории, где реальному положению болгар под турецким гнетом отводится семь строк, в которых самое страшное — это то, что болгары «нямали право да се обличат с красиви дрехи, да строят големи къщи и високи църкви» (учебник по история за 10-ти клас).

В подобной трактовке фактов исторического прошлого проф. Семов, не без основания, видит «повторно посичане на българските герои и българската историческа памет».

Понятно, что подобные «творения» не могут быть надежной опорой для нашего курса. Подбирая учебные материалы, я стремилась

представить историческое событие с разных точек зрения. Безусловно, чтение и понимание дискуссионных текстов требует особой сосредоточенности и внимания. И если можно задать в качестве домашнего чтения работу над подобными текстами, то оставить их без очного обсуждения на уроке никак нельзя.

В качестве примера приведу сопоставительный анализ подачи одного и того же исторического факта в двух исторических повествованиях: в учебнике для учащихся старших классов и абитуриентов, созданном коллективом авторов (Лазаров, Павлов, Тютюнджиев, Палангурски) в 1993 г. — «Кратка история на българския народ» [Лазаров и др. 1993], и в монографии П. Мутафчиева «История на българския народ» [Мутафчиев 1992], написанной за 50 лет до того, в 1943 г. О монографии Петра Мутафчиева в предисловии к изданию 1992 г. сообщается следующее: «... в сущности, она представляет собой спокойное, объективное и совестливое (добросовестное) изложение средневекового прошлого болгар» [Мутафчиев 1992: 4]. Задача — проследить ангажированность авторов «Краткой истории», вычленить и фиксировать лингвистические средства выражения этой ангажированности.

Так, на стр. 53 впервые появляется термин «агрессия», не свойственный описаниям событий средневековой истории, и связан он с походом русского князя Святослава. Присутствует и определение: «руска агрессия». Появляются впервые и оценочные определения: «двамата авантюристи» (имеются в виду князь Святослав и Херсонский Византийский стратег Калокир). Появляется и вполне современный термин «оккупация»: «Североизточна България била окупирана», не «завзета», как это описывалось ранее. Применение терминов XX в. к событиям средневековой истории считается одним из приемов психологического внушения. Авторы работают над созданием образа врага. И это за 20 лет до Крыма, до 2014 г.!

При всем своем желании опорочить русского князя авторы не могли не констатировать, что «варварский князь» сохранил власть Бориса II над столицей, «царската хазна останала непокътната, дори християнските храмове не били осквернени и ограбени от езичниците руси». Но даже из этого, казалось бы, очевидного факта делается субъективный, предвзятый, ничем не подтвержденный вывод: «По-скоро на българите бил наложен един нежелан и неравноправен «съюз», в чиито основи **навярно** (хайли-лайкли) било фактическото

заложенничество на Борис II, на роднините и близките на най-видните български боляри». Без всяких доказательств! Да и зачем?

Но и это еще не все. Авторы допускают прямое извращение фактов. Предательство царя Бориса II, без боя сдавшего болгарские крепости византийскому императору, кстати, ограбившему и сжегшему болгарскую столицу Преслав (в отличие от «варвара Святослава»), представлена как выражение «ненависти» к русской оккупации, которая будто бы стала причиной того, что болгары стали **невольными участниками** установления власти Византии.

В «спокойном объективном и совестливом» изложении событий П. Мутафчиевым, естественно, отсутствуют термины «агрессия», «оккупация» и пр. Автор повествует о том, что князь Святослав оказался на грани жизни и смерти в результате внутренних противоречий среди болгар «и был должен оградить себя от любого дальнейшего предательства».

Современные болгарские историки соревнуются в обвинениях России. Не отстают от историков и современные болгарские политики. Так, сопредседатель партии «Демократична България» Атанас Атанасов в одном из своих предвыборных интервью утверждает, что «единствена страна, която е била против Съединението, е била Русия» [Атанасов 2022]. И это несмотря на то, что всем мало-мальски знакомым с историей Болгарии хорошо известен факт, что помимо России не поддержали это событие Германия и Австро-Венгрия.

Подводя предварительные итоги апробации программы учебной дисциплины «Мир 2-го иностранного языка (болгарский)», можно констатировать, что, хотя и с большими трудностями, нам удалось решить некоторые задачи, например, научиться ориентироваться в современном научном историческом дискурсе, т. е.:

1. Читать и понимать научные исторические тексты
2. Конспектировать первоисточники
3. Составлять все возможные виды планов
4. Готовить доклады по заданной теме и презентации к ним.
5. Критически анализировать изучаемый материал (образцы современного научного дискурса).
6. Выражать свое мнение и уметь его аргументированно отстаивать на изучаемом языке.

Возвращаясь к шаблону, следует отметить, что достижение поставленных целей предполагает более высокий уровень владения

изучаемым иностранным языком (не ниже В1-В2), а соотношение лекционных и семинарских занятий должно быть изменено в пользу последних, возможно, в пропорции 1:3.

Литература

Атанасов А. [Электронный ресурс]. URL: <http://embed.btv.bg/lbin/global/embed.php?v=2113092580>.

Курасовская Ю. Б. Методика построения курса по американской культуре: проблема взаимосвязи языка и культуры в рамках университетского курса по американской культуре // Всероссийская научно-практическая конференция «Учебник-ученик-учитель» и Ломоносовские чтения, посвященные 250-летию МГУ имени М. В. Ломоносова. М.: Изд-во МГУ, 2005.

Лазаров И., Павлов П., Тотюнджиев И., Палангурски М. Кратка история на българския народ. В. Търново: Gaberoff, 1993.

Мутафчиев П. История на българския народ. София: Изд-во БАН, 1992.

Семов А. [Электронный ресурс]. URL: <http://embed.btv.bg/lbin/global/embed.php?v=2112975366>.

В. Н. Гливинская

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва (Россия)

СТУДЕНЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ КАК СТИМУЛ РАЗВИТИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ

Доклад информирует об эксперименте автора по развитию научно-исследовательской компетенции обучаемых в рамках подготовки их участия в студенческой научно-практической конференции «Славия: история, культура, язык». Акцентируется межпредметный подход к выбору тем исследований. Подготовка сообщений и статей по ним рассматривается как эффективная форма организации самостоятельной работы студентов, направленной на формирование их профессиональной компетентности.

Ключевые слова: *обучение, компетентностный подход, самостоятельная работа, студенческая конференция, научно-исследовательская компетенция.*

Компетентностный подход в лингводидактике вызвал к жизни частое употребление терминов «компетенция» и «компетентность». Зачастую эти термины употребляются как синонимы, что, как известно, противоречит самому определению понятия «термин» как единицы однозначной. Думается, для большей ясности и строгости лингводидактического дискурса было бы полезно вслед за Н. П. Хомяковой [Хомякова 2009: 173–174] разграничить эти два конструкта. Н. П. Хомякова предложила определения, которые представляются весьма разумными.

Под *профессиональной компетенцией /профессиональными компетенциями* следует понимать ресурсное качество, которое является основой для принятия эффективных решений. Компетенции интегрируют совокупность знаний, навыков и умений, определяющих уровень компетентности. Содержание компетенций взаимосвязано со сферами деятельности специалиста и закреплено официальными документами. Компетенции выступают новым типом целеполагания.

Профессиональная компетентность рассматривается Н. П. Хомяковой как конечная цель профессиональной подготовки, как способность мобилизовать внутренние ресурсы (знания, навыки, умения, ставшие системой компетенций) для выполнения служебных функций, опираясь на личный опыт, эмоционально-волевые качества, под воздействием высокой мотивации. Профессиональная компетентность, по мнению автора, — это реализованные компетенции.

Исходя из представленного понимания основополагающих категорий компетентностного подхода, автор предлагает разветвленную компетентностную модель для специалистов-нефилологов, содержащую два блока компонентов: **Общую иноязычную коммуникативную компетентность (ОИКК)** и **Специальную иноязычную коммуникативную компетентность (СИКК)**.

Обе эти компетентности носят интегративный характер и включают в себя хорошо всем известные компетенции: лингвистическую, дискурсивную, стратегическую, социокультурную. И, что особенно важно, в СИКК включаются еще три компетенции: предметно-профессиональная, информационная и медиативная.

Реабилитация перевода и признание его равноправным членом иноязычной компетентностной модели радует и вдохновляет, но, думается, в представленной «разветвленной» модели не хватает еще одной, весьма важной ветви — **научно-исследовательской**.

В современном мире трудно себе представить профессионала с низким уровнем исследовательских умений. Одной из важнейших задач ВУЗов является развитие способности к этому виду деятельности: формирование научно-исследовательской компетенции. На нефилологических факультетах этим в первую очередь, естественно, занимаются преподаватели профилирующих кафедр, но и участие преподавателей иностранных языков в этом процессе может быть весьма весомым. В этом отношении хотелось бы отметить эффективность подготовки и проведения совместных научно-практических конференций для наших общих студентов. Так, кафедра славянских языков и культур ФИЯР совместно с кафедрой истории южных и западных славян Исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова и Институтом славянской культуры РГУ имени А. Н. Косыгина под эгидой и на территории Института славяноведения РАН вот уже в шестой раз готовится к проведению Студенческой научно-практической конференции «Славия: история, культура, язык». Конференция проводится в мае в рамках Дней славянской письменности и культуры.

Конференция была задумана с целью совершенствования специальной иноязычной коммуникативной компетентности и предполагала работу по формированию дискурсивной компетенции обучаемых. Перед участниками ставилась задача представить результаты своей научной работы по специальности на языке изучаемой страны. По сути, так оно и было в первые годы. Однако со временем пришло понимание, что у студентов есть желание попробовать себя в исследованиях, так сказать, на «чужой территории». Они охотно включились в работу переводоведческого характера по сопоставительному анализу текстов оригинала и перевода. С этим пониманием возникло и осознание, что участие преподавателя иностранного языка в формировании научно-исследовательской компетенции студентов-нефилологов может быть более весомым и значительным. При этом следует отметить, что участие в конференции является абсолютно добровольным. Работа по подготовке студентов осуществляется внеурочно, т. е. реализуется основной принцип самостоятельной работы, которая, как известно, занимает все более емкое место в учебных программах практически по всем дисциплинам.

С. Г. Тер-Минасова в одном из своих докладов отмечала, что современные студенты хотят учиться, но не хотят, чтобы их учили. Положение, с точки зрения дидактики, спорное, но, безусловно,

требующее от современных преподавателей пересмотра некоторых традиционных подходов. Легче всего осуществить переход к более демократичной модели организации учебного процесса позволяет именно самостоятельная работа: студент учится сам, а преподаватель направляет и корректирует процесс обучения.

Участие в студенческой научно-практической конференции позволяет всем желающим представить результаты своих научных изысканий, обсудить их с коллегами и обрести опыт ведения научной дискуссии.

Подготовка студентов к конференции связана с работой над источниками, написанием аннотаций, тезисов, текстов докладов. Участники готовят презентации, наиболее успешные впоследствии пишут статьи по своим докладам, что предполагает неоднократное редактирование текста собственного сочинения. Конечно, аннотированию и реферированию мы учим также и в отведенное на изучение иностранного языка время, но это — работа над **вторичным** текстом. Принципиальное отличие работы над докладами — обучение написанию **первичного** научного текста.

Студенческая конференция, таким образом, являясь стимулом к развитию творческой инициативы студентов, позволяет преподавателю эффективно и плодотворно организовать самостоятельную работу обучаемых и способствовать развитию не только дискурсивной, но и научно-исследовательской компетенций.

Эксперимент, итогами которого я бы хотела поделиться с вами, стал результатом моей попытки применить т. н. межпредметный подход: заинтересовать студентов-историков проблемами смежной области знаний, проблемами перевода. Студенты, изучающие болгарский язык на историческом факультете, записались на мой спецкурс «Межязыковая асимметрия и перевод». В рамках этого спецкурса мне удалось сообщить им некоторые собственно теоретические переводческие знания, познакомить со стратегиями предпереводческого анализа исходных текстов, а также с критериями оценки качества переводов. Полученные теоретические знания студенты имели возможность применить на практике, сопоставив тексты оригинала рассказа классика болгарской литературы Е. Пелина «На оня свят» [Пелин 1972] и его перевода на русский язык, выполненного переводчиками И. Воробьевой и Н. Толстым [Пелин 1975]. Этот вид деятельности увлек студентов, и они выразили готовность выступить на конференции

с докладами на переводоведческие темы. Естественно, мы не претендовали на какие-то серьезные, с научной точки зрения, открытия, но мы попытались сделать первые шаги в написании научного труда на базе самостоятельного сопоставительного анализа текстов оригинала и перевода.

Всем присутствующим хорошо известно, что самое глубокое прочтение — это прочтение текста переводчиком. Анализ же результатов этого прочтения — лучший способ научить вдумчивому вчитыванию, вовлечь студента в активную познавательную деятельность.

Темы докладов были выбраны с учетом уровня владения языком:

1. Динамика повествования в рассказе Елина Пелина «На она свят» и в его переводе на русский язык.
2. Глаголы говорения (*Verbum dicendi*) и их ситуативные синонимы в болгарском и русском художественном тексте.

Первая работа строилась на утверждении выдающегося болгарского лингвиста М. Янакиева [Янакиев 1977: 185–190] о том, что «глагольная температура» текста отражает динамику повествования. Под «глагольной температурой» М. Янакиев понимает процентное отношение числа глаголов к общему числу слов в тексте. Для проведения соответствующего сопоставления автору доклада [Евстафьев 2018: 50–52] пришлось расширить свои представления о возможных методах исследований в гуманитарной сфере и познакомиться с глотометрией.

Вторая работа должна была проверить справедливость утверждения известного болгарского переводчика и переводоведа С. Флорина [Флорин 1990], соавтора широко известного у нас труда «Непереводимое в переводе», о том, что болгары шире используют инструментарий замены ремарок *он сказал, она сказала*. С. Флорин демонстрирует возможности болгарского глагола, предлагая читателю список из более чем трехсот возможных замен *вечного сказать*.

Естественно, автору доклада [Бондаренко 2018: 53–55] пришлось сопоставить это «богатство» с выразительными возможностями «великого и могучего». И для начала провести серьезную изыскательскую работу по словарям. Выяснив же, что возможности двух языков в этом отношении равны, исследователь проследил, действительно ли болгарские авторы не любят *вечное сказал*, а русские не боятся тавтологии. Результаты превзошли все возможные ожидания. Автору удалось пополнить список С. Флорина еще 4-мя глаголами и одним

фразеологизмом, а также обнаружить, что при всем богатстве русского языка в русских текстах глагол *сказать* значительно реже заменяется ситуативными синонимами.

Что касается «динамики повествования», автору доклада было нелегко. Хотя и принято считать, что «цифры — вещь упрямая», слушателям не пришлось по душе выводы исследователя. И это несмотря на то, что недостаточный динамизм текста перевода он очень деликатно списывал на межъязыковую асимметрию сопоставляемых языков. Уважение к имени переводчика вызвало шквал вопросов, и докладчик, мобилизовав ресурсы самообладания, проявил свои личностные качества. Таким образом, начинающие исследователи, помимо всего прочего, обрели опыт отстаивания своих позиций и полученных результатов.

Шестилетний опыт проведения научно-практической конференции «Славия» позволил мне предпринять еще один эксперимент, о котором мне бы хотелось рассказать уважаемой аудитории. Студенты нашего факультета (ФИЯР) на втором курсе бакалавриата имеют право изучать факультативно один из славянских языков по выбору. Как правило, на факультатив записываются студенты, изучающие западноевропейские языки и не имеющие отношения к славистике. В одной из таких групп я предложила темы для сопоставительного исследования, которые не были связаны с их курсовыми работами: абсолютно добровольная, внеурочная, самостоятельная работа. Бонус — участие в конференции. Две студентки откликнулись и подготовили весьма интересные и содержательные сообщения по предложенным темам. Одно из них было посвящено межъязыковой асимметрии полисемантической лексики на примере болгарского глагола *вдигам* и его русского словарного соответствия *поднимать*. Второе же прослеживало проявления интерференции и буквализма при переводе художественного текста с русского на болгарский. Исследование проводилось на материале двух версий перевода 19-й главы романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» на болгарский язык выдающейся болгарской переводчицей Л. Минковой. Исследование оказалось посильным и возможным исключительно благодаря тому, что, по сути, Л. Минкова сама во второй версии исправила допущенные в первом переводе 1968 г. ошибки и неточности. Наличие нескольких вариантов перевода одного произведения одним и тем же переводчиком — это допуск в его творческую лабораторию, подарок

исследователю, которым мы постарались воспользоваться. Таким образом, оказалось, что студентки, для которых изучение болгарского языка всего лишь хобби, с воодушевлением, интересом и желанием откликнулись на приглашение к научно-исследовательской деятельности в области болгаристики.

Совместная творческая работа с преподавателем, безусловно, полезна начинающим исследователям. А что (кроме напряженных и трудоемких проверок и правок) это дает преподавателю? Во-первых, позволяет лучше узнать своих студентов и осуществить личностно-ориентированный подход к их обучению. Во-вторых, раскрыть и развить их индивидуальные способности. В-третьих, вовлечь их в активную исследовательскую деятельность и, тем самым, способствовать формированию научно-исследовательской компетенции.

В целом, подводя итоги, можно констатировать, что работа по подготовке и проведению студенческой научно-практической конференции является эффективным способом организации самостоятельной работы студентов и стимулом для их профессионального роста.

Литература

Бондаренко Т. Глаголи на говорене и ситуативните им синоними в българския и руския художествен текст // Тезисы студенческой научно-практической конференции «Славия: история, культура и язык» 24 мая 2018 г. М., 2018. С. 53–55.

Евстафьев Н. Динамика на повествованието в разказа на Елин Пелин «На оня свят» и в превода му на руски език // Тезисы студенческой научно-практической конференции «Славия: история, культура и язык» 24 мая 2018 г. М., 2018. С. 50–52.

Мутафчиев Р. Някои статистически наблюдения върху стила на българската мемоарна литература от последното десетилетие на миналия век // Славистичен сборник. София, 1963.

Пелин Е. На оня свят // Съчинения. София, 1972. Т.1.

Пелин Е. На том свете // Избранное. М., 1975. С. 89–95.

Флорин С. В словесните дебри. Практика на превода (с теория между редовете). София: Народна просвета, 1990.

Хомякова Н. П. Иноязычная коммуникативная компетентностная модель юристов, специализирующихся в области права международной торговли // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. №3. М. 2009. С. 173–184.

Янакиев М. Стилистика и езиковото обучение. София, 1977. С. 185–190.

И. И. Калиганов

Институт славяноведения РАН, Москва (Россия)

Н. С. ДЕРЖАВИН — РЕКТОР ПЕТРОГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: ДОМЫСЛЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

В статье рассматривается период ректорства (1922–1925) в Петроградском/Ленинградском университете Н. С. Державина — основоположника советской исторической и литературоведческой болгаристики. К сожалению, вокруг имени этого замечательного слависта со временем образовался целый шлейф из нелицеприятных оценок, в котором ярлык «неоднозначная фигура» является наиболее сдержанным. Автор показывает, что многие из раздающихся по адресу ученого и поныне упреков и обвинений возникли из-за отсутствия учета особенностей жизни советского общества в эпоху укреплявшегося тоталитаризма, некритического подхода к историческим источникам и просто по традиции.

Ключевые слова: *Н. С. Державин, реабилитация личности ученого и человека.*

Эпиграфом к данной работе об академике Н. С. Державине (1877–1953) может служить выражение «Кем, в сущности, быть и кем слыть — нередко очень разнящиеся по смыслу вещи». Дело в том, что вокруг имени этого основоположника советской исторической и литературоведческой болгаристики постепенно сформировался своеобразный шлейф из негативных оценок. В нем можно встретить характеристики типа «неоднозначная фигура», «карьерист», «сервилист», последовательный приверженец псевдонаучной теории происхождения языков академика Н. Я. Марра, гонитель известных профессоров в бытность ректором Петроградского университета, не пользовавшийся поддержкой коллег руководитель и т. д. Этот шлейф вокруг имени Н. С. Державина, как правило, используется авторами публикаций без вникания в особенности и факты тех времен, в которые жил, творил и руководил ученый. В одной краткой статье невозможно развернуть всестороннюю аргументацию для показа несостоятельности большинства подобных характеристик ученого — она будет последовательно приведена мной в серии готовящихся работ на

эту тему. Здесь же я рассматриваю сравнительно небольшой период административной деятельности Н. С. Державина: всего три года руководства им Петроградским/Ленинградским университетом в качестве ректора (1922–1925), которые некоторые авторы незаслуженно окрасили в черные тона.

Для лучшего понимания смысла и направленности действий Н. С. Державина в качестве ректора Петроградского университета необходимо хотя бы частично вспомнить об атмосфере тех лет. Для нее было характерно проведение массовых репрессий большевиков в городе в период Гражданской войны и после нее. Еще до вступления Н. С. Державина в ректорские полномочия большевистское правительство переместилось в Москву, что повлекло за собой смещение центра принятия основных государственных решений, которые, разумеется, касались и сферы образования. В Петрограде, как и во всей стране, царили разруха, холод, нищета и голод: впроголодь жили как студенты, так и преподаватели, включая и университетских профессоров. Новопришедший ректор Н. С. Державин приступил к своим обязанностям в тот период, когда большевистская власть в городе была убеждена в полном нежелании университета с ней сотрудничать. Когда в феврале 1918 г. чиновники Наркомпроса предложили университетскому руководству принять участие в работе по подготовке реформы высшего образования, то получили на это вежливый отказ [Кривоноженко 2011: 262]. Неудачным для них оказался и следующий «заход» при попытке в ноябре-декабре того же года провести «чистку» посредством переизбрания всех проработавших в университете более 10 и 15 лет профессоров и преподавателей. Ожидаемого результата оно не дало: переизбранными оказались все те же представители старой доброй профессуры: С. А. Жебелев, А. А. Шахматов, Е. В. Тарле, С. Ф. Платонов, В. М. Шимкевич, В. А. Стеклов и др. [Купайгородская 1984: 32, 49].

В арсенале у новой большевистской власти, провозглашавшей себя формой диктатуры пролетариата и действующей от его имени, в ответ на несогласие имелось только одно испытанное средство — репрессии. В годы гражданской войны в январе 1918 г. большевистские войска расстреляли в Петрограде 60-тысячную демонстрацию в поддержку Учредительного собрания России. Из-за роста недовольства большинства горожан и опасения немецкого наступления на Петроград большевистское правительство в ночь с 10 на 11 марта 1918 г.

тайно бежало в Москву. Правительственная «верхушка» вместе с семьями ехала в трех элитных эшелонах, маршруты и время отправления которых были строго засекречены, — три тысячи чиновников рангом пониже перемещались обычными поездами. Это бегство было своевременным, потому что в Петрограде усиливался дух сопротивления. 10 марта 1919 г. в городе забастовали 10000 рабочих Путиловского завода, требуя проведения свободных выборов в Советы и заводские комитеты и отмены запрета на ввоз из деревень свыше 24 кг продуктов на городскую семью. Прибывшие через два дня на завод В. И. Ленин и «хозяин» города, председатель Петроградского совета, член Политбюро партии большевиков Г. Е. Зиновьев были оштрафованы рабочими. В ответ 16 марта войска и отряды ЧК взяли завод штурмом, арестовали 900 забастовщиков и через несколько дней без суда и следствия расстреляли 200 из них в Шлиссельбургской крепости [Куртуа 1999: 106].

Это событие в известном смысле стало поворотным в деятельности большевистских карательных органов. По их распоряжению на заводах страны были созданы секретные отделы для осведомления ВЧК об идеологических настроениях в трудовых коллективах. «Красное колесо», давящее судьбы и жизни людей, набирало все большие обороты. Особенно начали свирепствовать чекисты после ликвидации заговорщиками 30 августа 1918 г. председателя Петроградского ЧК М. С. Урицкого и покушения в тот же день на В. И. Ленина на заводе Михельсона в Москве. На пленарном заседании Петроградского совета была принята резолюция, в которой клеймились убийцы Урицкого, в городе объявлялось военное положение и провозглашалось начало «красного террора» в ответ на террор белый. Только за сентябрь 1918 г. в Петрограде было расстреляно 800 человек [Ратьковский 2013: 67–69]. Вооруженные чекисты и красноармейцы врываются в дома и арестовывали «подозреваемых», полагаясь лишь на «классовое чутье». Нередко основанием для задержания служили признаки зажиточности в квартире или продуктовые карточки не «той» категории, т. е. отличавшиеся от выдаваемых властью рабочим и мелким служащим. Тюремь были забиты случайными людьми. В письме В. И. Ленину старый большевик М. С. Ольминский писал, что ЧК, особенно в Петрограде, совсем зарвалась: «расстреливали зря, кого попало, не тех, кого нужно, и слишком много» [Войтиков, Решетников 2020: 54].

Доверие к власти падало не только среди рабочих, но и в рядах революционных матросов Балтийского флота, призванных на службу из деревень. Невыполнение правительством обещания увеличить скудную норму выдачи продуктов по карточкам привело в июне 1919 г. к мятежу против советской власти на кронштадтском форте «Красная Горка» и батарее «Серая Лошадь». Положение осложнялось тем, что эти форты оказались тогда в прифронтовой полосе. К тому времени Северный добровольческий корпус белых оттеснил красных до линии Копорский залив — Гатчина, а в Финском заливе находилась 1-я эскадра легких крейсеров англичан. В Красной армии солдаты голодали, участились случаи дезертирства, измен командиров и перехода отдельных воинских частей на сторону противника. В числе последних были и три полка красноармейцев, прикрывавшие подступы к фортам «Красная горка» и «Серая лошадь». Их восставшие гарнизоны требовали отменить практику продразверстки (грабительского изъятия продуктов у крестьян, обрекавшего их семьи на голодную смерть) и мобилизацию крестьян на военную службу. Матросы арестовали находящихся среди них коммунистов и заперли их в бетонных казематах. В ответ власти подвергли жестокому обстрелу позиции восставших из орудий линкоров, крейсеров и эсминцев, вынудив их сдаться на условиях сохранения жизни. Однако это обещание не было выполнено: после сдачи мятежников «Красной Горки» многие из них были арестованы, допрошены, затем около 90 арестованных расстреляны чекистами [Елизаров 2009: 75].

Самым крупным выступлением против советской власти вблизи Петрограда было Кронштадтское восстание в марте 1921 г. В конце февраля недовольные политикой правительства в стране экипажи линкоров «Севастополь» и «Петропавловск» провели собрание, на котором были сформулированы политические требования к правительству большевиков. За ним 1 марта последовал митинг моряков на кронштадтской Якорной площади, на котором были выдвинуты политические лозунги и чуть позднее созданы «Временный революционный комитет» во главе с матросом С. М. Петриченко и штаб обороны. Выдвигаемые к власти главные требования включали в себя отмену продразверстки, пере выборы в советы, свободу слова и печати, ликвидацию политотделов в армии. Власть предрежащие однако не собирались вступать с восставшими в какие-либо переговоры. После отказа от безоговорочной капитуляции восставшие были объявлены

вне закона, и к ним было решено применить жесткую силу. 8 марта части 7-й армии во главе будущим маршалом М. Н. Тухачевским и многие делегаты открывшегося в тот же день X съезда ВКП(б) пошли на штурм, который оказался неудачным. Состоявшийся на восьмой день повторный штурм был более подготовлен. Численность атакующих возросла почти до 45 тыс. человек, что втрое превышало силы восставших. В ходе боев против них применили авиацию и собирались использовать химические боеприпасы («удушающие газы»), но этого не случилось из-за неподходящей погоды. В результате около 1000 восставших было убито, свыше двух тысяч было ранено или попали в плен с оружием в руках. Расправа над арестованными не заставила себя долго ждать: к высшей мере наказания были приговорены более двух тысяч ста человек, к различным срокам наказания — около 6,5 тысяч человек [Kotkin 2014: 391].

Подавление Кронштадтского мятежа давало органам ОГПУ отличный повод для перенесения огня на интеллектуальные штабы недовольных: университет и Академию наук как средоточий вольнодумства, инакомыслия и стремления к независимости суждений. Неприязнь большевиков к таким учреждениям и развязанные ими затем репрессии известный ученый-агрохимик, бывший проректор Петроградского университета Б. Н. Одинцов (1882–1967) позднее объяснял глупостью и испугом узурпаторов, боящихся «каждого независимого и честно высказанного мнения» [Высылка 2005: 74]. Одной из первых жертв петроградского ГПУ в университете в 1921 г. пал видный географ, профессор Петроградского университета В. Н. Таганцев (1889–1921). Чекисты обвинили его в руководстве вымышленной разветвленной «Петроградской боевой организацией» (ПБО), созданной с целью свержения советской власти. По «делу» этой организации в различных городах России в общей сложности было арестовано свыше 800 человек. Заговорщикам ставилась в вину связь с американской, английской, финской и французской разведками, содействие Кронштадтскому восстанию 1921 г. и подготовка террористических актов, типа поджога заводов и взрывов памятников коммунарам. Попытка заступничества за В. Н. Таганцева президента Академии наук А. П. Карпинского оказалась бесполезной: обвиняемый, его жена и более ста других членов мнимой антисоветской организации были расстреляны [Кривоноженко 2017: 142]. Среди них были такие известные личности, как поэт Н. С. Гумилев, профессор Петроградского

университета Н. И. Лазаревский и профессор Петроградского Технологического и Горного института М. М. Тихвинский [Измозик 2008: 140–148].

Руководивший расследованием дела ПБО Н. В. Таганцева секретарь В. И. Ленина, назначенный особоуполномоченным секретно-оперативного отдела ВЧК Я. С. Агранов объяснял жестокость при вынесении приговоров в отношении даже непричастных к этой организации людей следующим образом: «В 1921 г. 70% петроградской интеллигенции были одной ногой в стане врагов. Мы должны были эту ногу сжечь» [Черняев 1999: 391–395]. Сам он исполнял прямое указание В. И. Ленина, который сразу же после подавления Кронштадтского восстания издал для карательных органов не допускающую двойного толкования директиву: «Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся по этому поводу расстрелять, тем лучше» [Известия 1990: 192]. Позднее в мае 1922 г. Ленин предложил председателю ВЧК Ф. Э. Дзержинскому заменять смертную казнь врагам революции высылкой за границу. В соответствии с этими двумя указаниями органы ОГПУ начали массовое преследование петроградской и московской интеллигенции. Сфабрикованные против нее дела завершились высылкой многих известных ученых в сентябре–ноябре 1922 г. — акцией, получившей название «философский пароход»¹ [Макаров, Христофоров 2003: 113–114]. В общей сложности, по разным источникам, за границу было выслано от 228 до 272 человек. В числе их оказались известные ученые и преподаватели Петроградского университета А. А. Боголепов, Л. П. Карсавин, Н. О. Лосский, Б. Н. Одинцов, И. И. Лапшин и др.

Теперь следует вернуться к периоду ректорства Н. С. Державина в Петроградском университете. Утверждение его на эту должность не было случайностью: он обладал рядом качеств, которые неизбежно должны были превратить его в заметную фигуру в обществе независимо от характера государственного строя. Державин был человеком одаренным, работоспособным, контактным, дипломатичным, предрасположенным к восприятию нового и к организаторской работе. Уроженец небольшого болгарского села Преслав в Таврической губернии,

¹ На самом деле в этой акции были использованы два германских теплохода («Пруссия» и «Обербургомистр Хакен»), совершившие рейсы из Петрограда в Штеттин 29–30 сентября и 16–17 ноября 1922 г.

он окончил гимназию с золотой медалью; будучи студентом третьего курса Нежинского историко-филологического института в 1898 г. опубликовал свой первый научный труд. После института в учительские и аспирантские годы Державина Академия наук дважды отправляла его в научные командировки в Турцию, Болгарию и Бессарабию. Во время первой из них Русский археологический институт в Константинополе избрал Державина своим членом-корреспондентом. Свои организаторские таланты он проявил еще в Закавказье, где учительствовал несколько лет в Батуми и Тбилиси: возглавил Общество народных университетов и был избран членом правления Союза кавказских педагогов. Защита Державиным магистерской диссертации «Болгарские колонии в России» в 1916 г. открывала для него дальнейшие возможности для научного и административного роста. Через год после публикации указанного труда Державин был избран профессором Петроградского университета — крупнейшего тогда высшего учебного заведения страны.

Державин обладал тонким политическим чутьем и прекрасно понимал, в каком направлении начинают развиваться события в России после окончания Гражданской войны и утверждения власти большевиков. Он был неплохим дипломатом и осознавал, что искусство дипломатии состоит в достижении возможного. Предчувствуя жесточайшие удары по строптивому университетскому руководству со стороны формирующегося тоталитарно-репрессивного государственного аппарата, Державин принял предложение Наркомпроса стать ректором, решив сыграть роль буфера между двумя противоположными лагерями. Но здесь он глубоко просчитался. Удары сыпались с самых разных сторон: репрессии против профессорско-преподавательского состава, «чистки» студентов, директивы по «коммунизации» и пролетаризации университета, распоряжения по укрупнению и сокращению числа вузов и студентов, внедрение Наркомпросом нового типового университетского устава, отказы властей от повышения довольствия университетским профессорам и преподавателям из-за нехватки средств. В годы ректорства Державин старался держать руку на пульсе текущих политических событий и с этой целью постарался избраться в Губернский совет рабочих и солдатских депутатов и в Исполком Губернского комитета рабочих и солдатских депутатов. Одновременно он тщательно анализировал издававшиеся Наркомпросом и Главпрофобром постановления и в связи с ними публиковал статьи в городских газетах и журналах

«Петроградская правда», «Новая вечерняя газета», «Вечерняя красная газета», «Последние новости», «Красный студент» и «Звезда». Они были призваны сигнализировать общественности о полном соответствии происходящих в университете изменений линии ВКП(б): принято-услышано-исполнено. Но это происходило уже позднее, после печального для университета 1922 г.

Почти с самого начала своего ректорства Н. С. Державин столкнулся с активизацией действий ОГПУ в отношении Петроградского университета. В ректорские полномочия он вступил 15 мая 1922 г., а уже 16–18 августа того же года были произведены аресты университетских профессоров. Наиболее крупными фигурами среди них являлись А. А. Боголепов, Л. П. Карсавин, Н. О. Лосский, Б. Н. Одинцов и И. И. Лапшин¹. Они попали в список пассажиров грядущего «философского парохода», составившийся по распоряжению Ленина и Дзержинского после Кронштадтского восстания особоуполномоченным Я. С. Аграновым. У большинства из этих намеченных жертв не было ни малейшего шанса на изменение участи. Богослов А. А. Боголепов (1886–1980), например, был последним свободно избранным в 1921 г. проректором по науке Петроградского университета. Его подвели под репрессии социальное происхождение, дореволюционная биография и темы научных занятий: сын священника, выпускник Рязанской духовной семинарии, до революции 1917 г. — обер-секретарь Первого департамента Правительствующего Синода. Или, например, профессор Л. П. Карсавин (1882–1952) — религиозный философ, учававший религиозную жизнь в Италии в XII–XIII в. и бывший к тому же участником петроградского «Братства Св. Софии» и одним из учредителей «Вольной ассоциации философов». Этого было более чем достаточно для высылки из России обоих ученых, если учитывать патологическую ненависть большевиков к религии и упомянутую выше директиву Ленина о мере пресечения в отношении представителей «реакционного духовенства». Она, разумеется, касалась и его пособников, распространявших знания о религии, которую большевики называли «опиумом для народа».

По религиозной «статье» явно проходил в «органах» и религиозный философ Н. О. Лосский (1870–1965). В юношеские годы он

¹ После высылки их за границу они приобрели там широкую известность и основали ряд научных школ [Ростовцев 2003: 64–75; Макаров 2003: 117, 120–121].

выступал атеистом и проповедником социалистического учения, за что и пострадал: был исключен из гимназии без права на продолжение образования. Ему пришлось получать знания за границей, но постепенно положение выправилось. Возвратившись в Россию, он окончил физико-математический и историко-филологический факультеты Санкт-Петербургского университета, стал в нем приват-доцентом, а затем еще до революции 1917 г. и экстраординарным профессором. В зрелые годы Лосский вернулся к православию, вырос в крупного философа, превратился в одного из ведущих представителей направления интуитивизма, вошел в правление Санкт-Петербургского «Религиозно-философского общества». После 1917 г. он лишился университетской кафедры, а в 1921 г. вообще был уволен из университета за публичную защиту христианских догматов. Кроме тяжкого «греха» религиозности Лосского, в ОГПУ наверняка не забывали о былой принадлежности философа к партии кадетов и его работе в ее организациях. Большевики считали эту партию одним из главных политических оппонентов и, захватив власть, сразу же издали 28 ноября 1917 г. декрет СНК, объявлявший кадетов «врагами народа» и дававший санкцию на арест их партийных руководителей.

Случайной фигурой среди арестованных, на первый взгляд, мог показаться известный агрохимик профессор Б. Н. Одинцов. Но ОГПУ придерживалось другого мнения. Во-первых, не пролетарско-крестьянское, а дворянско-помещичье происхождение арестованного. Во-вторых, чекисты были осведомлены о политически «враждебной» позиции Одинцова — проректора по хозяйственной части Петроградского университета с 1921 г., выбранного на следующий год уже ректором. Однако Наркомпрос и Главпрофобр отказались утвердить этот выбор, поскольку Б. Н. Одинцов являлся членом Правления Объединенного Совета ученых учреждений и высших учебных заведений Петрограда [Купайгородская 2003: 180–190]. Эта организация активно противостояла мерам властей по ликвидации самостоятельности высшей школы и науки России. Она имела большой авторитет, и ее деятельность приобрела широкий размах: к концу 1921 г., помимо Петроградского университета и Академии наук, в нее входило 115 научных учреждений, 31 вуз и 22 ученых общества страны [Лобок 2012: 32]. Одной из ее задач являлась борьба за выживание ученых в то трудное время, и этой цели служила созданная по инициативе Максима Горького при содействии Правления Петроградская

Комиссия по улучшению быта ученых или сокращенно ПетроКУБУ. Используя этот факт, Наркомпрос и ВЦСПС попытались перевести Объединенный Совет в разряд профсоюзных организаций, и, когда их попытка провалилась, решили его прикрыть. Решение об этом было вынесено 22 марта 1922 г., но и после утраты своего юридического статуса Объединенный Совет продолжал действовать [Лобок 2012: 37]. Главпрофобр, естественно, не нужен был ректор, противящийся правительственным реформам высшей школы. Поэтому кандидатура Б. Н. Одинцова на должность ректора была отклонена, в середине августа 1922 г. его арестовало ГПУ и через три месяца выслало на «философском пароходе» в Германию.

Среди упомянутых шести репрессированных ученых Петроградского университета наиболее несправедливо пострадавшим выглядит философ, публицист, педагог и переводчик И. И. Лапшин (1870–1952). Он был блистательным ученым: защищенная им в 1907 г. магистерская диссертация «Законы мышления и формы познания» была оценена как диссертация докторская. С социальным происхождением у него все было относительно в порядке: отец — ученый-востоковед, мать — певица и пианистка. Можно было поставить ему в вину увлечение в молодости «неокантианством», но он потом от него отошел. Главпрофобр считал профессора И. И. Лапшина и его коллег по профессии не представляющими ценности для воспитания специалистов, которые могут принести пользу молодому советскому государству. Поэтому при изменении структуры Петроградского университета в 1921 г. и создании вместо нескольких факультетов одного факультета общественных наук (ФОН) философское отделение было почти полностью уничтожено, и Лапшин лишился своего основного места работы. На следующий год в августе месяце он был арестован агентами ГПУ и приговорен к высылке за границу. Но даже на борту «философского парохода» при расставании с Россией в ноябре 1922 г. он никак не мог понять, за что его высылают в Германию с уведомлением о грозящем расстреле в случае попытки возвращения на родину. Допрашивавший его следователь 1-го отделения ПГО ГПУ А. Козловский обосновывал меру наказания в отношении И. И. Лапшина некими агентурными сведениями о его враждебной антисоветской деятельности. Все это показывает, что «дело» против подследственного было «шито белыми нитками» [Барсова 2006: 91].

Новоиспеченный ректор Н. С. Державин понимал, что вырвать из лап ОГПУ всех арестованных университетских профессоров по-

средством ходатайств было невозможно. Пакет его писем в их защиту, скорее всего, мог привести к аресту его самого. Поэтому он сосредоточил свои усилия на одной лишь фигуре, компромат против которой вызывал у всех сомнение — на Лапшине. 30 октября 1922 г. Державин отправил письмо Председателю петроградского ОГПУ С. А. Мессингу с ходатайством об отмене высылки И. И. Лапшина из Петрограда. Пытался отстоять этого ученого и нарком Просвещения А. В. Луначарский, направив соответствующее ходатайство в президиум ГПУ [Высылка 2005: 263–264, №№ 92, 93]. Однако усилия их обоих оказались тщетными: Лапшин в итоге все-таки оказался пассажиром «философского парохода».

Но случались и редкие благополучные исходы подобной борьбы, примером которых может служить успех научной общественности, сумевшей предотвратить высылку из Петрограда арабиста мирового уровня, академика И. Ю. Крачковского (1883–1951). Державин направил в этой связи два ходатайства, одно 27 октября 1922 г. все тому же С. А. Мессингу, а другое спустя чуть более месяца — в Особую Комиссию при ВЦИК. В них он просил принять во внимание уникальность Крачковского как ученого и ведущееся им строительство школы советской арабистики [Просим освободить 1998: 77–78, 80–81; №№ 46 и 48]. Ходатайства Н. С. Державина едва ли возымели бы действие, если бы к вопросу о судьбе Крачковского не подключились академики из руководства Академии наук. Письма в защиту ученого отправили ее президент А. П. Карпинский, вице-президент В. А. Стеклов и непреременный секретарь С. Ф. Ольденбург. Они были адресованы в Особую комиссию при ВЦИК и лично ее секретарю А. С. Енукидзе [Просим освободить 1998: 75–83; №№ 45, 47, 49]. В результате 6 июля 1923 г. решение о высылке И. Ю. Крачковского из Петрограда было отменено, и он продолжил свою работу в родном университете. Дальнейшая его судьба сложилась вполне благополучно: он был избран вице-президентом Географического общества СССР и стал членом многих зарубежных академий и обществ.

Вслед за репрессиями профессоров университета наступил черед его студентов. Огромная их часть поддержала лозунги Кронштадтского восстания, выражало недоверие Советской власти, осуждало узурпацию власти большевиками, требовало перевыборов в Советы тайным голосованием, настаивало на освобождении политических заключенных, расширении гражданских и политических свобод

и сохранении права вузов на самоуправление. Желая обуздать размах студенческих политических демонстраций, Главпрофобр в конце июня 1922 г. издал жесткое постановление «О студенческих обществах и собраниях». В соответствии с ним, студенческие общества после утверждения их Правлением вуза должны были зарегистрироваться в НКВД и каждый раз за сутки уведомлять Правление о цели, месте и времени проведения собрания, получить на это разрешение, протоколировать ход заседания и заверять протокол подписями [Стецура 1995: 45]. Кроме того, большевистское правительство под предлогом чрезмерно увеличившегося количества вузов и численности студентов приняло решения об их сокращении посредством перерегистрации. Проблема «чрезмерности» действительно существовала, потому что после декрета СНК «О правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР» от 2 августа 1918 г. записаться в студенты любого вуза мог каждый, достигший 16-летнего возраста гражданин РСФСР, даже без предъявления документов о среднем образовании. Это привело к резкому скачку числа студентов в стране, для которых не хватало ни помещений, ни преподавателей, ни стипендий. В Петроградском университете, в частности, число студентов с 7,5 тысяч в 1919 г. возросло за три года до 12 тысяч [Купайгородская 1984: 94]. Нарком Просвещения А. В. Луначарский называл сложившуюся ситуацию результатом преступления чиновников.

Но на самом деле «чрезмерность» была для большевистского правительства лишь прикрытием для решения более важной для него проблемы пролетаризации высшей школы. Основной костяк студенчества составляли в то время дети дворян, почетных граждан и купцов, интеллигенции, служащих и духовенства. Большевики не намеревались возвращать за свой счет враждебно относящуюся к Советской власти классово чуждую для себя элиту. Свою главную задачу они видели в создании многочисленной прослойки специалистов из рабоче-крестьянской среды, которая служила бы им верной опорой и давала бы им возможность контролировать работу специалистов буржуазных. За период ректорства Н. С. Державина в руководимом им университете прошли две «чистки» студентов: в 1922 и 1924 гг. Распоряжение о первой из них поступило из Петроградского Губкома РКП(б) через несколько дней после вступления Державина в ректорские полномочия. Вторая «чистка» последовала через два года, но в обоих случаях первоначальные постановления о чистках принимались

Главпрофобр. Правда, и партия тоже не могла не проявить своей инициативы в деле такой государственной важности. ЦК РКП(б), например, составлял директивы (разверстки) и определял нормы отчисляемых студентов. Во время чистки 1924 г. подобная норма без учета рабфаковцев составляла по стране 30 тысяч человек. Наряду с этим Главпрофобр параллельно создавал разрядки по приему в вузы определенного процента студентов пролетарского или крестьянского происхождения. В 1925 г., например, на рабфаки принимали без испытаний, а из оставшихся свободных мест — 70% забрали кандидатуры ЦК РКП(б), ВЦСПС, ЦК РЛКСМ, а 15% отвели представителям трудового крестьянства и инвалидам РККА [Рожков 2014: 202].

«Чистки» студентов проходили по заранее принятой схеме проверочными комиссиями, состав которых строго регламентировался. Председателя назначал Главпрофобр или уполномоченный Наркомпроса по региону. В состав входило по одному человеку от Губкома РКП(б) и Губкома РКСМ, Губпрофсовета, местной профсоюзной организации и Правления вуза. Первоначально «чистки» проходили при закрытых дверях, а затем в присутствии всех желающих поучаствовать в их процедурах нередко для сведения «классовых» счетов с проверяемыми. Вопрос успеваемости не играл при «чистке» особой роли — главным критерием служило классовое происхождение потенциальной жертвы. От проверяемых требовали рекомендации 3-х членов ВКП(б) либо направлений от предприятий, учреждений или сельсоветов. Если отчисляемый студент объявлял о своем намерении обжаловать решение комиссии, то его предупреждали, что способов изгнания студентов из университета существует много и он все равно ничего не добьется. Немало студентов воспринимали свое прощание с университетом как глубокую личную трагедию и совершали одиночный или даже групповой суицид. Главная подлость была в том, что фамилии «вычищенных» студентов включали в «черные списки», которые рассылались по вузам страны и лишали их права продолжить образование в другом месте.

В отношении двух указанных «чисток» студентов в Ленинградском университете точные архивные данные о количестве «вычищенных» опубликованы пока только о 1924 г. Они показывают, что самый большой процент отчисленных студентов среди проверяемых, разбитых на группы по классовому происхождению, пришелся на детей дворян (52,1%). Второе и третье места заняли дети служащих и

интеллигенции: соответственно 28,6% и 25,4%. Меньше всего ожидается процент «вычищенных» студентов из рабочих — только 5,7%. Скорее всего, среди проверяемых студентов с рабочими корнями отчислены были лишь те, кто вообще не посещал занятия или появлялся в стенах университета только эпизодически. Приводимые далее А. Ю. Рожковым сведения наводят на определенные размышления. В них поражает сравнительно небольшое количество «вычищенных» в Ленинградском университете по результатам контрольной комиссии, приведенным райкомом партии. После проверки 4734 студентов решение об отчислении было вынесено в отношении всего 451 из них. Огромная недостача по сравнению с необходимым числом «вычищенных» по разнарядке (2000 человек) покрывается данными университетской партийной ячейки и ее невнятным заверением о том, что «ранее в этом же году» было отчислено еще 1204 студента [Рожков 2014: 231–232]. Если такое отчисление действительно имело место, то наиболее важным здесь является уточнение, в какие сроки оно происходило. При выходе за временные рамки функционирования университетской проверочной комиссии не исключено было, что студентов могли и не включать в упомянутые «черные списки» и, следовательно, не лишать их права на получение высшего образования в дальнейшем. У них тогда появлялся шанс восстановиться в родном университете или быть зачисленными на соответствующий курс какого-либо другого вуза. Возможно, некоторую ясность внесет здесь знакомство с соответствующими документами по истории Петроградского университета [Материалы 1999].

Одновременно с «чистками» в стране происходило сокращение количества вузов посредством их объединения или ликвидации. Проект сокращения вузов подготовила комиссия Главпрофобра, которую возглавлял коммунист В. П. Волгин — ректор МГУ в 1922–1925 гг. и один из главных конструкторов высшей школы советского типа [Гладышев 2006: 138; Лагно 2010]. Наиболее радикально настроенные чиновники Наркомпроса считали, что стране вполне достаточно МГУ, Петроградского Политехнического института, Петрово-Разумовской Сельскохозяйственной академии и рабфака при МГУ. Затем число необходимых вузов в умах чиновников возросло до трех десятков, но, поразмыслив, они осознали, что и в этом случае государство просто не сможет существовать. Однако сама идея сокращения начала реализовываться, хотя и не в первоначально радикальном варианте.

Общее количество российских вузов к середине 20-х годов заметно уменьшилось. Часть из них исчезла в результате объединения, превратившись из самостоятельных институтов в факультеты. А количество студентов в стране уменьшилось на 67 тысяч человек [Рожков 2014: 224]. Что касается Петроградского/Ленинградского университета, то к нему в 1921–1925 гг. было присоединено 6 вузов [Купайгородская 1984: 109]. А общее число студентов в городе сократилось на 8 тысяч человек. Постараемся запомнить эту цифру.

Одной из «головных болей» ректора Н. С. Державина было бедственное материальное положение университетских профессоров и преподавателей. Даже в столичном МГУ профессора в 1922 г. были доведены до полуголодного состояния, получая всего 10% от довоенного оклада [Лагно 2012: 106]. Все это привело к подготовке первой в истории страны Советов забастовке университетских профессоров и преподавателей [Финкель 2003: 179–180]. Правительство в итоге было вынуждено вступить со «смутьянами» в переговоры, и зарплаты им были резко повышены. Но через полгода организаторов протеста арестовали и заключили в тюрьму на Лубянке [Лагно 2012: 107]. Протест такого рода большевики расценивали как один их самых крамольных. Особоуполномоченный ГПУ Я. С. Агранов в секретном письме главе ВЧК Ф. Э. Дзержинскому писал, что подобные выступления являются наиболее опасными проявлениями контрреволюции в образовательной и академической среде. Аналогичным образом рассматривалось им и стремление ее представителей к административной автономии [Купайгородская 2003: 200]. Поэтому привлечение ректором Н. С. Державиным общественного внимания к проблемам материального обеспечения профессоров и преподавателей российских университетов едва ли могло вызвать одобрение в Наркомпросе и Главпрофобре.

Наиболее остро эту проблему Державин обозначил в своей статье, опубликованной в журнале «Звезда» в 1924 г [Державин 1924: 204–212]. Он сталкивался с ней лично, работая в основанной Максимом Горьким в 1920 г. Петроградской Комиссии по улучшению быта ученых (ПетроКУБУ). Увеличение зарплат работникам высшей школы Советским правительством не могло угнаться за галопирующей инфляцией. На ее фоне труд профессоров, преподавателей и технического звена вузов непрерывно обесценивался. Напоминая о заботе Советской власти по отношению к ученому сословию и помощи ему ПетроКУБУ в годы Гражданской войны, которые спасли это сословие

от голодной смерти, Державин выражал надежду на увеличение разнообразной государственной помощи высшей школе и по завершении военного времени. Она, по его словам, могла бы распространиться на создание новых академических печатных органов, премирование ученых за новые научные труды, материальное поощрение участников диссертационных диспутов и т. д. Одновременно он отмечал сложившееся тяжелое положение в высшей школе тех лет. Твердого бюджета у нее нет, большинство учебных зданий давно не ремонтировалось, не отапливается и медленно разрушается. Учебные планы пришлось сокращать, вместе с ними и часы, отводимые на многие учебные дисциплины, и это при том, что зарплата преподавателей даже при полной нагрузке так и не достигла довоенного уровня. Державин указывал, что в августе 1923 г. профессор получал в среднем в переводе на золото 15–17 руб., а младший технический персонал лишь по 10 руб. — суммы, явно недостаточные для нормальной жизни. Этот вопрос Державину представлялся самым животрепещущим, ибо «...для того, чтобы высшая школа могла много работать с необходимой продуктивностью, необходимо в первую очередь повысить оплату труда ее работников» [Державин 1924: 209]¹.

Став ректором Петроградского университета, Н. С. Державин фактически вменил себе в обязанность ввести в нем разработанный большевиками новый университетский устав. Его создали чиновники Главпрофобра, обсудили в конце июня — начале июля 1921 г. на Всероссийской конференции вузов и в сентябре того же года закрепили подписанным В. И. Лениным декретом СНК «Положение о высших учебных заведениях РСФСР». Позднее это положение с подачи Наркомпроса сделалось еще более жестким. Согласно новому уставу, работа университета направлялась его Правлением из 3–5 человек, назначаемых Главпрофобром из числа кандидатов, представленных коллективом вуза, включая студентов, а также профсоюзной организацией, Губисполкомом и Губкомнаробразом. При этом право назна-

¹ ПетроКУБУ и ее региональные отделения в тот период решила подчинить себе Москва, создав в конце 1921 г. ЦеКУБУ при СНК РСФСР и потребовав вхождения их в нее в качестве Секции научных работников, уподобившись неким профсоюзным подразделениям. Но ПетроКУБУ и ее ответственный секретарь Н. С. Державин предпочитали «не замечать» циркуляры из Москвы, и даже позднее, после своего формального вхождения в ЦеКУБУ, она упорно продолжала свою деятельность по 1925 г. включительно [Организации 1968: 356; № 282]. Призыв Н. С. Державина поднять зарплаты работникам высшей школы ничего, кроме раздражения, в ЦеКУБУ вызвать не мог: «не его ума это дело».

чать ректора из состава Правления предоставлялось Наркомпросу и Главпрофобру. Профессоров должен был назначать ГУС — Государственный ученый совет при Наркомпросе, а преподавателей — Правления вузов [Купайгородская 1984: 98–100]. Против введения такого типового устава и начали протестовать члены Объединенного совета профессоров в Петроградском университете. Они выступили против ликвидации самостоятельности вузов при проведении выборов и справедливо полагали, что подобная бюрократизация приведет к полному омертвлению вузовской жизни. Решивший начать игру в поддавки с новой властью профессор Н. С. Державин, очевидно, намеревался прибегнуть к своему дипломатическому искусству и быстро уладить назревавший между нею и Правлением университета конфликт. Но он глубоко просчитался — новая власть действовала быстро, бескомпромиссно и жестко. Последовал «философский пароход», а затем и другие репрессии. Сам Н. С. Державин был назначен ректором благодаря новому уставу, но благодаря ему же он не был переизбран на новый срок после того, как власть использовала его в качестве «прокладки».

Прекрасно понимая, что высылка ряда виднейших профессоров университета из Петрограда на «философском пароходе» или на поездах за границу не может ослабить степень недовольства старой профессуры от узурпации властью прежних университетских свобод, Н. С. Державин пытался создать ей противовес для достижения баланса в идеологическом плане. Такой противовес в университете составляла одно время группа «красной профессуры», созданная в апреле 1921 г. партийцами со стажем М. К. Лемке и М. А. Рейснером [Купайгородская 1984: 108–109]. Но она была сравнительно небольшой и быстро дискредитировала себя в глазах университетской общественности крайне недостойными поступками. Вскрылось, что ее вожак М. К. Лемке, специалист по общественным движениям в Европе, прекрасный оратор и не менее талантливый демагог, является провокатором. Под псевдонимом «Чужой» он публиковал в петроградской и центральной прессе омерзительные статьи об университете, в котором работал. В них писалось, что университетские профессора представляют собой «ловкую и наглую касту, сосредоточенную исключительно на добывании пайков, занимающуюся под видом научных исследований пустяками и мелочами», создавая никому не нужные «комариные» диссертации. «Чужой» призывал к грабежу роскошных профессорских квартир, а студентов поголовно считал «лодырями»

и «шкурниками» [Купайгородская 2003: 194]. Группа «красной профессуры» была изолирована от окружающего ее большинства, в ней постоянно возникали внутренние споры, а после омерзительных публикаций М. К. Лемке она вообще утратила остатки своего довольно-таки скромного авторитета. Все это привело к закономерному результату: деятельность группы заглохла, и она прекратила свое существование.

Профессор Н. С. Державин входил в группу «красной профессуры» и поэтому видел ее недостатки изнутри: отталкивающие преподавателей вузов жесткие идеологические принципы, отсутствие внутреннего единства, неспособность идти на компромиссы. Это наводило его на мысль о необходимости создания новой общественной организации с более широкой и приемлемой для вузовских преподавателей идеологической платформой. 1 июля 1922 г., уже будучи ректором, Н. С. Державин с одобрения Петроградского Губкома РКП(б) создал группу «левой профессуры» и разработал ее устав [Шилов 1967: 35–36; Купайгородская 1984: 111]. Благодаря умеренности своих политических позиций она привлекла к себе многих университетских преподавателей с разных факультетов и охватила другие вузы. Ее ячейки имелись в Институте дошкольного образования, Педагогическом, Агрономическом, Медицинском институтах, Институте гражданских инженеров, Морской академии и Академии художеств. Среди ее членов было много известных художников, физиков, математиков и представителей других специальностей. Главной формой работы группы «левой профессуры» являлись выступления на организованных ею митингах и собраниях с целью разъяснения проводимых Советской властью реформ высшей школы. Она организовала также издание журнала «Красный студент», который начал выходить с 1923 г. К марту того же года на седьмой месяц своего существования группа насчитывала уже около 150 человек, из которых более $\frac{2}{3}$ являлись беспартийными. Деятельность группы направлял Петроградский Губком, вскоре посчитавший ее функцию выполненной. 17 августа 1923 г. он решил, что центр тяжести работы с интеллигенцией должен быть перенесен в секцию научных работников при Союзе работников Просвещения. Это решение означало фактическое упразднение группы «левой профессуры» как таковой.

Беспартийный Н. С. Державин подавал пример университетским преподавателям и своим вступлением в Научное общество марксистов.

Оно было организовано 27 декабря 1919 г. бывшими студентами Петроградского университета социал-демократами Котиком и Щупаком вместе с проф. С. В. Вознесенским и просуществовало до 1 января 1931 г. [Гаврилова 2014: 246–249; Клушин 1968: 125–137]. Ядром его актива стала группа рабфаковских профессоров, в которую, помимо С. В. Вознесенского, входили Е. А. Энгель, М. А. Сильвин, С. А. Оранский и Н. А. Рожков. Позднее в Научное общество марксистов вступили университетские профессора других факультетов, и сформировался его Президиум. Секретарем его был избран старый большевик и общественный деятель, в 1918 г. заведовавший Отделом высших учебных заведений и научных учреждений Нармпроса И. В. Егоров, а бесменным председателем — проф. М. В. Серебряков. Общество ставило своей задачей распространение знаний о марксизме, и это не могло не вызвать одобрения властей. Наркомпрос позаботился о выделении помещения для канцелярии и библиотеки общества и утвердил смету его расходов. Вначале помещение было выделено на Большой Садовой улице, а затем при ректоре Н. С. Державине общество сменило регистрационный адрес и обосновалось в доме № 11 на Университетской набережной в квартире высланного за границу проф. Л. П. Карсавина. Последнее было глубоко символично: новая власть вытолкнула из России философа-идеалиста, и там, где все еще продолжал витать его дух, — теперь звучали только речи марксистов-материалистов. Но в самой квартире собрания проводились редко из-за сравнительно небольших ее площадей. Ведь актив участников общества со временем достиг 1000 человек. Поэтому собрания, доклады и лекции проводились сначала в Аничковом дворце, а затем в актовом зале университета или при небольшом стечении народа в его аудиториях. Сам Державин, несмотря на занятость, иногда выступал в качестве докладчика. Одно из его выступлений было посвящено использованию социологических методов исследования в литературоведении.

Н. С. Державин явно обладал внушающей респект харизмой и человеческой притягательностью. Это доказывают быстрота, с которой он сумел вовлечь коллег в группу «левой профессуры» и факт завоевания им симпатии университетских студентов. Они поддерживали своего ректора в подавляющем большинстве. О человеческих качествах Державина недвусмысленно высказался уже упоминавшийся старый большевик И. В. Егоров, когда тот предложил выдвинуть в академики историка русской литературы XVIII века В. В. Сиповского.

Со стороны Державина это было весьма неосторожно, потому что при Деникине данный его коллега являлся попечителем Кавказского учебного округа. Комментируя опрометчивый державинский поступок, И. В. Егоров заключил, что ученый совершил его «по мягкости характера и доброте душевной» [Гаврилова 2014: 244–245].

16 мая 1925 г. истекал срок ректорского мандата Н. С. Державина. Альтернативной кандидатурой на место ректора Ленинградского университета академик А. Е. Ферсман и его окружение выдвинули профессора К. Н. Дерюгина [Фокин 2005]. При освещении тогдашних ректорских перевыборов исследователи обычно скороговоркой сообщают, что оба кандидата набрали одинаковое количество голосов, и комиссия во главе с Мининым «решила вопрос не в пользу Державина» [Аксенова 1990: 74]¹. Или утверждается, что Державин «выборы ректора проиграл» [Гусев 2019: 79]. Подобная картина тех далеких событий выглядит крайне смазанной из-за отсутствия в ней многих важных деталей, которые раскрывают истинное положение вещей. На ее основании логично напрашивается вывод, что ректором стал Дерюгин, а это в корне неверно. Вообще-то выборов, собственно, не было, а произошло назначение. Постараюсь прояснить картину случившегося. Незадолго до выборов ректора к Ленинградскому университету были присоединены два института: Географический во главе с академиком Ферсманом и Химико-Фармацевтический во главе с профессором А. С. Гинзбергом. В связи с этим для решения возникавших при присоединении сложных задач Главпрофобр создал Организационную комиссию (ОК). Ее председателем был назначен уполномоченный Наркомпроса по вузам и рабфакам г. Ленинграда тов. С. К. Минин — военный и партийный деятель, плохо разбиравшийся в университетских делах. В состав ОК вошли заместитель Минина проф. В. Б. Томашевский, а в качестве членов — А. Е. Ферсман, А. С. Гинзберг, А. П. Афанасьев, Н. С. Державин и В. Н. Никитин. Главная цель Главпрофобра при формировании ОК на самом деле была иной: она состояла в «правильной» расстановке кадров в университете [Петров 2015: 83].

Расклад противоборствующих сил был следующим. Державин не испытывал особого желания продолжать свою ректорскую деятель-

¹ Эти сведения Е. П. Аксенова почерпнула из писанного рукой Н. С. Державина документа (см. ниже. — *И. К.*), но считать их исторически достоверными можно будет лишь после сверки с протоколами счетной комиссии по выборам ректора Ленинградского университета в 1925 г.

ность. Он намеревался снять свою кандидатуру на выборах и согласился ее оставить лишь благодаря уговорам профессора В. А. Зеленко. Конкурентом Державина, как уже говорилось, являлся профессор-гидролог К. Н. Дерюгин, ученик бывшего ректора Петроградского университета, академика В. М. Шимкевича (1858–1923). Последнего называли «полководцем за автономию» [Петров 2013: 110], и разделявшего его взгляды Дерюгина чиновники Главпрофобра вряд ли утвердили бы в должности ректора. Ко всему прочему, Дерюгин имел дворянское происхождение и высказывал симпатии в отношении партии кадетов. Неожиданно для всех о своем желании стать ректором заявил профессор В. Б. Томашевский. Однако ко всеобщему изумлению Главпрофобр вдруг отрицательно отнесся к выдвижению этой кандидатуры, хотя она, казалось бы, наиболее подходила ему в идеологическом плане. Но это были лишь игры чиновников Наркомпроса и Главпрофобра, желавших во время выборов ректора более тщательно идеологически «прощупать» университетскую профессуру и студенчество, выявив степень их готовности к сопротивлению. В целом выборы надолго затянулись. С. К. Минин тяжело заболел, члены ОК, за исключением Н. С. Державина, относились к работе в ней спустя рукава. Сроки и даты выборов высокие правительственные чиновники неоднократно отменяли и переназначали, заигрывая при этом с «правой», т. е. придерживающейся принципа университетской автономности, профессурой.

К. Н. Дерюгин не набрал на выборах необходимого количества голосов (9 — за, 10 — против, 2 — воздержались) и получил отрицательный отзыв «левой профессуры», которая посчитала, что такой ректор не будет в состоянии нормально контактировать со студентами и большинством своих коллег. Но не переизбрали ректором и Н. С. Державина, который для Главпрофобра, очевидно, не был полностью «своим». Во-первых, он почему-то не вступал в партию большевиков¹. А во-вторых, с точки зрения правительственных управленцев, он часто совершал неверные поступки. То без ведома чиновников ЦеКУБУ затронет в печати жгучую тему о недопустимо низких зарплатах профессоров и преподавателей. Или, например,

¹ В коммунистическую партию Н. С. Державин вступил только в 1945 г., хотя в его архиве сохранилось заявление с просьбой о вступлении в ее ряды еще в 1940 г. Возможно, это заявление играло роль принадлежности загодя собранного «арестантского чемоданчика» [см. далее — *И. К.*].

предложит для баллотирования в академики кандидатуру В. В. Сиповского — литературоведа и писателя, который не смог подняться до понимания марксизма и овладеть методом диалектического материализма, запутавшись в идеях Каутского, Бергсона, Эльстера и прочих «чуждых» философов. Вероятно, не остались тайной для Главпрофобра и «лукавые» цифры о числе исключенных из университета студентов во время «чистки» 1924 г.¹ Период безвластия в университете продолжался более года до 19 июня 1926 г., пока, наконец, Главпрофобр не назначил ректором Ленинградского университета профессора В. Б. Томашевского. Он подходил властям по всем статьям: являлся членом ВКП(б), участником Гражданской войны на стороне красных (был комиссаром Волжско-Каспийской флотилии) и зарекомендовал себя способным организатором. Для Наркомпроса Томашевский был «своим» человеком. С осени 1924 г. он стал его уполномоченным по делам научных, научно-художественных и музейных учреждений [Петров 2013: 110–111]. Назначение его на должность ректора было очередным шагом винта большевистской гарроты, которая все больше пресекала возможности для последних глотков университетской свободы. Сочувствующего большевикам «попутчика» революции, беспартийного ректора Н. С. Державина сменил на посту В. Б. Томашевский — первый ректор с партийным билетом в нагрудном кармане. С ним было гораздо удобнее двигаться дальше по пути к большевизации и пролетаризации профессуры и студенчества Ленинградского университета.

Неверное представление о Н. С. Державине как ректоре и человеке сформировалось во многом в результате пересказа и субъективной трактовки Е. П. Аксеновой двух документов, обнаруженных ею в архиве ученого. Первый из них представляет собой неотправленное письмо Державина И. В. Сталину от 23 октября 1935 г. с рассказом

¹ Еще в феврале 1923 г. Ф. Э. Дзержинский отдал распоряжение зам. Председателя И. С. Уншлихту создать СО ГПУ для слежки за интеллигенцией и составления досье на каждого из ее представителей. Вначале этим ведало возглавляемое В. Я. Шешкен 14-е отделение, которое обладало очень широкими масштабами надзора: литература, печать, театр, общества, съезды, высшие и средние учебные заведения. В него входило также «казенное осведомление», т. е. штатные «стукачи». С января 1924 г. функции 14-го отделения были переданы 7-му отделению во главе с А. С. Словатинским [Лубянка 2003: 32, 36]. Так что Н. С. Державин находилась «под колпаком» бдительных «органов», и о его стремлении усидеть на двух стульях одновременно чекистам было прекрасно известно благодаря университетским осведомителям.

о печальной участи отечественной славистики. Второй документ с датой 3 сентября 1936 г., подобно первому, принадлежит руке самого Державина и был озаглавлен им как «Работа академика Н. С. Державина за годы Октября» [Аксенова 1990: 71–72]. Принципиальным здесь является вопрос о мотиве составления Державиным этих документов, которые так и не были использованы им в дальнейшем. По моему мнению, чуткий к политическим веяниям Н. С. Державин создал их накануне Большого Террора 1937–1939 гг. с целью подстраховки. Они служили для него своеобразной принадлежностью «арестантского чемоданчика» с вещами первой необходимости: мыло, зубная щетка, зубной порошок, теплые носки, смена белья и пр. Такие чемоданчики заранее собирали тогда многие люди, со страхом ожидавшие урчания мотора «маруськи» у подъезда своего дома между 3-мя и 5-тью часами ночи и появления у них дома чекистов с ордером на арест и обыск. Державин, очевидно, просчитал, что в случае обыска его квартиры работники НКВД неизбежно натолкнутся на упомянутые документы и ознакомятся с их содержанием. Обрисовавший в них самого себя Державин — марксист с младых лет, герой борьбы за пролетаризацию высшей школы, разоблачитель «врагов народа» и корреспондент Сталина — по его мнению, должен был заслуживать снисхождения «органов».

Преувеличение Н. С. Державиным своей роли по внедрению советских «стандартов» в систему образования Е. П. Аксенова ошибочно расценила как свидетельство о его тщеславии. Многие сознательно присочиненные ученым сведения биографического характера она приняла за реальные исторические факты¹. К сожалению, ее неверное восприятие Н. С. Державина как администратора и человека начало переноситься в работы и других исследователей. В них можно встретить утверждения о том, что Державин был «неоднозначной фигурой», «тщеславным карьеристом», ректором, который осуществил «чистку» университета от «буржуазного элемента»: уволил или высылал за границу многих преподавателей и отчислил половину из 12 тыс. сту-

¹ Но вины исследовательницы в этом нет, поскольку множество необходимых для верных выводов исторических источников во время написания ею цитируемой мной статьи еще опубликованы не были. Хотя, правда, уже тогда было установить, например, что Карсавина и Лапшина Державин не увольнял, и изгнать из университета «сначала шесть тысяч студентов, а затем еще две тысячи» он не мог. Столько студентов было «вычищено» в 1922–1924 гг. во всем Петрограде/ Ленинграде.

дентов [Гусев 2019: 76, 82]. Все это, как было показано мной, не соответствовало исторической действительности. Н. С. Державин лишь следовал поступавшим из Наркомпроса, Главпрофобра и ГУСа распоряжениям, а к увольнению известных ученых из университета и высылке их за границу непосредственного отношения не имел. Его действия в то время мало чем отличались от действий тогдашних ректоров других российских университетов, например МГУ, но об этом помалкивают. На фоне подобного умолчания ректор Н. С. Державин предстает каким-то разбушевавшимся петроградско-ленинградским Бармалеем, который в одиночку сокрушал дореволюционную высшую школу России.

На мой взгляд, назрела и необходимость устранения недооценки значения научных трудов Н. С. Державина в становлении советской исторической и литературоведческой болгаристики. Следует более тщательно проанализировать обстоятельства создания и закрытия возглавляемого Н. С. Державиным Института славяноведения АН в Ленинграде (1931–1934) и его возрождения в Москве в 1947 г. В принятии во внимание нуждаются и многие другие факты, связанные с его жизнью и административной деятельностью. Моя предварительная проверка подобных материалов позволила прийти к итоговому выводу о том, что Н. С. Державина превратили в мальчика для битья, назначив стрелочником, ответственным за все грехи формировавшейся советской тоталитарной системы образования и науки. И сделано это было ради увода в тень гораздо более крупных административных фигур, которые ломали через колено дореволюционную систему образования и науки и жестко урезали возможности принятия независимых решений в отечественных университетах и Академии наук.

Литература

Аксенова Е. П. «Изгнанное из стен Академии» (Н. С. Державин и академическое славяноведение в 30-е годы) // Советское славяноведение. М., 1990. № 5. С. 69–81.

Барсова Л. Г. Жизненный путь И. И. Лапшина // Неизданный Иван Лапшин. СПб.: СПбГАТИ, 2006. С. 10–95.

Войтиков С. С., Решетников И. С. Массовый Красный террор осенью 1918 г.: взгляд старых большевиков // Russian Colonial Studies. St. Petersburg: Экспедиционный волонтерский корпус. 2020. № 6. С. 52–64. [Электронный ресурс]. <https://www.expcorps.net/arhiv?fbclid=IwAR1LgqrYJhMmO>.

Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ. 1921–1923 г. / Центр. Архив ФСБ России. Сост., вст. ст.: В. Г. Макаров, В. С. Христофоров. М.: Русский путь, 2005. С. 114–115, 174–175, 458.

Гаврилова О. А., Петров В. В «Надо уделить первостепенное внимание изучению прошлого университета...»: Петроградский-Ленинградский университет 1918–1931 гг. в воспоминаниях И. В. Егорова // Новейшая история России. Междисциплинарный научно-теоретический журнал. СПб.: НП-Принт, 2014. № 2. С. 227–256.

Гладышев А. В. Историк руководящий: В. П. Волгин // Историк и власть. Советские историки сталинской эпохи. Саратов: Наука, 2006. С. 136–198.

Гусев Н. С. Державин — болгарист, добившийся успеха в большевистской и советской науке // Материалы для виртуального Музея Славянских Культур. М.: ПОЛИМЕДИА, 2020. С. 76–82.

Державин Н. С. Проблемы высшей школы // Звезда. Л., 1924. № 2. С. 204–212.

Елизаров М. А. Восстание на форте «Красная Горка» в июне 1919 г. Правда и легенды // Морской сборник. 2009. № 4. С. 68–75.

Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 190–193.

Измозик В. С. Петроградская боевая организация (ПБО) — чекистский миф или реальность? // Исторические чтения на Лубянке. 1997–2007. М.: Куликово поле, 2008. С. 140–148.

Клушин В. И. Деятельность Научного общества марксистов (1920–1924) // Очерки по истории Ленинградского университета. Л.: ЛГУ, 1968. Т. II. С. 125–137.

Кривоноженко А. Ф. Петроградский университет в 1917–1922 годах. От университета императорского к университету советскому // Петербургские исследования. Сборник научных статей. / Отв. ред. Ю. В. Кривошеев. СПб., 2011. С. 257–266.

Кривоноженко А. Ф. Репрессии в отношении Петроградского университета в период Гражданской войны // Ученые записки Петрозаводского университета. Историческая наука и археология. Петрозаводск. 2017. № 5. С. 41–43.

Купайгородская А. П. Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти (1917–1925). Л.: Наука, 1984.

Купайгородская А. П. Объединение научных и высших заведений Петрограда (1917–1922) // Власть и наука, ученые и власть. 1880-е — начало 1920-х годов: Материалы международного научного colloquium. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2003. С. 185–202.

Куртуа С., Верт Н., Панне Ж.-Л. и др. Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. / Отв. ред. И. Ю. Баляков. Пер. с фр. Е. Л. Храмов. М.: Три века истории, 1999.

Лагно А. Р. Вячеслав Петрович Волгин. М.: Изд-во МГУ, 2012.

Лагно А. Р. Ректор Московского университета Вячеслав Петрович Волгин. 1879–1962. Автореф. дис. <...> канд. истор. наук. М.: МГУ, 2010.

Лобок Д. В. Научная интеллигенция и ее профессиональные объединения (1917–1922) // Интеллигенция и мир: Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук. М., 2012. № 1. С. 27–39.

Лубянка: органы ВЧК–ОГПУ–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991: справочник. / Сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М.: Материк, 2003.

Макаров В. Г., Христофоров В. С. Пассажиры «философского парохода» (судьбы интеллигенции, репрессированной летом-осенью 1922 г.) // Вопросы философии. М., 2003. № 7. С. 113–137.

Материалы по истории Санкт-Петербургского университета. 1917–1965. Обзор архивных документов. / Сост. Е. М. Балашов и др. Под ред. Г. А. Тишкина. СПб.: СПб. ун-т, 1999.

Организации науки в первые годы Советской власти (1917–1925). Сборник документов. Л.: Наука, 1968.

Петров В. В. «Большая была его работа и яркой — жизнь его...» В. Б. Томашевский — первый коммунист во главе Ленинградского университета. 1926–1927 гг. // Клио. Журнал для ученых. СПб.: Полторак, 2013. № 10. С. 109–111.

Петров В. В. «Лучше пойду милиционером, чем ректором»: деятельность Оргкомиссии ЛГУ. 1925–1927 гг. // Новейшая история России. СПб, 2015. № 3. С. 80–93.

Просим освободить из тюремного заключения. Письма в защиту репрессированных. Сост. В. Гончаров, В. Нехотин. Пред. С. Михалкова. М.: Современный писатель, 1998.

Ратьковский И. С. Столица Красного террора (Петроград осенью 1918 г.) // Мир экономики и права. 2013. № 7–8. С. 67–79.

Рождков А. Ю. В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в советской России 20-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Ростовцев Е. А., Сидорчук И. В. Изгнанники «советского» университета: опыт коллективного портрета преподавательской эмиграции Петрограда // Вестник Санкт-Петербургского университета, 2016. Серия 2. История. № 1. С. 64–75.

Стецура Ю. А. Революционный пафос и трагизм поколения 20-х и 30-х годов. Екатеринбург; Пермь, 1995.

Финкель С. Организованная профессура и университетская реформа в Советской России // Власть и наука, ученые и власть. 1880-е — начало 1920-х годов: Материалы международного научного colloquiuma. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2003. С. 173–184.

Фокин С. И. Дерюгин. Страницы жизни. 2005. [Электронный ресурс]. https://www.littorina.info/Aleksandrovs/pervoist/fokin_derygin/fokin_derygin.html

Черняев В. Ю. Дело «Петроградской боевой организации В. Н. Таганцева» // Репрессированные геологи. М.–СПб., 1999. С. 391–395.

Шилов Л. А. Группа Петроградской «левой профессуры» (1921–1923) // Вестник ЛГУ. История, язык, литература. Л., 1967. № 20. Вып. 4. С. 27–38.

Kotkin S. Paradoxes of Power. 1878–1928. New York: Penguin, 2014. Vol. 1.

К. Д. Колева

Шуменски университет „Епископ Константин Преславски“, Шумен (България)

ЕЗИКОВА ПРАКТИКА, ПОЛЕМИКА, АРГУМЕНТИ НА РОДОВАТА ПАМЕТ: АНТРОПОНИМЪТ *ДОБРИ ВОЙНИКОВ*

В статията я привожу документални свидетелства за написания и произношения на имението на един от най-ярките дейци на българското възрождение — Добри Войникова. Даният антропоним среща се в различни писмени и усни варианти. Тема е за България е животнолюбива и широко обсъждана в обществото, така че разглежданият въпрос излиза из рамките на ономастиката. Точка за дискуссия поставя библиографско описание на авторските издания и наскоро открита рукопись на възрожденца.

Ключови думи: *Добри Войников, оригинални издания, генеалогическо дърво.*

Добри Попов Войников (10.11.1833, Шумен — 27.03.1978, Велико Търново) е енциклопедична личност от европейска величина, народен будител и участник в борбата за национално и духовно освобождение на България. Роден в семейството на духовник, той завършва прочутия Роберт колеж в Цариград, а след това е учител в родния си град и въвежда музиката, българската история и граматиката като част от училищната програма. Автор е на учебници по български език, история, на сказки, стихотворения, диалози, театрални пиеси, на първата българска комедия. Той е известен общественик и журналист, музикален, театрален, читалищен и църковен деец, преводач и литературен критик. Основоположник е на българския театър, на многогласното ученическо хорово пеене и е сред учредителите на Българското книжовно дружество (днес БАН). Делото му е историческо, той е признат авторитет сред българската интелигенция в емиграция, името му е широко известно и тачено.

Изписването и изговора на имението на бележития възрожденски деец са свързани с разнообразна практика от неговото съвремие до наши дни. Внимателният прочит на документите, в които той се среща, дава възможност за поставянето на въпроса за рамките на научната

парадигма. Писмените свидетелства съдържат категорични доказателства за началното ударение върху фамилното му име.

На първо място е документът за генеалогията на видния шуменец. Той е важно свидетелство за социокултурните процеси през Възраждането, а фактът, че е написан през втората половина на 19-и век от ръката на образован човек и учител по роден език, му придава допълнителна стойност на аргумент за динамиката в езиковата ситуация при българите до Освобождението.

Родословното дърво на Добри Войников, съставено от него, стана известно неотдавна. То е много добре запазено. Не е датирано. Не е публикувано с научен коментар. Представява ръкопис с черно мастило, формат 26 x 19 см. Съхранява се в родната къща музей на Добри Войников в Шумен. Авторът специално отбелязва под родословието си, че всички в него са „*познати под фамилиарното си имя **Войниковци***“ (вж. Приложението). Автентичният облик на това име подсказва, че единствено възможният му изговор е с **начално ударение** — традиция, запазена и до днес у роднините на бележития българин и у шуменци. Мястото на ударението съответства на модела в архаичната акцентна система в мизийския шуменски говор, характеризираща се с „отмет“ на ударението при едно-и двусрични апелативи от мъжки и женски род и различаваща го от нормативната система на ударение.

Съчиненията, които издава видният писател, учен и обществен деец, са важен източник на информация по поставената тема.

Последователно **личното име Добри** се изписва цяло или с начално съкращение (*Д.*).

При **бащиното име** се наблюдава разнообразие, което е обичайно за епохата. Бащата на Войников е свещеник — Васил Драгоев Войников (поп Васил). По това време трикомпонентният състав на името, възприет по руския модел (лично име, бащино и фамилно), е факт. Съгласно формиралата се сред интелигенцията традиция то се разширява с апелативи от престижната конфесионална титлатура, чието място, словообразователен и правописен статус близо век имат разнообразен характер и оттам — неединен правопис. Като се има предвид и по-голямата свобода, която се допуска и досега при кодификацията в тази езикова подсистема, разнообразието в изписването на бащиното име на възрожденца разкрива етапите на установяване на съвременния правопис. В практиката и до днес бащиното име на

Добри Войников се среща в облика *Попвасилев*, свързан с известния му баща (напр. в е-списанието „Литературен свят“, бр. 160 / 2023).

Фамилното име изненадващо също не винаги е изписвано по еднакъв начин, въпреки декларацията в родословието за *фамилярното име Войниковци*. Възможно е този документ да е писан по-късно от първите публикации на Добри Войников. Освен това в средата на XIX век няма установена единна номинативна практика в тази сфера. Въпреки че е един от активните участници в процесите на устройство на новобългарския книжовен език, Войников не коментира антропонимната система, а само я структурира въз основа на родовата си памет.

Имената на автора на различни по жанр произведения са записвани при издаването и преиздаването на съчиненията му, както и във важни документи по няколко начина.

Хронологично най-ранен е антропонимът *Добри В. Попов* с инициалното съкращение на бащиното име **В.** (Василев), следвано от фамилното *Попов*, образувано от титлата на баща му. То се среща на титулната страница на *Сборник от разни съчинения*. Цариград, 1860.

Повече от 20 г. по-късно авторът на историческата драма *Стоян войвода*. Свищов, 1882 е записан само с инициалите *Д. П.* Очевидно зад тях личи името на познат на публиката писател.

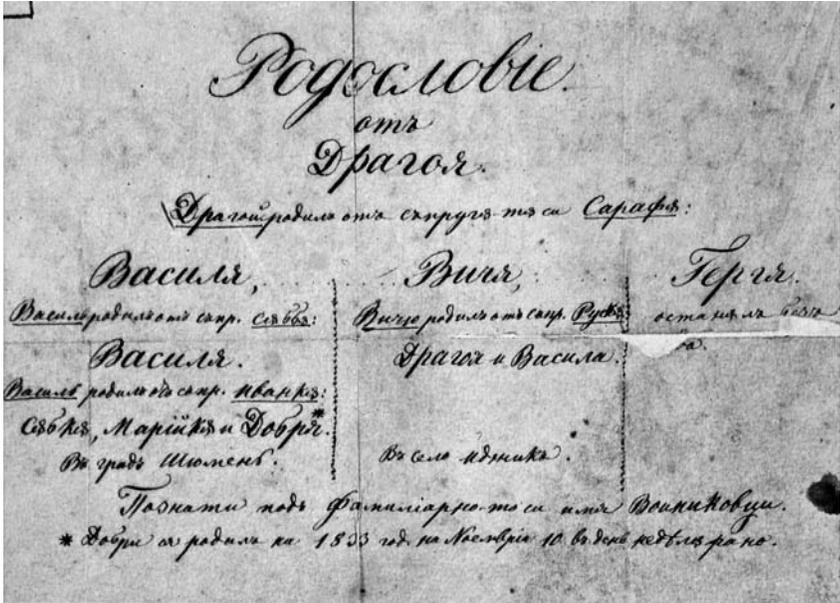
Най-често възрожденецът се подписва *Д. П. Войников* (вж.: *Кратка българска история*. Виена, 1861; *Кратка българска граматика с упражнения*. Браила, 1864; Пловдив, 1866; *Криворазбраната цивилизация*. Букурещ, 1871; *Възцаряването на Крума Страшний*. Букурещ, 1871; *Ръководство за словесност с примери за упражнение в разни видове съчинения на ученици в народните ни мъжки и женски училища*. Виена, 1874). Инициалът на личното име е последван от съкращението на вече влязлото в обиход име *Попов*, образувано от апелативната словообразователна основа от титулатурния семантичен кръг, маркиращ социалния статус на бащата и изместило отгук нататък напълно същинското бащино име. Фамилното име *Войников* съответства на родовото име от родословието.

Само с инициали *Д. П. В.* е стихосбирката му *Песни любовни, хороводни, сватбенски и смешни*, отпечатана през 1868 г. в Браила, където изгнанникът развива своята книжовна, културно-просветна и патриотична дейност.

Без съкращение пълното име на големия родолюбец *Добри Василев Войников* е записано в документа *Свидетелство за преводач от ген. Косич* (на руски език). 1877.

Приложение

Родословие на Добри Войников. Шумен, къща музей „Д. Войников“ (факсимиле).

В. А. Лазарева

Университет Пизы, Пиза (Италия)

ФРАЗЕОСХЕМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОЦЕНКИ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ: НА МАТЕРИАЛЕ БОЛГАРСКОГО, РУССКОГО И ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКОВ

В статье на материале болгарского, русского и итальянского языков рассматриваются фразеосхемы со значением оценки. Сопоставление неродственных и разноструктурных языков представляется продуктивным для выявления факторов лингвоспецифичности

и межъязыковой эквивалентности в перспективе изучения механизмов формирования устойчивых синтаксических образований (на основе заимствования или общеязыковых тенденций).

Ключевые слова: *фразеосхемы, синтаксическая фразеология, болгарский язык, русский язык, итальянский язык*

1. Введение

В настоящей работе речь пойдет об устойчивых конструкциях, фразеосхемах, которые находятся на грани между синтаксически свободными языковыми единицами и фразеологизмами. В лингвистической литературе данные конструкции определяются также как: фразеологизированные образования, построения [Шведова 1960], синтаксические фразеологизмы [Янко-Триницкая 1967], типологические фразеологизированные образования [Ройзензон 1973], типизированные эмотивные синтаксические конструкции [Пиотровская 1993], нестандартные синтаксические конструкции [Июмдин 2018], синтаксические идиомы, или синтаксические фраземы [Мельчук 2020] и др. Мы будем пользоваться термином *фразеосинтаксическая схема*, сокращенно — *фразеосхема*, который был введен Д. Н. Шмелевым [Шмелев 1960] и используется также в работах болгарских исследователей [Ничева 1982, 1990; Лазарова, Катева 1982].

В последние годы несвободные синтаксические конструкции, которые активно изучались на материале русского языка уже начиная с 60-х годов прошлого столетия (см., например, указанные работы Д. Н. Шмелева, Н. Ю. Шведовой, Н. А. Янко-Триницкой) и рассматривались, скорее, как нестандартный, периферийный феномен, вновь привлекли внимание исследователей в рамках популярного лингвистического направления — Грамматики конструкций (Construction Grammar, CxG)¹. В контексте Грамматики конструкций фразеосхемы, как устойчивые синтаксические модели с относительно свободным лексическим наполнением, переходят из феномена погранично-периферийного уровня фразеологии в статус основных организующих единиц языка разной степени сложности и абстрактности. С активным использованием статистических методов анализа, подкрепленных об-

¹ О теории Грамматики Конструкций и близких идеях в западной и российской лингвистической традиции см., напр., [Рахилина 2010], там же приводится обширный список литературы по теме.

ширными базами корпусных данных, расширилось и представление о самом понятии конструкции и о прототипичности языковых моделей в целом [Добровольский 2016: 8].

На сегодняшний день список фразеосхем остается открытым, отсутствуют и общепринятые критерии их отграничения от смежных феноменов «нестандартного» синтаксиса и фразеологии. Так, например, в работах Иомдина о микросинтаксических единицах русского языка различаются нестандартные синтаксические конструкции (к ним автор относит как интересующие нас построения типа *Мальчишки есть мальчишки; здоровье здоровьем...* и др., так и разговорные устойчивые сочетания типа *Как ты? Нам всем очень жаль* и под.) и синтаксические фраземы (*то и дело, все же, то-то же, то ли дело* и др.). Между тем в работе [Мельчук 2020] конструкции вида *мужчина есть мужчина, есть поэты и поэты, комната как комната* и др., напротив, определяются как фраземы или синтаксические идиомы, т. е. сам термин фразема используется исследователями по-разному.

Согласно принятому в настоящей работе пониманию, фразеосхемы представляют собой единицы синтактико-фразеологического уровня. В отличие от свободных синтаксических построений они являются синтаксически неделимыми конструкциями. Идиоматичность фразеосхем проявляется на уровне структуры, в то время как лексемы, входящие в их состав, сохраняют в основном свое прямое лексическое значение. Для фразеосхем характерна заданность схемы построения, включающая постоянные (структурно образующие, опорные) и изменяющиеся компоненты. Изменяющийся компонент конструкции допускает, как правило, довольно свободное лексическое наполнение.

Фразеосхемы принято записывать в виде формул, отражающих структуру конструкции. При отсутствии общих принципов в использовании сокращений традиционно в формуле указываются обязательные структурные компоненты, морфологические параметры свободно избираемого компонента, а иногда и факультативные, распространяющие элементы конструкции, напр.: *NP + как + NP (дом как дом, день как день)*¹.

¹ В настоящей работе для записи фразеосхем будут использоваться следующие сокращения: NP (noun phrase) — именная группа, SG/PL (singular/plural) — единственное/множественное число, DEF/INDF (definite/indefinite) — определенная/неопределенная форма, DAT (dative) — дательный падеж, GEN (genitive) — родительный падеж, INS (instrumental) — творительный падеж. При отсутствии указания на падеж подразумевается форма именительного падежа.

Объектом нашего исследования являются фразеосхемы трех языков: болгарского, русского и итальянского. Заметим, что традиция изучения таких конструкций в славянской и зарубежной лингвистике заметно отличается.

Наиболее исследованными среди фразеосхем трех языков являются конструкции русского языка. История их изучения, как уже упоминалось, тесным образом связана с теорией фразеологизации, с позиций которой фразеосхемы признаются неполными фразеологизированными образованиями [Ройзензон 1959]. Изучение фразеосхем как явления разговорного, экспрессивного синтаксиса во многом было определено уже упомянутой работой Н. Ю. Шведовой [Шведова 1960], где данные конструкции впервые получили наиболее полное освещение и классификацию. На сегодняшний день изучению фразеосхем русского языка в разноаспектной перспективе посвящена обширная литература, имеется опыт их системного описания и типологизации (см., напр. [Величко 1996, Меликян 2014]).

Болгарские фразеосхемы специально исследовались в работах К. Ничевой [Ничева 1982, 1990], а также в сопоставлении с русскими конструкциями в работах [Леонидова 1976; Лазарева 2004; Градинарова 2012; Иванова, Градинарова 2015]. Тем не менее такие исследования немногочисленны.

В итальянской лингвистике фразеосхемы не выделяются в самостоятельный объект исследования, соответственно задача их системного описания и классификации не ставилась. Интересующие нас конструкции разбросаны по разным разделам грамматик и привлекаются авторами как примеры дополнительных, экспрессивных средств выражения тех или иных значений (напр., суперлатива) или как контексты нестандартных реализаций тех или иных элементов языка. Напр., конструкция *C'è schiaffo e schiaffo* 'Есть пощечина и пощечина' цитируется как минимум дважды в Большой итальянской справочной грамматике, причем в разных разделах: в разделе о сочинительной синтаксической связи она приводится в связи с нейтрализацией сочинительного значения союза *e* 'и', а в разделе об артиклях в связи с артиклевой немаркированностью именных групп в конструкции [Grande grammatica italiana 2001: 249, 416]. Отсутствие системного подхода связано, по-видимому, с тем, что в западной лингвистической традиции фразеология рассматривается не как самостоятельная научная дисциплина, а в качестве составляющей других разделов языкознания: стилистики, риторики, культуры речи.

Сопоставительное исследование фразеосхем неродственных и разнотипных языков представляется перспективным для выявления межязыковых функционально-структурных параллелей и асимметрий. В этом отношении рассматриваемая группа языков — русский-болгарский-итальянский — представляется особенно интересной. Болгарский язык обнаруживает сходные черты с генетически родственным ему русским языком, а также, в силу особенностей грамматического строя, с итальянским языком.

Далее будет представлен фрагмент исследования, посвященный конструкциям с оценочным значением в трех языках. Как фоновый язык описания будет использоваться болгарский язык.

2. Фразеосхемы со значением оценки в трех языках

Наиболее продуктивным механизмом в основе формирования оценочной семантики, безусловно, является механизм сравнения [Вольф 2002: 15]. Далее будут рассмотрены конструкции, оценочная семантика которых формируется на компаративной основе. Причем векторы сравнения, как мы увидим, могут быть различными. Объект оценки может приводиться в соотношение: с общепринятым представлением об объектах подобного рода (2.1) или с другими представителями данного класса объектов (2.2.). В первом случае имя объекта соотносится с понятием, а во втором — с типичным представителем или классом подобных объектов. В отдельную группу были выделены конструкции нейтрализующей оценки (2.3), в основе которых лежит суждение о неоднородности объектов одного класса. Проиллюстрируем каждую из указанных групп фразеосхемами, не претендуя на исчерпанность предложенного в данной статье материала.

2.1. Объект оценки на фоне общепринятого представления об объектах подобного рода

Первая конструкция данной группы активна во всех трех языках и строится по модели болг. *Хубав* / рус. *Хорош* / ит. *Bello* + NP, где опорный компонент прилагательное *хубав* подвергается семантической инверсии. Говорящий оценивает объект как не соответствующий общепринятому представлению об объектах подобного рода, иначе говоря, имя объекта оценки не соответствует его действительным проявлениям и противоречит ожидаемому. Напр., выражение *Хубав*

приятел! Хорош друг! Bell'amico! значит обратное 'Плохой, не настоящий друг!', ср. также:

- (1) И това недоразумение е професор по конституционно право! **Хубав професор!** Щом нарича президентската република «Режими», значи съвсем е изтрещял! (И: форум)¹.
- (2) — **Хорош коммунист!** — воскликнул сосед. — К нему обращаются, а он «да ну вас совсем!» (НКРЯ: Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)).
- (3) Quel che è più grave è che l'assessore Sitta, a mia precisa interrogazione sul chiosco di Natale Bruni mi assicurò in aula che era tutto regolare. **Bella sincerità** 'Но хуже всего то, что советник Ситта, отвечая на мой конкретный вопрос о киоске Натале Бруни, заверил меня в зале заседаний, что все легально. Хороша искренность' (И: Gazzetta di Modena. 26.09.2001).

Следующая конструкция со значением несоответствия объекта оценки называемому, ожидаемому имеет в трех языках функциональные, но неполные структурные эквиваленты. Данные построения являются репликами-реакциями на происходящее или выражают несогласие с оценочной позицией собеседника.

В болгарском языке это фразеосхема *И това ми било* + *NP*. Краткая форма местоимения в дательном падеже, т.н. «этический датив», как представляется, определяет идиоматическое толкование конструкции. Лексическое наполнение формулы не ограничено, как правило, используется нейтральная лексика или лексика с положительной оценочной семантикой, напр.:

- (4) Волумния изтръгна от ръцете на съпруга си — Фабий — хляба. — **И това ми било хляб!** Къде е хлебарят? (БНК).
- (5) — Чуй го само как говори! **И това ми било интелигентен човек!** (БНК).

В русском языке с тем же значением используется конструкция *Тоже мне* + *NP*, опорные и свободно избираемые компоненты не имеют в данном случае фиксированной позиции и могут инвертироваться (как в (7)), напр.:

¹ Иллюстративный материал в данной статье составляют примеры, извлеченные из лингвистических корпусов: Болгарского национального корпуса (БНК, <https://dcl.bas.bg/bulnc/>), Национального корпуса русского языка (НКРЯ, www.ruscorpora.ru), из других интернет-источников (И) и художественных произведений. Перевод итальянских примеров на русский язык выполнен автором статьи.

- (6) — А руины «башен-близнецов» видели? — Только издали. Просто не успевали. **Тоже мне достопримечательность!** Кладбище (НКРЯ: Анастасия Романова. Александр Буйнов: Наши бомжи круче бомжей Сан-Франциско (2002) // «Вечерняя Москва». 10.01.2002).
- (7) — А ты кто такой, чтоб меня предупреждать? **Начальник тоже мне.** Когда сделаю, тогда и сделаю (НКРЯ: Александра Попова. Ангел на простыне // «Волга». 2015).

В итальянском языке подобная фразеосхема не отмечена. В данном значении, однако, употребляется аналог вопросительной конструкции болгарского языка, представляющей собой риторический вопрос, ср. болг. *Това ли било + NP?* и ит. *E questo sarebbe + NP?* (букв. И это было бы ... ‘И это по твоему/ ты называешь ...?’)¹. Напр.:

- (8) Е, какво ново чух — каза си той. — Та **това ли било то непознатото учение?** Всеки знае това, всеки го е чувал (БНК).
- (9) Libia, il paradiso dei trafficanti di armi: **e questo sarebbe un Paese ‘pacificato’?** ‘Ливия — рай для торговцев оружием: и это называется «мирная» страна?’ (И: U. De Giovannangeli. Libia, il paradiso dei trafficanti di armi. Globalist syndication. 28.11.2022).

В нашем материале встретились и восклицательные употребления, хотя и представленные изолированными случаями; по-видимому, их можно рассматривать как шаг к идиоматизации, ср.:

- (10) [о переводчике Google] **E questo sarebbe un traduttore!** ‘Тоже мне переводчик! букв. И это будет переводчик’) (И: форум).

2.2. Объект оценки на фоне других объектов подобного рода

Перейдем к следующей группе конструкций, которые основываются на соотношении объекта оценки с рядом ему подобных. В результате такой компаративной операции возможно формирование двух видов оценки: (2.2.1) Высокая оценка (объект выделяется на фоне ему подобных) и (2.2.2) Тривиальная оценка (объект ничем не выделяется на фоне ему подобных).

Логико-семантическая основа конструкции отражается на ее синтаксической структуре: фразеосхемы данного типа строятся на лексическом повторе свободно избираемого компонента, представленного именной

¹ На оценочный потенциал риторических вопросительных конструкций указывалось неоднократно, подробнее об этом см., напр., [Вольф 2002: 191–194].

группой. Лексически тождественные именные группы неравноценны в референциальном плане, что позволяет преодолеть алогизм данных построений, обеспечивая их информативность. Растождествление лексически тождественных компонентов происходит по референциальному признаку: первый соотносится с индивидуализированным объектом оценки и имеет конкретную референцию, а второй имеет не конкретную, а родовую референтную отнесенность¹. Исследование показывает, что указанные виды оценки не одинаково представлены в рассматриваемых языках. Рассмотрим каждое из указанных значений.

2.2.1 *Высокая оценка. Объект выделяется на фоне ему подобных как обладающий высокой степенью предикативного признака*

Для выражения данного значения в трех языках употребляются эквивалентные фразеосхемы, которые строятся на облигаторном лексическом повторе свободно избираемого компонента — именной группы, имеющей ограничение на грамматическую форму: левый компонент конструкции употребляется в единственном числе, а правый — во множественном, наличие других морфологических параметров (артиклевая маркированность и падежная форма) определяются грамматическим строем данного языка. Конструкции трех языков восходят к общему источнику — синтаксической кальке т. н. семитского суперлатива (*superlativus hebraicus* или *genetivus superlativus*), позволяющего образовывать превосходную степень от существительных и заимствованного из библейских текстов во многие языки, ср.: греч. [*mataiotes malaiote-ton*], лат. *vanitas vanitatum*, црк.-слав. *суета суетствуй*, чешск. *tamost marnosti*, англ. *vanity of vanities* [Пичугина 2006: 481; Братанов 2013; Del Popolo 2001].

В болгарском языке в качестве обязательного компонента фразеосхемы выступают предлоги *на* или *над*: $NP_{SG} + на/над + NP_{PL.DEF}$, а правая именная группа имеет определенную форму множественного числа, напр.:

- (11) Паганини искаше да бъде Дечев, син на дявола, **виртуоз на виртуозите** (Ч. Шинов).

¹ Именная группа в родовом употреблении соотносится с классом объектов (с экстенционалом общего имени) или с типичным представителем данного класса [Падучева 2017]. О тавтологических формулах болгарского языка в сопоставлении с русским см. также [Лазарева, Иванова 2019].

- (12) Вие изхождате само от тесните интереси на своето стадо. А за нас това е **въпрос на въпросите** (БНК).
- (13) Триумфалното му завръщане от смъртта беше развълнувало милионите му поданици. <...> Той беше **герой над героите** (БНК).

Аналогичная фразеосхема русского языка может иметь в качестве опорного компонента предлоги *из* или *над*, которые определяют морфологические параметры, соответственно, родительный или творительный падеж правой именной группы: $NP_{SG} + из/над + NP_{PL.GEN/INS}$ напр.:

- (14) Князь Давид был **герой из героев, храбрец из храбрецов** и силач из богатырей (НКРЯ: Давид Маркиш. Статья Лютовым. Вольные фантазии из жизни писателя Исаака Бабеля // «Октябрь». 2001).
- (15) Говорил тоном, не допускающим противоречия, страстно играл в бильярд. Будто бы был в этой игре несравним. **Мастер над мастерами**, без конкуренции и не было ему равного во всей Варшаве. (И: А. Поликовский. До конца // Новая газета. 3.05.2023).

В русском языке существует и беспредложный вариант конструкции с родительным падежом второго компонента: $NP_{SG} + NP_{PL.GEN}$ напр.:

- (16) Если все прочие участники «Провокации», премьеру которой можно увидеть на сцене «Школы современной пьесы», — виртуозы, то Юрский — виртуоз вдвойне, иначе говоря, **виртуоз виртуозов** (И: М. Одина. Сергей Юрский устроил «Провокацию» // Сегодня. 10.04.2000).
- (17) Свободно объединившиеся в едином государстве, нации не могут жить без доверия друг к другу. Укреплять его — **задача задач** (НКРЯ: Слагаемые равноправия (2000) // «Жизнь национальностей». 23.06.2000).

В итальянском языке обязательным компонентом фразеосхемы может выступать предлог *di* ‘из’, образующий сложную форму *dei* в сочетании с определенным артиклем, или предлог *tra* ‘среди’. Левая именная группа допускает варьирование определенного и неопределенного артикля, а правая выступает в определенной форме: $NP_{SG.DEF/INDF} + di/tra + NP_{PL.DEF}$:

- (18) Sono troppo convinta che la vita sia bella anche quando è brutta che nascere sia **il miracolo dei miracoli**, vivere: **il regalo dei regali** ‘Я абсолютно убеждена, что жизнь прекрасна, даже когда она безрадостна, что рождение — чудо из чудес, а жизнь — дар из даров’ (O. Fallaci).

Конструкция с предлогом *tra* ‘из, среди, между’ описывается в итальянской грамматике как способ выражения превосходной степени сравнения, при этом приводятся примеры только с прилагательными: *Egli è il fidele tra i fedeli* ‘Он верный из верных’; *Un puro tra i puri* ‘Непорочный из непорочных’ [Battaglia, Pernicone 1980: 172]. Тем не менее можно утверждать, что данная конструкция активна и с именами существительными, о чем свидетельствуют примеры ее употреблений в современном итальянском языке, ср.:

- (19) Zevon era **un musicista tra i musicisti**, un uomo tormentato ‘Зевон был музыкантом из музыкантов, человеком, полным терзаний’ (И: блог).

2.2.2. *Тривиальная оценка. Объект ничем не выделяется на фоне ему подобных*

В основе конструкций тривиальной оценки лежит акт уподобления конкретного представителя определенного класса объектов типичному, ординарному члену класса, образ которого хранится в когнитивной базе носителя языка. И в болгарском и в русском языках имеются эквивалентные фразеосхемы с компаративным союзом в качестве опорного компонента, лексическое наполнение конструкции не ограничено — *NP* + болг. *kato* / рус. *как* + *NP*, напр.:

- (20) — Я ми кажи, Даскале, като писа тази твоя статия за изселването ни от Лилковското землище, питахте ли някого от нас дали това ни се харесва?... — **Статия като статия**... — отговаря му вместо мен бай Радьо и прави опит да пренесе разговора към тамръшката мера (БНК).
- (21) **Город как город**, тесный, пыльный, шумный, загазованный, в архитектурном плане не интересный (НКРЯ: Александр Галанин. Хроника Ингодинско-Селенгинского полевого отряда Даурской ботанической экспедиции 2006 года).

В итальянском языке отсутствует не только структурный, но и функционально-семантический эквивалент данной конструкции.

Между тем для русского языка это не единственная фразеосхема со значением тривиальной оценки, для выражения которой может использоваться и конструкция с опорным компонентом союзом *и* — *NP* + *и* + *NP*, ср.:

- (22) **Старушка и старушка**. А пес ее разберет, какая эта старушка. Да и кому это нужно описание, скажем, ее носа? Нос и нос (М. Зощенко).

2.3. Оценочная нейтрализация. Растождествление членов одного класса по явному или неявному признаку

Для выражения данного значения во всех трех рассматриваемых языках имеются структурно-функциональные соответствия — фразеосхемы с опорными компонентами экзистенциальным глаголом и союзом *и*, основанные на лексическом повторе свободно избираемой именной группы в единственном или во множественном числе — болг. *има* + $NP_{SG/PL}$ + *и* + $NP_{SG/PL}$; рус. *есть* + $NP_{SG/PL}$ + *и* + $NP_{SG/PL}$; ит. *c'è/ci sono* + $NP_{SG/PL}$ + *e* + $NP_{SG/PL}$, напр.:

- (23) Правим уговорката, че **има работа и работа**, нали, и че ако твоята не ти носи удовлетворение и усещане за полезност, ако не е съзидателна работа, <...> единственият начин да запазиш достойнството си, докато я вършиш, е да я вършиш с нежелание (И: Л. Еленкова. Васил Панайотов: герой е, който проявява характер да не се оправдава. Lira.bg. 15.10.2022).
- (24) **Има хора и хора**. Хората са спрямо моделите (И: nova.bg. 3.09.2023).
- (25) Мы должны точно перед началом нашей беседы понимать, что **есть книга и книга**. Есть книга fiction и есть книга non fiction (И: В. Ерофеев. Почему все пишут книги. Радио Свобода. 4.08.2007).
- (26) Oggi **c'è teatro e teatro**, c'è un teatro necessario e un teatro di divertimento 'Сегодня **есть театр и театр**, есть театр необходимый и театр развлечений' (И: R. Panzieri. Il teatro è vita. Intervista al professore Ferruccio Marotti. la Discussione 27.10.2022).

Данные фразеосхемы отличаются от рассмотренных выше (в пп. 2.2.1. и 2.2.2) тем, что объект оценки в них не индивидуализирован, в логико-семантической основе конструкции лежит акт дизъюнкции: говорящий не апеллирует к общему представлению о данном классе объектов, а, напротив, подчеркивает индивидуальный характер его представителей. Подобные высказывания представляют собой общие суждения прескриптивного характера. Полагаем, что славянские языки заимствовали данную конструкцию из западноевропейских языков (ср. также нем. *es gibt Freunde und Freunde* 'есть друзья и друзья', англ. *there are people and people* 'есть люди и люди').

В обоих славянских языках для выражения данного значения используется и более употребительная конструкция, которая также строится на лексическом повторе свободно избираемого компонента, но имеет иную синтактико-грамматическую организацию — болг. *от* + NP + *до* + NP + *има разлика*; рус. NP + NP_{DAT} + *рознь*, напр.:

- (27) Кола може да се наеме и за 12 евро, и за 100 евро на ден — разнотообразието е толкова голямо, защото **от кола до кола има разлика. От фирма до фирма** — също (И: Х. Николов. От 12 до 100 евро на ден за кола под наем // Сега. 5.07.2003).
- (28) Но **ревност ревности рознь**, есть бремя страсти, а есть безразличное недоумение ... (НКРЯ: Дарья Симонова. Половецкие пляски (2002)).

3. Выводы

Итак, рассмотренный материал позволяет сделать следующие выводы: при общих механизмах формирования оценки в рассмотренных языках отмечены как эквивалентные конструкции, так и аналоги, отличающиеся разной степенью фразеологизации (напр., болг. *И това ми било* + NP и ит. *E questo sarebbe* + NP?); разработанность и представленность оценочно-семантических зон фразеосхемами в рассмотренных языках неодинакова (ср., напр., отсутствие в итальянском языке специальной конструкции для выражения тривиальной оценки). Исследование показывает продуктивность сопоставительного анализа фразеосхем разных языков для выявления межъязыковой эквивалентности и последующего прояснения мотивирующих ее факторов. Наличие семантико-функциональных эквивалентов в определенном языке также может быть обусловлено разным происхождением конструкций (заимствованным или исконным). Насколько нам известно, в рассмотренных языках систематизация фразеосхем по признаку заимствованного или исконного характера не проводилась. А такой критерий классификации мог бы быть полезным для изучения лингвоспецифических и универсальных межъязыковых параллелей в процессах формирования устойчивых синтаксических образований и производных смыслов.

Литература

Братанов И. Superlativus Hebraicus в българския език // Научни трудове на русенския университет. 2013. Том 52. Серия 6.3. С. 16–21.

Величко А. В. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке: структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование. М.: Макс Пресс, 2016.

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: УРСС, 2002.

Градинарова А. А. Болгарская синтаксическая фразама X (P) (не) е за P на фоне русских функциональных эквивалентов // Служение слову. Сб.,

посвящ. 70-летию доц. д-ра Анны Николовой. Шумен: Университетско изд-во «Епископ Константин Преславски», 2012. С. 48–58.

Добровольский О. Д. Грамматика конструкций и фразеология // Вопросы языкознания. 2016. № 3. С. 7–21.

Иванова Е. Ю., Градинарова А. А. Синтаксическая система болгарского языка на фоне русского. М.: Языки славянской культуры, 2015.

Иомдин Л. Л. Еще раз о микроконструкциях, сформированных служебными словами: *то и дело* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 17 (24). М.: Изд-во РГГУ, 2018. С. 267–283.

Лазарева В. А. Анализ фразеологизированных построений на материале болгарского и русского языков // *Europa Orientalis*. 2004. XXIII. No 1. С. 185–221.

Лазарева В. А., Иванова Е. Ю. Тавтологии *X copula X* в болгарском языке в свете корпусных данных: лексика, грамматика, вариантность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2019. 16 (4). С. 576–598.

Лазарова А., Катева Е. Учебно помагало по български език. София, 1982.

Леонидова М. Фразеосхема как лингвистическая единица промежуточного фразеолого-синтаксического уровня в русском и болгарском языках // Болгарская русистика. 1976. No 3. С. 23–25.

Мельчук И. А. Статья как статья: писать так писать! О синтаксических идиомах // Друзья, слова, таблицы: сборник статей в честь 75-летия А. К. Поливановой / под ред. А. В. Кейдана. Москва, Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2020. С. 259–278.

Ничева К. Фразеосхемы (фразеологизирани конструкции) в българския език // Език и литература. 1982. No 5. С. 29–43.

Ничева (Анкова-Ничева) К. Фразеосхемы и фразеологизми в българския език // Съпоставително езикознание. 1990. Кн. 4–5. С. 97–101.

Падучева Е. В. Референциальный статус именной группы. Русская корпусная грамматика, 2017 (онлайн ресурс www.rusgram.ru).

Пиотровская Л. А. Эмотивные высказывания в современном русском языке. СПб., 1993.

Пичугина В. О выражении «суета сует» в русском языке // *Russian History*, 2006. Vol. 33, No. 2/4, «Festschrift» for Norman W. Ingham. Pp. 481–494.

Рахилина Е. В. Лингвистика конструкций. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010.

Ройзензон Л. И., Авалиани Ю. Ю. Заметки по теории фразеологии (о фразеологизации и фразеологических связях в языке) // Труды Узбекского университета. Самарканд, 1959. Кн. 95. С. 3–17.

Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Наука, 1960.

Шмелев Д. Н. О «связанных» синтаксических конструкциях в русском языке // Вопросы языкознания. 1960. № 5. С. 47–60.

Янко-Триницкая Н. А. Синтаксические фразеологизмы с лексическими повторами // Русский язык в школе. 1967. № 2. С. 87–92.

Battaglia S., Pernicone V. La grammatica italiana. Torino: Loescher, 1980.
Del Popolo C. Esempi di superlativo semitico in italiano // Italianistica: Rivista di letteratura italiana. 2001. Vol. 30. №.1. Pp. 137–143.

Grande grammatica italiana di consultazione. Vol. 1: La frase. I sintagmi nominale e preposizionale / L. Renzi, G. Salvi, A. Cardinaletti. Il Mulino, 2001.

М. Ю. Котова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург (Россия)

К ВОПРОСУ ОБ АКТИВНЫХ БОЛГАРСКИХ ПОСЛОВИЦАХ В ФОРМЕ НЕПОЛНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Одна из основных паремиологических универсалий — структурное равенство предложению — анализируется на материале полной выборки из авторских «Тетрадей паремиографа. Выпуск 1» на примере употребительных болгарских пословиц, выявленных методом социолингвистического паремиологического эксперимента. Рассматриваются пословицы в форме неполных предложений, причем выделяются предложения с эллипсисом глагола-связки (*Майтана настрана; Много шум за нищо*); номинативные предложения (*Въздух под налягане; От един дол дренки*) и биноминативные предложения (*Сиромах човек — жив дявол*). Делается вывод о промежуточном статусе некоторых подобных устойчивых выражений, которые могут функционировать и как пословицы, и как фразеологизмы.

Ключевые слова: *пословица, фразеологизм, универсальные признаки, синтаксис пословиц, неполное предложение.*

Вступление

Одна из основных паремиологических универсалий — структурное равенство предложению — анализируется на материале полной выборки из авторских «Тетрадей паремиографа. Выпуск 1» на при-

мере употребительных болгарских пословиц, выявленных методом социолингвистического паремиологического эксперимента.

Неполное предложение определяется в болгарской грамматике следующим образом: «Эллиптичните изречения (непълни изречения) са изречения, в които някои части се изпускат поради подразбиране или повторение. Явлението, при което се изпускат части от изречението, се нарича „елипса“, а изреченията — „елиптични“» [Пашов 1989: 360].

Некоторые болгарские исследователи рассматривают неполные предложения как вид односоставных: «Едносъставни прости изречения — предикативното отношение е изразено само в една част, тоест състоят се или само от подлог, или само от сказуемо:

Сказуемо-безподложни едносъставни прости изречения (например: „Съмна се.“)

Подложно-безсказуемни едносъставни прости изречения (например: „Тих вятър.“)» [Дуриданов 1959: 239].

Это второй вид указанных простых предложений называется номинативными или назывными предложениями (простое односоставное безглагольное предложение с главным членом, выраженным именительным падежом существительного — номинативом).

Типы активных болгарских пословиц, имеющих синтаксическую структуру неполного предложения

Група 1. Простые предложения с эллипсисом глагола-связки

«*Без вина виновен* (62 инф.). Аз съм един от оплютите съветници от НДСВ, без вина виновен, но за това днес ще направя всичко възможно истината да излезе. Не очаквам благодарности, а само едно преосмисляне на позициите от софиянци¹. Ср. рус. *Без вины виноваты* (РССПАС № 42)» [ТП-1: 11].

«*Веднъж стомна за вода* (4 инф.). Как по-точно са били натровени с еднакви количества хапове? Как никои не е видял „колективното надрусване“? Защо след 40 експертизи не е ясно кой в крайна сметка е „неизвестният извършител“? И т. н., и т. н. Време е случат да се разрови до дъно, защото „Веднъж стомна за вода, дважд стомна за вода...“ Просто не ми се мисли за третия път... *‘Всему приходит*

¹ Пунктуация и орфография оригинала в примерах сохранена.

конец. *Может использоваться в поучительном контексте — с целью предупредить кого-либо о неправильности их действий и предостеречь о последствиях*’. Ср. рус. *Повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову сломить* (РССПАС № 41, № 188)» [ТП 1: 16-17].

«*Всекому според заслуженото* (7 инф.). Т. е. намеренията им, в унисон с тези на МФ, бяха да вземат едни пари и да ги разпределят на принципа „всекому според заслуженото“. *‘Каждый должен получать по заслугам. Может использоваться как оправдание негативного результата или как объяснение доброго дела*’.

Всекому според чергата (23 инф.). Естествено ако искаш мезонет и сам/а да си го обитаващ, може и повече от 600 да се бръкнеш, но всекому според чергата. Целта на един студентски кредит <...> е да покрие изискванията (такси и др.) на унито т. е. институцията, която ще обучава, а не да задоволи напълно нуждите на студента. *‘Необходимо трезво оценивать возможности и силы людей, не требовать от людей больше, чем они могут сделать*’. Ср. рус. *По заслугам и честь* (РССПАС № 140)» [ТП 1: 32-33].

«*Всичко с времето си* (50 инф.). Всичко с времето си. Не обичам да правя дългосрочни планове. *‘Призыв к терпению и постепенному достижению цели*’. Ср. рус. *На хотенье есть терпенье* (РССПАС № 461)» [ТП 1: 36].

«*Всяко зло за добро* (99 инф.). Той банкрутирал в Швеция и — всяко зло за добро — емигрирал във Финландия, после в Санкт Петербург, където направил пари. Не смятал икономиката за наука и я пренебрегнал, заедно с математиката, в своето завещание. *‘Употребляется, желая утешить человека, пережившего неудачи и несчастья, с надеждой на его успехи, которые придут на смену потерям*’. Ср. рус. *Всё к лучшему; Не было бы счастья, да несчастье помогло; Нет худа без добра* (РССПАС № 210, № 418, № 466)» [ТП 1: 41].

«*Всяко нещо с времето* (3 инф.). — Всяко нещо — с времето! — промърморва чорлавият. И за да допълни тая си оригинална мисъл, той запява полугласно, като не твърде умело се опитва да нагоди импровизираните думи към монотонната мелодия.

.....*времето си* (59 инф.). Къде е неговото време. Такъв тип разсъждения «*Всяко нещо с времето си*» ще те докарат до нищото... и най-накрая, към края на живота си ще осъзнаеш че с това движещо мото си си пропилял живота и шансовете които си имал. *‘Призыв к терпению и постепенному достижению цели*’. Ср. рус. *Всему свое время* (РССПАС № 228)» [ТП 1: 43].

«Здрав дух в здраво тяло (90 инф.). «Здрав дух в здраво тяло» е казал Аристотел — за да сте здрави със силен дух Nonblond.com, ви предлага следните топ 10 аеробни спортове в момента. *‘О важности позитивного мышления, т. к. все болезни идут изнутри’*.

Ср. рус. *В здоровом теле здоровый дух* (РССПАС № 423)» [ТП 1: 88].

«Златни ти уста (19 инф.). Златни ти уста! А дано че кво ще правим без перушината! *‘О надежде на исполнение чьих-либо добрых пожеланий (благодарность за позитивный комментарий)’*. Ср. рус. *Твоими бы устами да мед пить* (РССПАС № 444)» [ТП 1: 89].

«Майтапа настрана (49 инф.). И как е, върви ли? Майтапа настрана, но няма аксиома, според която всеки водач на автомобил Фолксваген Голф 2 да е компир. ... но е доста добре доказана от практиката теорема! *‘Делу — время: об умении концентрироваться на делах и выполнять их как следует’*. Ср. рус. *Шутка шуткой, а дело делом* (РССПАС № 489)» [ТП 1: 138].

«Много шум за нищо (94 инф.). Интересно е защо след като програмата «за нищо не става», както твърдите («много шум за нищо»), толкова много хора се опитват да я «кракнат»? *‘О ситуациях, когда не заслуживающий того повод или человек широко обсуждаются и становятся причиной больших событий’*. Ср. рус. *Много шуму из ничего* (РССПАС № 488)» [ТП 1: 143].

«От два стола на земята (48 инф.). Възможно ли е човек да е влюбен в двама едновременно? И после, от два стола на земята.

.....та на земята (18 инф.). Това винаги е било така, от два стола та на земята. А твоите даже три са били. аз лично предпочитам, когато човек знае какво иска. *‘О жадности некоторых людей, когда те пытаются взять больше, чем им по силам’*. Ср. рус. *За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь* (РССПАС № 141)» [ТП 1: 176-177].

«От един дол дренки (63 инф.). Нали всички сме от един дол дренки! Гадове! За такива — бой! С една тръба и с всички сила по главата. Начупи им ръцете на такива шушумиги да ги видим как ще си обират крушите. *‘Употребляется о людях, которые своими действиями доказывают, что стоят друг друга’*. Ср. рус. *Два сапога пара* (РССПАС № 358)» [ТП 1: 178].

Ср.: «Всички са един дол дренки (4 инф.). Иначе всички са един дол дренки — Левски, чорбарите, Славия, Локо Сф, Локо Пд, Бо-

тев Пд, Литекс, Сливен, Малко Конаре, Голямо Педалево, Сливница, Дупница, Гъзница, Предница и т. н. Никой в българското първенство не може да рита силно и точно, даже от 2 м на празна врата, не знае къде е вратата даже. *(порицат.) Обяснение схожести чего-либо или кого-либо, „един другого стоит“*» [ТП 1: 33].

Група 2. Номинативные предложения

«*Въздух под налягане* (92 инф.). Типична самоаргументация (циркулярна аргументация) и въздух под налягане. Авторът на този текст отнася себе си към «прогресивни културолози» и се оплаква, че реакционерите ползват определени теорийки на Грамши за техните си реакционни цели. *‘О бессмысленной ситуации, пустых рассуждениях и безосновательных волнениях’*. Ср. рус. *Светит, да не греет* (РССПАС № 362)» [ТП 1: 46].

«*Всичко или нищо* (92 инф.). Нямаше никакво доказателство, само проблясъци, които можеха да означават всичко или нищо: откъслечи от подочути разговори, неясни драскотини по стените. *‘О колебании или решимости сделать что-либо, несмотря на возможный неуспех’*. Ср. рус. *Либо пан, либо пропал* (РССПАС № 284)» [ТП 1: 36].

«*От стара коза яре* (9 инф.). А и народът не напразно е казал „от стара коза яре“ — колкото по-зряла е една жена, толкова по-подготвена е тя да се грижи за бебето си, а и когато е имала достатъчно време да се образова и да се реализира в професията, детето расте в по-качествена среда. *‘Говорят об опытном человеке, его мудрости’*» [ТП 1: 181].

«*След дъжд качулка* (81 инф.). За пореден път видяхме, че когато се случи някаква трагедия, непосредствено след нея започват да се предприемат активни кампанийни мерки. Така е във всяка сфера на държавата. Такъв е и манталитетът ни — след дъжд качулка! *‘О заподамой помощи или услуге’*. Ср. рус. *После драки кулаками не машут* (РССПАС № 115)» [ТП 1: 211].

«*Халваджия за бозаджия* (2 инф.). „Халваджия за бозаджия“, казава народът. Изродът Пантев хвали урода Гоце. Пантев е самодоволен, самовлюбен, ехиден и мазен демагог, който винаги се е представял почти за дисидент от времето на Живков. *‘О сговоре или совместном решении двух или более людей помочь друг другу или действовать заодно’*. Ср. рус. *Рука руку моет* (РССПАС № 349)» [ТП 1: 224–225].

Група 3. Биноминативные предложения

«Дадена дума — хвърлен камък (86 инф.). „Дадена дума, хвърлен камък“, казва народът. Министър Данаилов с радост отчита, че благодарение на патриотичния заряд на този проект обещаеният срок е спасен и възстановеният български храм ще отвори врати на почитания от всички българи голям християнски празник Кръстовден. *‘О необходимости изпълнять свои обещания. Исполнение обещанного — вопрос чести’*. Ср. рус. *Сказано — сделано; Уговор дороже денег* (РССПАС № 375, № 435)» [ТП 1: 55–56].

«Девет баби — хилаво бебе (20 инф.). Стига сме го настройвали тоз дебиломер, че стана като в приказката «девет баби — хилаво бебе». Можете да заключвате темата, благодарая на всички колеги, които се включиха...

.....хилаво дете (29 инф.). Затова казвам, че въпреки всичко създаването на едно дете е много голяма отговорност и не трябва да се заслепяваме и да зачеваме само от страст и да раждаме само заради инстинктите си за майки. Когато отговорностите са разпределени между повече институции или хора, които не са на мястото си, става реална приказката — девет баби — хилаво дете. *‘В достижении какой-то цели лучше иметь мало людей, которые знают, что делают, чем много людей, но без взаимопонимания’*. Ср. рус. *У семи нянек дитя без глазу* (РССПАС № 262)» [ТП 1: 61].

«Език мой — враг мой (21 инф.). Език мой — враг мой. Лично за мен това твърдение е вярно, защото колкото и да ни е лесен нашият език, понякога той може така да ни обърка, че да не можем изобщо да се оправим в дадена ситуация. *‘Об умении держать язык за зубами, т.к. сказанное не к месту слово может привести к последствиям’*. Ср. рус. *Язык мой — враг мой* (РССПАС № 494)» [ТП 1: 78].

«Казана дума — хвърлен камък (96 инф.). Казана дума — хвърлен камък: мъжете са по-умни. *‘Прежде чем сказать что-то, нужно хорошо подумать, т.к. после сказанного не воротнешь’*. Ср. рус. *Слово — не воробей, вылетит — не поймаешь* (РССПАС № 380)» [ТП 1: 98];

«Речена дума — хвърлен камък (68 инф.). В България имаме една много хубава поговорка — «РЕЧЕНА ДУМА — ХВЪРЛЕН КАМЪК». Тази поговорка е много вярна. Тя ни разкрива както силата на думите, така и последствията от тях. *‘Предостережение о последствиях, к которым могут привести непродуманные заранее слова’*.

Ср. рус. *Уговор дорожке денег; Слово — не воробей, вылетит — не поймаешь* (РССПАС № 435, № 380)» [ТП 1: 201–202].

«*Сиромах човек — жив дявол* (41 инф.). Утре отивам и си изтеглям парите от всички банки! (не че са много, ама сиромах човек — жив дявол)! Закривам всички сметки и гласувам вот на недоверие на нашата банкова система! *‘Оправдание человека, который, потеряв всё, пойдёт на что угодно, лишь бы выжить’*. Ср. рус. *Голь на выдумки хитра* (РССПАС № 82)» [ТП 1: 210].

«*Старост — нерадост* (19 инф.). Старост — нерадост. Отивам да си боядисвам косата. Обичайното черно. *‘Жалоба на возраст и на то, что жизнь человека с возрастом меняется не в лучшую сторону.’* Ср. рус. *Старость — не радость* (РССПАС № 402)» [ТП 1: 215].

«*Сърдитко Петко, празна му торбата* (57 инф.). А забравих да те питам и в живота ли си толкова тънкообиден колкото тука не е хубаво щото нали знаеш *‘Сърдитко Петко празна му торбата’*.

.....му торбичка (4 инф.). Истината е, че без медиите един политик не може да просъществува и ден. Затова е по-добре да не се кара с тях, че може да го забравят. А покрай тях и избирателите. Като в народната поговорка: «Сърдитко Петко — празна му торбичка». *‘О том, что выражение обиды не принесёт никому дохода или пользы’*. Ср. рус. *На сердитых воду возят* (РССПАС № 369)» [ТП 1: 216–217].

Група 4. Два елиптически предложения в составе сложного

«*Аз на тебе, ти на мене* (75 инф.). Аз на тебе, ти на мене. Бургазлеви опоскаха аптеките в Бургас. *‘Пословица описывает отношения взаимного содействия’*. Ср. рус. *Услуга за услугу* (РССПАС № 443)» [ТП 1: 8].

«*Далеч от очите, далеч от сърцето* (70 инф.). Тази стара поговорка «Далеч от очите, далеч от сърцето» не е съвсем вярна. Връзка от разстояние, както и всички други неща, има своите и добри и лоши страни. *‘О непостоянстве любви, об изменении чувств при перемене обстоятельств’*. Ср. рус. *С глаз долой — из сердца вон* (РССПАС № 68)» [ТП 1: 57].

«*Днеска тука утре там* (65 инф.). Представете си, че боклука ще се извозва върху газопровод. Явно общината хал хабер си няма от

норми и нормативи, решава стихийно, днеска тука утре там. *‘О непостоянстве человеческой природы’*. Ср. рус. *Нынче здесь — завтра там* (РССПАС № 261)» [ТП 1: 64].

«Един за всички, всички за един (99 инф.). Вярвам, че ще имаме и общо бъдеще, вярвам, че ще потретим още по петнадесет години, въпреки различните ни характери, въпреки различните пътища, по които вървим, въпреки различните светове, в които живеем. Завинаги — един за всички, всички за един! Имах нужда да го напомня... *‘Эта пословица говорит о едином, цельном коллективе людей, где всех связывают общие цели, мировоззрение, взаимопонимание, взаимовыручка и взаимопомощь’*. Ср. рус. *Один за всех, все за одного* (РССПАС № 273)» [ТП 1: 73].

«И вълка сит, и агнето цяло (85 инф.). И вълкът сит, и агнето цяло, нововремци вземат енергетиката. *‘О возможности нахождения золотой середины — решения, при котором все стороны остаются довольны’*. Ср. рус. *И волки сыты, и овцы целы* (РССПАС № 52)» [ТП 1: 90].

«Лете без абичка, зиме без торбичка (22 инф.). Лете без абичка, зиме без торбичка... През лятото в българските планини се срещат условия, характерни и за четирите сезона. *‘О необходимости быть готовым к любой ситуации, всегда заранее думать о будущем’*. Ср. рус. *Готовь сани летом, а телегу зимой* (РССПАС № 355)» [ТП 1: 133–134].

«Мечка страх мен не (7 инф.). Мое любимо мото е «правя каквото трябва, пък да става каквото ще», което е подобно на онова от детството ми, когато се налагаше да пия хапчета — «мечка страх, мен не», макар че използвах и трика да «кривя» хапчето в лъжица с кисело мляко, не че не знам че е там, но поне не го виждам.

.....*мен не страх (76 инф.)*. Отначало не мислех да ходя но после си казах «мечка страх — мен не страх» и отидох...

.....*мене не (8 инф.)*. Изразът „Мечка страх, мене не!“ е заклинание за смелост. Има много народни поговорки, които показват връзката с дивия звяр: „Гладна мечка хоро не играе“, „Яде като мечка, работи като буболечка“, „Мечешка услуга“, „Който го е страх от мечка — да не ходи в гората“, „Когато мечката не ти гази ръжта, не я закачай!“. *‘Используется для внушения дополнительной уверенности, решимости перед началом какого-то дела или принятием решения’*. Ср. рус. *Чем черт не шутит!* (РССПАС № 478)» [ТП 1: 140].

«Очи пълни, ръце празни (86 инф.). Благодаря за «угощението», ама нали знаеш приказката, «очи пълни, ръце празни»... а гърлото сухо. ‘О зря потраченном времени, об опыте, который не принесёт пользы’. Ср. рус. Видит око, да зуб неймет (РССПАС № 274)» [ТП 1: 184].

Група 5. Пожелания

«От твоите уста в Божиите уши (77 инф.). Както се казва — от твоите уста в божиите уши. Честито на всички, получили покани. ‘Пожелание, чтобы чьи-то слова материализовались’. Ср. рус. Твои бы речи да Богу в уши (РССПАС № 337)» [ТП 1: 181-182].

«По заповед на шуката и по мое желание (2 инф.). По заповед на шуката и по мое желание — доброволци да не посочвам. Веднага си спретни един.

.....по моя молба (1 инф.). Обичахме баща ми да ни прожектира «По заповед на шуката и по моя молба», много добре правеше това: «Емеля, Емеля...» ‘Ссылка на сказочного персонажа. Употребляется в случае просьбы’. Ср. рус. По моему прошению, по шучьему веленью (РССПАС № 323) [ТП 1: 188].

«Прав ти път (74 инф.). Ако искаш да се правиш на хардкор линуксджия, при положение, че нищо не знаеш и се лигавиш със Slackware (защото си чул от някой, че е хакерска линукс дистрибуция), прав ти път. ‘Пожелание удачи в деле’. Ср. рус. Флаг тебе в руки! [ТП 1: 194]».

«Право куме в очи (13 инф.). Аиде сега право куме в очи кой мисли да напуска освен Трендафил и Томи. За тях знам какви са им причините да се махнат, според мен не им се чака да минат промените, и да се оправят нещата.

.....в очите (3 инф.). Ако не си доволен от нещо, или искаш да изясниш каквото и да е най-добрата тактика е «право куме в очите» пък ако ще има обидени — да се оправят.

.....в черни очи (1 инф.). Когато нещо не ти харесва — казвай си го «Право Куме в черни очи», без да ти пука, дали на другите ще им хареса или не!

.....в черните очи (2 инф.). Точно това и аз се опитвам да изясня, но явно така трябва ‘право Куме в черните очи’, защото като се опитвам деликатно да ‘разнищим’ нещата, тогава май най-

добре се вижда балканския ни нрав. *‘Призыв говорить правду, не скрывая истинных чувств, не боясь обидеть’*. Ср. рус. *Лучше горькая правда, чем сладкая ложь* (РССПАС № 311)» [ТП 1: 195].

Выводы

В нашем материале активных современных болгарских пословиц, которые были выявлены в ходе паремиологического социолингвистического эксперимента 2003/2004 гг. и описаны в учебном пособии «Тетради паремиографа. Выпуск 1» (2013) как пословичные параллели русских пословиц паремиологического минимума, были зафиксированы следующие структурные типы болгарских пословиц, имеющих структуру неполного предложения:

- простые предложения с эллипсисом глагола-связки, например: *Всяко зло за добро*;
- номинативные предложения, например: *Въздух под налягане*;
- биноминативные предложения, например: *Дадена дума — хвърлен камък*;
- два эллиптических предложения в составе сложного предложения, например: *Далеч от очите, далеч от сърцето*;
- пожелания, например: *От твоите уста в Божиите уши!*

Первые два структурных типа (простые предложения с эллипсисом глагола связки и номинативные предложения) и последний тип (пожелания) могут функционировать и как пословицы, и как фразеологизмы.

Сокращения

инф. — информант

РССПАС — Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2000. 360 с.

ТП 1 — Котова М. Ю., Колпакова А. А., Раина О. В. Тетради паремиографа. Выпуск 1. Болгарские пословичные параллели русских пословиц паремиологического минимума. / Под редакцией М. Ю. Котовой. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. 240 с.

Литература

Дуриданов И. Понятието изречение в съвременното езикознание // Български език. 1959. 9/3. С. 236–245.

Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2000. 360 с.

Котова М. Ю., Колпакова А. А., Раина О. В. Тетради паремнографа. Выпуск 1. Болгарские пословичные параллели русских пословиц паремнологического минимума. / Под редакцией М. Ю. Котовой. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. 240 с.

Пашов П. М. Практическа българска граматика. София: Нар. просвета, 1989. 375 с.

А. Г. Мосинец, А. С. Киселева

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург (Россия)

ПЕРЕВОД БОЛГАРСКИХ ПРЕДИКАТОВ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ВОЗДУХА НА РУССКИЙ ЯЗЫК¹

В статье на материале параллельных болгарско-русских текстов рассматриваются русские переводческие соответствия болгарским предикациям с глаголами *лъхна/лъхвам, облъхна/облъхвам, лъхам*. Данные глаголы сообщают о воздушном потоке, воздействующем на перцептивные ощущения субъекта. В болгарском такие предикации оформляются двусоставными предложениями, роль подлежащего играет обозначение воздушного потока. При переводе на русский, как правило, используется безличная конструкция, а обозначение воздушного потока становится косвенным дополнением.

Ключевые слова: *одористическая лексика, болгарский язык, воздействие запахом, безличные конструкции, перевод.*

В статье на материале параллельных болгарско-русских текстов рассматриваются русские переводческие соответствия болгарским глаголам *лъхна/лъхвам, облъхна/облъхвам, лъхам*, а также особенности синтаксических конструкций с этими глаголами в болгарском языке в сравнении с русским.

В фокусе нашего внимания находятся болгарские предложения, сообщающие о воздействии свойств воздушного потока (какого-либо запаха, холода, тепла и под.) на человека, например, *лъхна го хлад*. В болгарском языке такие предикации, как правило, оформляются

© Мосинец А. Г., Киселева А. С., 2023.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-512-18005) и Национального научного фонда Болгарии (КП-06-П РУСИЯ-78, 2020 г.).

двусоставными предложениями, в которых позицию подлежащего занимает обозначение воздушного потока. В русском языке подобные предложения обычно оформляются безличной конструкцией. Такие различия в построении связаны с различиями в языковых системах болгарского и русского языков. По выражению И. Георгиева, в русском языке «отсутствие субъекта действия отмечено подлинно безличной формой среднего рода прошедшего времени», которая исключает возможность связи с подлежащим (*поволокло, ударило, обожгло*). В болгарском же языке формы типа *повлече, удари, опари* не могут служить формальным маркером безличности из-за омонимии с личными, кроме того, они совмещают признаки 2 и 3 л. [Георгиев 1990: 43–44]

Материал исследования. Для исследования были отобраны соответствующие этому описанию болгарские предложения с однокоренными глаголами *лъхна/лъхам, лъхам, облъхна/облъхам*. По данным лексемам проведен поиск в параллельных русско-болгарских корпусах (Болгарский параллельный корпус в рамках Национального корпуса русского языка (на основе Параллельного корпуса русских и болгарских текстов¹); Корпус параллельных русских и болгарских текстов Великотырновского университета им. святых Кирилла и Мефодия)² [Гочев 2011]. Выборка насчитывает 40 употреблений.

Семантика глаголов группы *лъхна*. В семантику всех глаголов группы *лъхна* встроена идея дуновения ветра, перемещения воздуха. Значением *лъхна*, которое реализуется и в нашей выборке, является следующее: «1. За вятър — изведнъж и за кратко време започвам да лъхам, да духам леко. 2. За някакъв дъх, мирис и под. — като се излъчвам, отделям отнякъде, леко и за кратко време докосвам някого; облъхам» [Речник на българския език].

Схожие определения имеют и глаголы *лъхам, облъхна/облъхам*³. То есть семантика болгарских глаголов подразумевает наличие воздушной струи (ветра, холода, запаха и под.) как активного деятеля. Для глаголов *лъхна* и *лъхам* (но не *облъхна/облъхам*) фиксируется и безличное употребление, однако в нашей выборке присутствует только единичный пример безличного употребления — для глагола *лъхна*.

¹ ruscorpora.ru

² rbcopus.com

³ Отметим, что связь с запахом у данных болгарских глаголов отмечается лишь во втором значении, а в первом значении они соотносятся с перемещением воздуха.

Анализируемые глаголы имеют грамматические отличия. Наиболее важным является возможность экспликации экспериенциального участника. В предложениях с глаголом *лѣхна* прямое дополнение, маркирующее экспериенцера, может как присутствовать, так и отсутствовать (что описано в словаре как разные оттенки значения данного глагола: переходный *лѣхна* и непереходный *лѣхна*). Таким образом, в предложениях с глаголами *лѣхна* экспериенцер не является обязательным участником конструкции. Глагол *облѣхна/облѣхам* является переходным, более того, экспериенцер при нем является актантом и не может быть опущен. Это сближает данный глагол с русским *обдаты/обдавать*.

Перевод предложений с глаголами группы *лѣхна* на русский язык. В болгарско-русских словарях в качестве русских соответствий указываются для *лѣхна* глаголы *обдаты, повеять*, для *облѣхна* — *овеять, обдаты, обвеять*, для *лѣхам* — *обдавать, веять, нести, тянуть* [Бернштейн 1986; Чобанова 2007], в значение которых также встроена идея о движении ветра или воздушной струи. Все эти глаголы зафиксированы и в нашем материале. При этом наиболее распространенное соответствие болгарскому *лѣхна* — русский глагол *пахнуть*, а также *овеять*, глаголу *облѣхна* — *дохнуть, обдаты* и *овеять*, глаголу *лѣхам* — *нести, веять, тянуть*. Болгарский глагол *лѣхна* сближает с русским *пахнуть* возможность отсутствия экспериенцера, в то время как при переводе с помощью *обдаты*, как предлагается в словаре, наличие экспериенцера в предложении обязательно.

Рассмотрим возможные синтаксические конструкции при переводе болгарских предложений с данными глаголами.

1. Наиболее распространенным способом перевода в нашей выборке является перевод с помощью безличных конструкций: *Лѣхна я мразовит въздух* (Д. Димов). — *На нее пахнуло морозным воздухом* (пер. И. Марченко, А. Собковича); *Облѣхна я свеж вятър от Сиера Дивисория* (Д. Димов). — *Ее обдало свежим ветром со Сьерра-Дивисории* (пер. Т. Рузской); *От Докторската градина лѣхаше мирис на изгнили, влажни листа* (Д. Димов). — *Из Докторского сада тянуло запахом гниющих листьев* (пер. И. Марченко, А. Собковича). А Градинарова объясняет такое различие синтаксических конструкций тем, что «в отличие от русского Субъекта восприятия болгарский Экспериенцер не видит неидентифицированных Сил в ситуации перемещения запаха. Ситуации, передаваемые русскими предложениями с компонентом «идентифицированный запах» в форме Творительного

орудия или средства, болгарскому воспринимающему Субъекту видятся в другом ракурсе. Воздействующий на Экспериенцера запах оценивается как участник, создающий ситуацию, и кодируется Номинативом» [Градинарова 2003: 7].

2. В нашем материале зафиксирован также перевод с помощью русских двусоставных предложений, где воздушный поток является подлежащим, как и в болгарском оригинале: *Лъхна я миризма на гума, на бензин и парфюми* (Д. Димов). — *Ее обдавали запахи резиновых шин, парфюмерии и бензина* (пер. И. Марченко, А. Собковича). Стоит заметить, что для большинства русских словарных соответствий данных глаголов характерно безличное употребление, поэтому при таком способе перевода выбираются глаголы, не являющиеся прямыми словарными соответствиями переводимых. Используются другие одористические глаголы типа *струиться, разноситься, исходить, издавать, подниматься, ударить* и др.: *От прозорците, отворени към ливадата, лъхаше миризма на озон, дъх на мокра земя и полски цветя* (Д. Димов). — *Из открытых окон, выходящих на лужайку, струился запах озона, мокрой земли и полевых цветов* (пер. Т. Рузской); *Лъхна я свеж мирис на тор* (П. Константинов). — *В нос ударил резкий запах навоза* (пер. Н. Нанкиновой, К. Козовской); *Слънцето припичаше, от разбитата изронена настилка на шосето лъхаше душен, сгорещен въздух* (А. Гуляшки). — *Солнце припекало; от разбитого, сыпучего настила шоссе поднимался горячий, душный воздух* (пер. Н. Глен).

3. Наименее распространенный вариант перевода — перевод с помощью двусоставных предложений, где экспериенцер занимает место подлежащего в русском языке. При этом в русском переводе используются не одористические глаголы, а лексика, выражающая чувственное восприятие: *Грозев се облегна на прозореча. Лъхна го освежителният хлад на чудната вечер* (П. Константинов). — *Грозев ощущал ласковое дуновение ветерка на разгоряченном лбу* (пер. Н. Нанкиновой, К. Козовской); *Ние се промъкнахме покрай няколко маси и докато си проправяхме път, аз усещах да ме лъха в лицето една невероятно приятна миризма* (А. Гуляшки). — *Пока мы пробирались между столиками, я уловил чрезвычайно приятный запах* (пер. Н. Поповой).

Таким образом, основными русскими соответствиями болгарским предложениям с глаголами воздействия запахом являются безличные конструкции с глаголами *пахнуть, обдавать, нести, дохнуть, тянуть, веять*, также имеющими в своей семантике идею перемеще-

ния воздушной струи. При этом обозначение запаха, выступающее в болгарском языке в роли подлежащего, в русском занимает место орудия в творительном падеже. При менее распространенном способе перевода — с помощью двусоставных предложений, где обозначение запаха в русском языке сохраняет роль подлежащего, — выбираются другие лексемы: *исходить*, *ударить*, *разноситься*, *струиться* и др. Кроме того, возможен перевод с помощью двусоставных конструкций, где место подлежащего в русском тексте занимает экспериенцер оригинального предложения.

Литература

Бернштейн С. Б. Болгарско-русский словарь: Около 58 000 слов. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1986. 768 с.

Георгиев И. Безличные предложения в русском и болгарском языках. София, 1990.

Гочев Г. Н. Проект «Корпус параллельных русских и болгарских текстов» // Президиум МАПРЯЛ 2007–2010. Сборник научных трудов. СПб., 2011. С. 38–48.

Градинарова А. О специфике болгарского экспериенцера в сравнении с русским (на материале болгарских и русских предложений со значением восприятия) // Болгарская русистика. 2003. Вып. 3–4. С. 5–9.

Речник на българския език. Т. 1–15. София: Институт за български език, 1977–2015. URL: <http://ib1.bas.bg/rbe/> (15.08.2023).

Чобанова Р. Руско-български / Българско-руски речник. София: Колибри, 2007 г. 1032 с.

Е. В. Тимонина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва (Россия)

ВСЕРОССИЙСКИЙ СТУДЕНЧЕСКИЙ КОНКУРС ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА С БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Болгаристы филологического факультета и факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова с 2001 г. проводят Всероссийский студенческий конкурс художественного перевода с болгарского языка на русский. Переводы публикуются

и являются материалом для исследований. Ежегодно среди лучших переводов — работы студентов СПбГУ, в чьей подготовке велика роль преподавателей кафедры славянской филологии филологического факультета СПбГУ и, конечно, к. ф. н. доц. З. К. Шановой.

Ключевые слова: *художественный перевод, болгарский язык, конкурс*

С 2001 года каждый год кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова и кафедры славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова проводят Всероссийский студенческий конкурс художественного перевода с болгарского языка на русский язык.

Специалисты со знанием болгарского языка в России всегда относились к категории редких. В СССР таких специалистов готовили на специализированных отделениях славянской филологии филологических факультетов крупнейших вузов страны (в МГУ им. М. В. Ломоносова также на историческом, экономическом, географическом, юридическом, философском факультетах и на факультете журналистики с учетом специфики этих факультетов), в МГИМО МИД, в Дипломатической академии МИД, в Академии внешней торговли, а на филологических факультетах всех классических университетов филологам-русистам читался годовой курс болгарского языка.

После распада СССР полный цикл всесторонней подготовки болгаристов-филологов сохранился лишь на филологических факультетах МГУ им. М. В. Ломоносова, СПбГУ и в Академии славянской культуры (ныне — Институт славянской культуры (на правах факультета) Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина (Технология. Дизайн. Искусство.)), переводчиков, культурологов, историков, журналистов со знанием болгарского языка — на факультете иностранных языков и регионоведения, на историческом факультете и факультете журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, дипломатов со знанием болгарского языка — в МГИМО МИД РФ и в Дипломатической академии МИД РФ. Еще в немногим более чем десяти вузах РФ болгарский язык преподается как ознакомительный или факультативный курс.

Учитывая вышесказанное, понятно, почему не во всех вузах России, где преподается болгарский язык, есть специальные занятия по теории и практике перевода вообще и художественного перевода в

частности для дальнейшей работы на материале болгарского языка. Это связано с количеством часов, выделяемых для изучения болгарского языка, и с целью изучения этого языка. Такие занятия могут определяться основной специальностью, как, например, в МГИМО МИД, где главный акцент делается на специфике дипломатического перевода, но занятия могут быть и общеознакомительными факультативными. Всесторонняя же подготовка филолога-болгариста дает возможность основательно познакомить студентов (и в теории, и на практике) с разными направлениями переводческой деятельности и, конечно, со спецификой художественного перевода — как это и происходит, например, на славянском отделении филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Для начинающего переводчика очень важен взгляд «со стороны» — аргументированное мнение опытного специалиста. Поэтому болгаристы двух факультетов МГУ им. М. В. Ломоносова — филологического факультета и факультета иностранных языков и регионоведения — с 2001 г. ежегодно проводят Всероссийский студенческий конкурс художественного перевода с болгарского языка на русский. В нем постоянно участвуют студенты и аспиранты разных факультетов МГУ им. М. В. Ломоносова, филологического факультета СПбГУ, МГИМО МИД, Академии славянской культуры и в разные годы студенты Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (г. Москва), Брянского государственного университета (г. Брянск), Юго-Западного федерального университета (г. Курск), Саранского научно-исследовательского университета (г. Саранск), Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (г. Уфа), Тверского государственного университета (г. Тверь), Самарского национального исследовательского университета им. С. П. Королева (г. Самара), Кубанского государственного университета (г. Краснодар), Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (г. Сыктывкар). Начиная с 2018 г., организаторы конкурса разрешили участвовать в нем тем, кто изучает болгарский язык самостоятельно или на языковых курсах (с ограничением возраста — до 25 лет). В последние годы в конкурсе участвуют слушатели курсов болгарского языка Болгарского культурного института (г. Москва). Симптоматично, что в конкурсе этого года расширилась география участников, самостоятельно изучающих болгарский язык: Ростов-на-Дону, Красноярск, Тольятти, Москва.

Для обязательного перевода конкурсантам предлагаются один или два рассказа болгарских авторов, чье творчество заслужило признание и болгарских читателей, и литературоведов и критиков. Специальными грамотами и подарками награждаются конкурсанты, занявшие 1, 2 и 3 места или впечатлившие жюри стилистическими или иными успехами. До недавнего времени в награждении победителей и призеров конкурса участвовало Посольство Республики Болгария в РФ и Министерство науки и образования Болгарии: они награждали победителя конкурса поездкой на летнюю языковую школу в Софийский университет им. Св. Климента Охридского (Болгария).

На протяжении многих лет председателем жюри конкурса была доц., к. ф. н. З. И. Карцева, уникальный ученый-литературовед, преподававший историю болгарской литературы на кафедре славянской филологии филологического факультета МГУ, и высококлассный переводчик болгарской литературы. Например, в серии «Новый болгарский роман» (совместный проект Всероссийской библиотеки иностранной литературы им. М. Рудомино и Болгарского культурного института при поддержке Министерства культуры Болгарии) (все в этой серии к настоящему моменту опубликовано девять книг) в переводе З. И. Карцевой вышли роман «Матери» Теодоры Димовой (2012), роман «Олени» Светозара Игова (2014) и два романа Эмили Дворяновой — «Концерт для слова» (2016) и «У входа в море» (2016)¹. Зоя Ивановна со знанием дела, удивительно тонко подбирала произведения для конкурса. Когда же, к нашему огромному сожалению, Зоя Ивановна закончила свою преподавательскую и научную деятельность на филологическом факультете, жюри конкурса (доц., к. ф. н. В. Н. Гливинская, доц., к. ф. н. И. В. Платонова, доц., к. ф. н. О. А. Ржанникова (до 2015 г.), ст. преп. Е. В. Тимонина и ст. преп., к. ф. н. М. Н. Белова (с 2015 г. по настоящее время)) осуществляет выбор конкурсных произведений, опираясь на результаты литературных конкурсов в Болгарии, на мнения болгарских и российских критиков и литературоведов и советы специалистов-носителей языка — лекторов болгарского языка (преподавателей болгарских университетов и Болгарской академии наук) в МГУ им. М. В. Ломоносова. Кроме того, в тексте, предлагаемом для перевода, обязательно должны быть разнообразные т. наз. «переводческие трудности».

¹ Все переводы З. И. Карцевой см. <https://fantlab.ru/translator7132>.

Когда задумывался конкурс перевода, организаторы исходили из того, что первый этап обучения художественному переводу предполагает «выход» студента за рамки привычного учебного перевода, понимание необходимости привлекать свои знания по истории, культуре, литературе Болгарии, болгарской диалектологии и стилистике, использовать личный страноведческий опыт. Следующий этап — осознание студентом своей роли не только как переводчика (кем-то предложенного текста), но и как человека, способного выбрать произведения, достойно представляющие болгарскую литературу на мировом уровне и интересные российскому читателю, т. е. как человека, сближающего два культурных мира — болгарский и русский.

Первоначально у конкурса была одна цель — заинтересовать студентов самим процессом художественного перевода. Однако по мере того, как список участников расширялся и среди них появлялись студенты тех вузов, где количество часов, отведенных на изучение болгарского языка меньше, чем, скажем, в МГУ им. М. В. Ломоносова или СПбГУ, вузов, где нет курсов по истории, культуре и литературе Болгарии, у конкурса появилась еще одна задача — дать участникам стимул к знакомству с историей и культурой Болгарии: страноведческие знания необходимы переводчику.

Первый очень важный итог конкурса: уже первые конкурсы выявили студентов с явными способностями и интересом к художественному переводу. Через какое-то время жюри сочло возможным предложить лучшие переводы для публикации в рецензируемом мультиязычном научном электронном журнале филологического факультета *Stephanos* (в 2015 г.) и в сборниках «Студентско преводаческо майсторство: преводи на млади преводачи» (2012, 2019 и 2021 гг.), выпускаемых Велико-Тырновским университетом им. Св. Кирилла и Св. Мефодия (Болгария). Несомненно, эти публикации стали важным стимулом для студентов.

В каждом конкурсе участвуют студенты и аспиранты СПбГУ, и каждый раз их переводы оказываются в числе лучших. Назовём лишь несколько имен: Светлана Апарина, Диана Балашевич, Александра Ерёмченко, Дарья Кобзева, Алёна Козлова, Анастасия Мосинец, Анна Скопылатова.

В формировании этих молодых болгаристов-переводчиков велика роль преподавателей кафедры славянской филологии филологического факультета СПбГУ и, конечно, чрезвычайно значима роль к.ф.н.

доцента Зои Кузьминичны Шановой, опытнейшего, вдумчивого, эффективного в подготовке студентов преподавателя.

Отметим особо, что представительница СПбГУ Анастасия Мосинец, неоднократно побеждавшая в конкурсе, в настоящее время читает на филологическом факультете СПбГУ курс «Вопросы художественного перевода с болгарского языка». Надеемся, участие в конкурсе помогло молодому преподавателю в работе над курсом.

Организаторы конкурса понимают, что талантливых переводчиков — единицы и даже им сложно превратить свой талантливый перевод в изданную книгу. Проведение переводческих конкурсов важно в том числе и для формирования нового поколения российских переводчиков болгарской художественной литературы — поколения, которое формируется после более чем 20-летнего практически полного отсутствия профессиональных переводов болгарской литературы на русский язык, о чем говорилось в 2016 г. на Первом российско-болгарском семинаре Школы молодого переводчика «Россия—Болгария» [Тимонина 2019: 314–321], организованном Институтом перевода (Россия) и Всероссийской библиотекой иностранной литературы им. М. И. Рудомино при поддержке Посольства Республики Болгария и филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. В семинаре активно участвовали представители Софийского университета им. Св. Климента Охридского, Велико-Тырновского университета им. Св. Кирилла и Св. Мефодия и Пловдивского университета им. Паисия Хилендарского, а также студенты, аспиранты и преподаватели из Москвы, Санкт-Петербурга, Курска.

Много переводов делается «в стол», но есть и серьезные успехи: выдержавший в Болгарии десять изданий и переведенный на 21 язык роман «Естественный роман» («Естествен роман») Георги Господинова (одной из ключевых фигур литературного процесса современной Болгарии, по мнению редакции российского журнала «Иностранная литература», первым издавшего перевод этого произведения в России в 2010 г.) вышел на русском языке в переводе выпускницы филологического факультета МГУ Марии Ширяевой¹. Её переводы Ст. Стратиева, Й. Радичкова, В. Паскова, И. Давидкова, П. Чухова,

¹ Первоначально он был опубликован в журнале «Иностранная литература» (2010), а затем в серии «Новый болгарский роман» (совместный проект Всероссийской библиотеки иностранной литературы им. М. Рудомино и Болгарского культурного института при поддержке Министерства культуры Болгарии) (2012).

Г. Господинова и многих других поэтов и прозаиков, а также статьи публиковались в периодических изданиях, сборниках рассказов и поэтических антологиях. Мария пишет статьи об искусстве и литературе в болгарских журналах. Повесть Виктора Паскова «Незрелые убийства» («Неврѣстни убийства») в сборнике «Детские истории взрослого человека» представлена российскому читателю в серии «Новый болгарский роман» в переводе выпускницы филологического факультета МГУ Антонины Тверицкой. Две болгарские пьесы в ее переводе на русский язык изданы одним из самых известных издательств Болгарии — издательством «Изток—Запад» (София, Болгария). В 2021 г. Болгарский культурный институт при поддержке Министерства культуры Болгарии, издательства «Изток—Запад» (София, Болгария) и Электротеатра Станиславский (Москва) представили новые болгарские пьесы, в том числе и две пьесы в переводе А. Тверицкой.

Второй весьма интересный результат конкурса: кроме того, что студенты — участники конкурса публикуют не только свои переводы произведений болгарской художественной литературы и многочисленные переводы научных работ, например, для Института славяноведения РАН, Мандельштамовской энциклопедии и т. д., они сами пишут научные работы по проблемам перевода: таковы, например, статья А. Тверицкой (выпускницы славянского отделения филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова) «Лексема «един» в болгарском языке как переводческая проблема» или исследовательские работы М. Раевской (выпускницы факультета журналистики, изучавшей болгарский язык на кафедре славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова) о первых переводах поэзии Владимира Высоцкого на болгарский язык, о переводах Булата Окуджавы и Осипа Мандельштама на болгарский язык.

Третий, не планировавшийся изначально, но очень существенный результат конкурса: студенческие переводы дали богатейший материал для изучения и порой неожиданных научных наблюдений самим членам жюри конкурса. Появились чрезвычайно интересные исследования доц., к. ф. н. В. Н. Гливинской [Гливинская 2021: 145–152; Гливинская 2018: 283–285; Гливинская 2014: 97–109] и работы, написанные в соавторстве доц., к. ф. н. О. А. Ржанниковой и ст. преп. Е. В. Тимониной [Ржанникова, Тимонина 2012: 363–368; Ржанникова, Тимонина 2013: 368–393; Ржанникова, Тимонина 2014: 110–116; Ржанникова, Тимонина 2016: 268–272]. Эти работы, с одной стороны,

позволяют совершенствовать теоретические и практические занятия по художественному переводу, а с другой стороны, дают возможность с новой точки зрения посмотреть на многие проблемы болгарской грамматики, лексики, стилистики.

Конкурс будет продолжаться, поскольку интерес к нему не иссякает. Своеобразной иллюстрацией интереса к конкурсу представляется интервью газете «Московский университет» (2023, № 6, с. 10) [Некрасова 2023: 10] выпускниц магистратуры филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова 2023 г. Ксении Полковниковой, Вероники Доценко (направление «Русская филология») и Анны Солощенко (кафедра русского языка), ставших лауреатами 23-го Всероссийского студенческого конкурса художественного перевода с болгарского языка на русский, который проводят кафедра славянской филологии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова и кафедра славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова. В группе участников конкурса 2023 г., изучающих болгарский язык 3–4 семестра, первое место присуждено Ксении Полковниковой, а в числе занявших третье место — Вероника Доценко и Анна Солощенко.

В планах организаторов конкурса — проведение online семинаров для участников, на которых анализируются конкурсные переводы (первый такой семинар успешно прошел в мае 2023 г.), и максимальная консолидация вокруг конкурса тех российских высших учебных заведений, где сейчас изучается болгарский язык.

Литература

Гливинская В. Н. Типология переводческих ошибок (на материале курсных переводов художественного текста с болгарского на русский // Актуальные проблемы славянской филологии, культуры и журналистики: Материалы I Международной научной конференции. Нижний Новгород, 2021. С. 145–152.

Гливинская В. Н. К вопросу о культурной интерференции при переводе // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация. Сборник научных трудов. Вып. 2. М., 2018. С. 283–285.

Гливинская В. Н. Информативный объем слова и перевод // Трети международен конгрес по българистика 23–26 май 2013 г. София, 2014. С. 97–109.

Некрасова Л. Ощущение подлинного чуда // Московский университет. № 06 (4588), июнь 2023. С. 10.

Ржанникова О. А., Тимонина Е. В. Болгарские несвидетельские формы как переводческая проблема (на материале работ, представленных на студенческий конкурс художественного перевода с болгарского языка на русский) // Русистика: язык, культура, перевод: Сборник докладов юбилейной международной научной конференции (София, 23–25 ноября 2011 г.). София, 2012. С. 363–368.

Ржанникова О. А., Тимонина Е. В. О некоторых стилистических трудностях при переводе художественного текста (на материале переводов с болгарского языка на русский) // Лексикография. Язык. Речь. Сборник статей памяти Анны Липовской. София, 2013. С. 368–393.

Ржанникова О. А., Тимонина Е. В. Междуетничката граматична асиметрия като преводачески проблем (анализ на студентски преводи на произведение на българската художествена литература) // Трети международен конгрес по българистика 23–26 май 2013 г. София, 2014. Том 15. С. 110–116.

Ржанникова О. А., Тимонина Е. В. О некоторых проблемах обучения художественному переводу (на материале работ, представленных на Российский студенческий конкурс художественного перевода с болгарского языка на русский) // Художественный перевод и его роль в литературном процессе Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2016. С. 268–272.

Тимонина Е. В. Преподавание болгарского языка в вузах России в XXI в. как база подготовки нового поколения переводчиков-болгаристов // Славянский сборник: язык, литература, культура. М., 2019. С. 314–321.

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ ЗОИ КУЗЬМИНИЧНЫ ШАНОВОЙ

2023

Шанова З. К. (в соавторстве с *Ивановой Е. Ю., Димитровой Д.*) Болгарский язык. Курс для начинающих. 4-е изд., испр. и доп. СПб.: КАРО, 2023 (в печати).

2020

Шанова З. К. К 25-летию Державинских чтений // XXV Державинские чтения. Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики. Сборник статей по материалам XLIX Международной филологической конференции, посвященной памяти Людмилы Алексеевны Вербицкой (1936–2019). СПб., 2020. С. 3–8.

Шанова З. К. (в соавторстве с *Ивановой Е. Ю.*) *Отв. ред.:* XXV Державинские чтения. Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики. Сборник статей по материалам XLIX Международной филологической конференции, посвященной памяти Людмилы Алексеевны Вербицкой (1936–2019). СПб., 2019. 128 с.

2019

Шанова З. К. Българистичната школа в Санктпетербургския държавен университет. Практическият български език в бакалавърската степен на Санктпетербургския университет // Български език и литература. 2019. № 4. С. 343–353.

Шанова З. К. (в соавторстве с *Васильевой О. В.*) *Отв. ред.:* XXIV Державинские чтения. Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики. Сборник статей по материалам XLVIII Международной филологической конференции. 18–27 марта 2019 г. СПб., 2019. 64 с.

2018

Шанова З. К. Принципы лексикографического описания авторского языка в «Словаре языка Христо Ботева» (Речник на езика на Хр. Ботев. София, 1960) и в «Словаре поэзии Николы Вапцарова» (СПб., 1998–2010) // XXIII Державинские чтения. Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики. Сборник статей по материалам XLVII Международной филологической конференции. / *Отв. ред. О. В. Васильева, З. К. Шанова.* 19–28 марта 2018 г. СПб., 2018. С. 97–105.

Шанова З. К. (в соавторстве с *Васильевой О. В.*) *Отв. ред.:* XXIII Державинские чтения. Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики. Сборник статей по материалам XLVII Международной филологической конференции. 19–28 марта 2018 г. СПб., 2018. 108 с.

2017

Шанова З. К. Славянские языки и культура славян в школах Санкт-Петербурга // XXII Державинские чтения. Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики. Сборник статей по материалам XLVI Международной филологической конференции 13–22 марта 2017 г. / Отв. ред. О. В. Васильева, З. К. Шанова. СПб., 2017. С. 5–14.

Шанова З.К. (в соавторстве с *Васильевой О. В.*) *Отв. ред.:* XXII Державинские чтения. Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики. Сборник статей по материалам XLVI Международной филологической конференции. 13–22 марта 2017 г. СПб., 2017. 107 с.

Шанова З. К. (в соавторстве с *Ивановой Е. Ю., Димитровой Д.*) Болгарский язык. Курс для начинающих. 3-е изд., испр. СПб.: КАРО, 2017. 368 с.

Shanova Z. (coauthored with *Guseva O., Zhakova N., Drakulich-Prijma D.*) Lecturers from Slavonic countries and their role in educational process at Slavonic philology department of the Saint Petersburg/Leningrad State University // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research (ASSEHR)*. Vol. 122. 45th International Philological Conference (IPC 2016). 2017. P. 272–277.

2016

Шанова З. К. Двухязычный словарь поэзии Н. Вапцарова как реализация идей Б. А. Ларина // XXI Державинские чтения. Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики. Сборник статей по материалам XLV Международной филологической конференции 14–21 марта 2016 г. СПб., 2016. С. 67–74.

Шанова З. К. Лекторы из Болгарии // XXI Державинские чтения. Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики. Сборник статей по материалам XLV Международной филологической конференции 14–21 марта 2016 г. СПб., 2016. С. 19–25.

Шанова З. К. (в соавторстве с *Гусевой О., Жаковой Н., Дракулич-Прийма Д.*) Лекторы из славянских стран и их роль в учебном процессе на кафедре славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета // XLV Международная филологическая конференция. 14–21 марта 2016 г. Тезисы докладов. СПб., 2016. С. 451–452.

Шанова З. К. Лекторы из славянских стран и их роль в учебном процессе на кафедре славянской филологии ЛГУ/СПбГУ // XXI Державинские

чтения. Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики. Сборник статей по материалам XLV Международной филологической конференции 14–21 марта 2016 г. СПб., 2016. С. 4–5.

Шанова З. К. Международная конференция «Научное наследие и развитие идей Юрия Сергеевича Маслова» // Славяноведение. 2016. № 1. Январь-февраль. С. 122–124.

2015

Шанова З. К. Болгарский язык после Второй мировой войны // Вторая мировая война в славянских литературах и языках. Тезисы докладов на международной научной конференции 10–11 ноября 2015 г. М., 2015. С. 96–97.

Шанова З. К. Валентин Арсеньев — русский поэт и переводчик в Болгарии // Российская эмиграция в славянских странах. СПб.: Росток, 2015. С. 22–30.

Шанова З. К. Институт славяноведения (1931–1934) в стенах Библиотеки Академии наук // Петербургская библиотечная школа. 2015. № 4 (52). С. 59–63.

Шанова З. К. К 20-летию Державинских чтений // XX Державинские чтения. Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики. Материалы XLIV Международной филологической конференции 10–15 марта 2015 г. СПб., 2015. С. 121–127.

Шанова З. К. К 20-летию Державинских чтений // XLIV Международная филологическая конференция. 10–15 марта 2015 г. Тезисы докладов. СПб., 2015. С. 410–411.

Шанова З. К. (в соавторстве с *Порочкиной И. М.*) *Ред.*: Российская эмиграция в славянских странах. Выпуск четвертый. СПб.: Росток, 2015. 144 с.

Шанова З. К. (в соавторстве с *Мокиенко В. М.*) Славистика в Санкт-Петербургском университете: к 180-летию кафедры славянской филологии // *Slavia: časopis pro slovanskou filologii*. 2015. Т. 84. № 4. С. 479–485.

Шанова З. К. Творчество Йордана Йовкова в России // XX Державинские чтения. Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики. Материалы XLIV Международной филологической конференции 10–15 марта 2015 г. СПб., 2015. С. 108–120.

Шанова З. К. (в соавторстве с *Ивановой Е. Ю.*) *Отв. ред.*: XX Державинские чтения. Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики. Материалы XLIV Международной филологической конференции 10–15 марта 2015 г. СПб., 2015. 132 с.

2014

Шанова З. К. Болгарская академия наук — прошлое и настоящее. К 145-летию // XIX Державинские чтения. Современные и исторические

проблемы болгаристики и славистики. Материалы XLIII Международной филологической конференции 11–15 марта 2014 г. СПб., 2014. С. 65–72.

Шанова З. К. (в соавторстве с *Ивановой Е. Ю.*, *Димитровой Д.*) Болгарский язык. Курс для начинающих. 2-е изд., испр. СПб.: КАРО, 2014. 368 с.

Шанова З. К. Болгария и болгарский язык в жизни и творчестве Юрия Сергеевича Маслова // Международная конференция «Научное наследие и развитие идей Юрия Сергеевича Маслова». 20–22 ноября 2014 года. Тезисы. СПб., 2014. С. 207–209.

Шанова З. К. Граматични въпроси на превода от български на руски език // Трети международен конгрес по българистика. 23–26 май 2013 г. София. Секция «Български език». Подсекция «Българистиката в чужбина. Преподаване на български език. София, 2014. С. 117–122.

Шанова З. К. Институт славяноведения (1931–1934) в стенах Библиотеки Академии наук // «Библиотека Академии наук: 300 лет служения науке». Юбилейная научная конференция, посвященная 300-летию Библиотеки Российской академии наук. 27–28 ноября 2014 г. Тезисы докладов. СПб., 2014. С. 89.

Шанова. З. К. От редактора // Диалог славянских культур. Выпуск 3. Материалы Пятнадцатой городской научно-практической конференции молодых славистов — первокурсников СПбГУ и школьников. СПб., 2014. С. 6–7.

Шанова З. К. (в соавторстве с *Гусевой О. В.*, *Бодровой А. Г.*, *Князьковой В. С.*, *Сергеевко О. С.*, *Боевой Н. Е.*, *Васильевой О. В.*, *Раина О. В.*, *Драчулич-Прийма Д.*, *Муцинской В. В.*, *Зеновской П. Е.*, *Котовой М. Ю.*, *Бершадской М. Л.*, *Жаковой Н. К.*, *Мальковым М. П.*, *Мининым О. И.*, *Аникиной Т. Е.*, *Ивановой Е. Ю.*) Славяно-германская компаративистика – профиль магистратуры кафедры славянской филологии. Методические рекомендации для студентов к учебному плану. СПб., 2014. 346 с.

Шанова З. К. (в соавторстве с *Ивановой Е. Ю.*) Третий международный конгресс по болгаристике // ЯЛИК. Научно-информационный бюллетень. СПбГУ. № 89. 2013. С. 4–5.

Шанова З. К. Отв. ред.: Диалог славянских культур. Выпуск 3. Материалы Пятнадцатой городской научно-практической конференции молодых славистов – первокурсников СПбГУ и школьников. СПб., 2014.

Шанова З. К. (в соавторстве с *Ивановой Е. Ю.*) *Отв. ред.:* XIX Державинские чтения. Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики. Материалы XLIII Международной филологической конференции 11–15 марта 2014 г. СПб., 2014. 72 с.

2013

Шанова З. К. Болгарский язык в архивных материалах И. И. Срезневского // XLI Международная филологическая конференция. Избранные труды. СПб., 2013. С. 221–228.

Шанова З. К. Болгарская и русская литература об Освобождении Болгарии от османского ига: к 135-летию Освобождения // XVII–XVIII Державинские чтения. Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики. Материалы XLI Международной филологической конференции 26–31 марта 2012 г., Санкт-Петербург и XLII Международной филологической конференции. 11–17 марта 2013 г., Санкт-Петербург. СПб., 2013. С. 103–105.

Шанова З. К. Болгарская тема в исследованиях И. И. Срезневского // XVII–XVIII Державинские чтения. Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики. Материалы XLI Международной филологической конференции 26–31 марта 2012 г., Санкт-Петербург и XLII Международной филологической конференции. 11–17 марта 2013 г., Санкт-Петербург. СПб., 2013. С. 99–103.

Шанова З. К. Отв. ред.: XVII–XVIII Державинские чтения. Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики. Материалы XLI Международной филологической конференции 26–31 марта 2012 г., Санкт-Петербург и XLII Международной филологической конференции. 11–17 марта 2013 г., Санкт-Петербург. СПб., 2013. 108 с.

Шанова З. К. Н. С. Державин и его вклад в развитие отечественной славистики // Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии: Материалы Международной научной конференции: Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, Филологический факультет, 26–28 ноября 2013 г. / Ред. кол. М. Л. Ремнёва и др. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 391–393.

Шанова З. К. Память об Учителе // Из прошлого в будущее. Сборник статей и воспоминаний к 100-летию профессора Ю. С. Маслова / Под ред. Е. И. Греховой. СПб.: Изд-во С.-Петерб.ун-та, 2013. С. 239–241.

2012

Шанова З. К. Аналитическое чтение в преподавании болгарского языка // II Международный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире»: МГУ им. М. В. Ломоносова, 21–24 марта 2012 г. Труды и материалы. М.: Изд-во Московского ун-та, 2012. С. 311–315.

Шанова З. К. Рец.: Колгушкина Н. В. Академик И. И. Срезневский в культурном пространстве России / Науч. ред. проф. О. В. Никитин. — Рязань: РГУ им. С. А. Есенина, 2011. — 396 с. // ЯЛИК. Научно-информационный бюллетень. СПбГУ. 2012. № 86. С. 13–14.

Шанова З. К. О моем учителе // Перелистывая страницы памяти... Профессор Всеволод Дмитриевич Андреев в воспоминаниях современников / Отв. ред. Н. К. Жакова. СПб.: Изд-во С.-Петерб.ун-та, 2012. С. 92–94.

Шанова З. К. Пер.: Милена Цанева. Маленькое воспоминание о большом друге болгарской литературы / Пер. с болг. // Перелистывая страницы памяти... Профессор Всеволод Дмитриевич Андреев в воспоминаниях современников / Отв. ред. Н. К. Жакова. СПб.: Изд-во С.-Петерб.ун-та, 2012. С. 5–6.

Шанова З. К. Пер.: Димитр Вылчев Петров-Кенанов. Приветственное слово. Проф. Всеволод Андреев, его хрестоматия и история болгарской литературы / Пер. с болг. // Перелистывая страницы памяти... Профессор Всеволод Дмитриевич Андреев в воспоминаниях современников / Отв. ред. Н. К. Жакова. СПб.: Изд-во С.-Петерб.ун-та, 2012. С. 7–9.

Шанова З. К. Пер.: Христо Трендафилов. Приветственное слово. Фрагменты о Всеволоде Дмитриевиче / Пер. с болг. // Перелистывая страницы памяти... Профессор Всеволод Дмитриевич Андреев в воспоминаниях современников / Отв. ред. Н. К. Жакова. СПб.: Изд-во С.-Петерб.ун-та, 2012. С. 10–17.

2011

Шанова З. К. (в соавторстве с *Ивановой Е. Ю., Димитровой Д.*) Болгарский язык. Курс для начинающих. СПб.: Каро, 2011. 368 с.

Шанова З. К. Глагольная система болгарского языка и категория эвиденциальности и эпистемической модальности // Современная славистика и научное наследие С. Б. Бернштейна. Тезисы докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося отечественного слависта д. ф. н., проф. С. Б. Бернштейна. 15–17 марта 2011 г. М., 2011. С. 143–144.

Шанова З. К. 175 години Катедра по славянски филологии в Санктпетбургския университет // Българистика. 2011. № 21. С. 59–64.

Шанова З. К. (в соавторстве с *Ивановой Е. Ю.*) *Отв. ред.:* XVI Державинские чтения. Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики. Материалы XL Международной филологической конференции 14–18 марта 2011 г. СПб., 2011. 96 с.

Шанова З. К. К 1330-летию Болгарии (По материалам выставки) // XVI Державинские чтения. Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики. Материалы XL Международной филологической конференции. 14–18 марта 2011 г. СПб., 2011. С. 14–18.

Шанова З. К. Экспресивно-семантические функции на извците во македонскиот и рускиот јазик // XXXVII научна конференција на Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература: (Охрид, 15 и 16 јули 2010). Лингвистика. Скопје, 2011. С. 13–18

Шанова З. К. Произведения Федора Абрамова в Болгарии // Живут книги ... К 90-летию Федора Абрамова. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. С. 207–209.

Шанова З. К. Ирина Петровна Садовская (1923–2010) (По материалам выставки) // XVI Державинские чтения. Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики. Материалы XL Международной филологической конференции. 14–18 марта 2011 г. СПб., 2011. С. 3–5.

2010

Шанова З. К. Болгарский глагол. Время, вид, наклонение, залог: Учебное пособие. СПб., 2010. 120 с.

Шанова З. К. Болгарские предлоги: Учебное пособие. СПб., 2010. 66 с.

Шанова З. К. К 175-летию университетской славистики в Санкт-Петербурге. Выставка книг в Библиотеке Академии наук // XV Державинские чтения. Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики. Материалы XXXIX Международной филологической конференции. 16–18 марта 2010 г. СПб., 2010. С. 87–91.

Шанова З. К. (в соавторстве с *Мокиенко В. М.*) Международный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире». 24–26 марта 2009 г, Москва // *Slavia*. 2010. Ročník 79. С. 260–263.

Шанова З. К. (в соавторстве с *Васильевой О. В., Ивановой Е. Ю., Крыловой Г. В., Цуцкаревой Е. В., Сивенковой Н. В., Азаровой А. А., Киреенковой Е. А., Еришовой Н. Б.*) Словарь поэзии Николы Вапцарова. Опыт лексикографического описания болгарского художественного текста. Выпуск 3. Магичен — пламък / Отв. ред. Г. В. Крылова СПб.: Филол. ф-т СПбГУ (РиО), 2010. 156 с.

Шанова З. К. Сохранить дух «Славянки» // Санкт-Петербургский университет. № 13(3820). 8 октября 2010. С. 75–77.

Шанова З. К. Отв. ред.: XV Державинские чтения. Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики. Материалы XXXIX Международной филологической конференции. 16–18 марта 2010 г. СПб., 2010. 92 с.

Шанова З. К. Рец.: Рассказы македонских писателей / Составление и перевод с македонского Ольги Панькиной. — Москва: Издательство «Окоём», 2009. — 562 с. // ЯЛИК. Научно-информационный бюллетень. СПбГУ. 2010. № 80. С. 17.

2009

Шанова З. К. (в соавторстве с *Ивановой Е. Ю.*) Год Болгарии в России: новости из Санкт-Петербургского университета // *Acta Linguistica*, 2009/2. С. 113–117.

Шанова З. К. Глагольные категории в курсе грамматики болгарского языка у бакалавров // Совещание-семинар преподавателей болгарского языка, болгарской литературы и культуры (27–28 октября 2009 г.). Тезисы докладов и сообщений / Под ред. В. П. Гудкова, М. Димитровой, О. А. Ржанниковой, Е. В. Тимониной. М.: МГУ, 2009. С. 94–96.

Шанова З. К. Образ Болгарии в первых переводах с болгарского языка на русский // Международная научная конференция «Россия в многополярном мире: Образ России в Болгарии, образ Болгарии в России». ИРЛИ, 26–28.10.2009.

Шанова З. К. К вопросу о сохранении славянских культур: из опыта петербургских славистов // Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире». М., МГУ им М. В. Ломоносова, филологический факультет, 24–26 марта 2009 г. Труды и материалы. Сост. О. В. Дедова, Л. М. Захаров. Под общим руководством проф. М. Л. Ремнёвой. М.: МАКС Пресс, 2009. С. 24–25.

Шанова З. К. (в соавторстве с *Ивановой Е. Ю.*). Налаживаем пути взаимности // Санкт-Петербургский университет. № 2–3, февраль 20, 2009. С. 49–50.

Шанова З. К. От редактора // Диалог славянских культур. Выпуск 2. Материалы Десятой городской научно-практической конференции молодых славистов — первокурсников СПбГУ и школьников. Год Болгарии в России. 14 мая 2009 г. СПб., 2009. С. 10–11.

Шанова З. К. *Отв. ред. и сост.* Диалог славянских культур. Выпуск 2. Материалы Десятой городской научно-практической конференции молодых славистов — первокурсников СПбГУ и школьников. Год Болгарии в России. 14 мая 2009 г. СПб., 2009. 88 с.

Шанова З. К. (в соавторстве с *Ивановой Е. Ю.*) *Рец.*: Липовска А. Русско-болгарская лексикография: традиции и тенденции развития. — София: Издательство Софийского университета, 2008. — 216 с. // Acta Linguistica, 2009/2. С. 108–109.

Шанова З. К. *Рец.*: Новый учебник македонского языка. Тасевска Р. Македонски со/без мака: Курс за почетници. — Скопје, 2007. — 208 с. // ЯЛИК. Научно-информационный бюллетень. СПбГУ. № 78. Май 2009. С. 21–22.

2008

Шанова З. К. (в соавторстве с *Ивановой Е. Ю.*) *Рец.*: Теоретическая грамматика болгарского языка. Иван Куцаров. Теоретична граматика на българския език. Морфология. Пловдив: Университетско издателство «Панисий Хилендарски», 2007. — 638 с. // ЯЛИК. Научно-информационный бюллетень. СПбГУ. № 74. Декабрь 2008. С. 15–16.

Шанова З. К. (в соавторстве с *Анкиной Т. Е.*, *Волошиной Г. К.*, *Жаковой Н. К.*, *Трофимкиной О. И.*) А. В. Федоров и кафедра славянской филологии // Очарование филологии. 100 лет А. В. Федорову / Под ред. К. А. Филиппова, В. И. Шадрина. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. С. 31–57.

Шанова З. К. (в соавт. с *Гиргиновой М.*) XIII Державински четения в Санкт Петербург // Българистика. Информационен бюлетин № 16. София: Българска Академия на науките. 2008. С. 69–71.

Шанова З. К. К 130-летию освобождения Болгарии и 100-летию объявления независимости // XIII Державинские чтения. Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики. Материалы

XXXVII Международной филологической конференции. 11–15 марта 2008 г. СПб., 2008. С. 38–40.

Шанова З. К. (в соавторстве с *Ивановой Е. Ю.*, *Котовой М. Ю.*) Кафедра славянской филологии на рубеже веков // Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета: Материалы к истории факультета / Авт.-сост. И. С. Лутовинова; отв. ред. С. И. Богданов. 4 изд. СПб., 2008. С. 182–185.

Шанова З. К. Конференция в Софии // ЯЛИК. Научно-информационный бюллетень. СПбГУ. № 74. Март 2008. С. 3–4.

Шанова З. К. Марин Дринов – историк, филолог, общественный деятель: к 170-летию со дня рождения // XIII Державинские чтения. Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики. Материалы XXXVII Международной филологической конференции. 11–15 марта 2008 г. СПб., 2008. С. 49–52.

Шанова З. К. Русская эмиграция в Болгарии и её вклад в развитие филологической науки // IX Славистические чтения памяти профессора П. А. Дмитриева и профессора Г. И. Сафронова Материалы международной научной конференции 12–13 сентября 2007 года. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. С. 68–77.

Шанова З. К. (в соавторстве с *Ивановой Е. Ю.*) Рец.: Новый русско-болгарский словарь (Влахос С. Нов руско-български речник / Под ред. на А. Липовска. София, 2004. 904 с.) // Славяноведение. № 1. 2008. С. 111–115.

Шанова З. К. (в соавторстве с *Ивановой Е. Ю.*) Рец.: Чобанова Рада. Руско-български / Българско-руски речник. София: ИК «Колибри», 2007. — 1155 с. // ЯЛИК. Научно-информационный бюллетень. СПбГУ. № 74. Март 2008. С. 17.

Шанова З. К. Муза Петра Андреевича Дмитриева // «Лишь слову жизнь дана...» Сборник статей, посвящённый юбилею доцента Санкт-Петербургского государственного университета М. А. Шахматовой. СПб.: МИРС, 2008. С. 11–12.

2007

Шанова З. К. (в соавторстве с *Ивановой Е. Ю.*) Болгарский лингвист Иванка Васева. К 85-летию // ЯЛИК. Научно-информационный бюллетень. СПбГУ. № 73. Декабрь 2007. С. 1–2.

Шанова З. К. За лингвистичката и екстралингвистичката информација во Македонско-рускиот речник // XXXIII научна конференција на XXXIX меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура. Лингвистика. Скопје, 2007. С. 243–248.

Шанова З. К. И. И. Срезневский и Санкт-Петербургский университет // И. И. Срезневский и история славяно-русской филологии: тенденции в науке, образовании и культуре. Материалы Международной научно-практи-

ческой конференции, посвященной 195-летию со дня рождения академика И. И. Срезневского, 25–27 мая 2007 г. Рязань, 2007. С. 113–116.

Шанова З. К. Презентация выставки литературы, посвященной 1080-летию Богомилства в Болгарии и 100-летию Эмилияна Станева // Материалы XII Державинских чтений. Современность и исторические проблемы болгаристики и славистики. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2007. С. 35–41.

Шанова З. К. Македонистиката во Санкт Петербург // 40 години Меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура: 1967–2007. Скопје, 2007. С. 53.

Шанова З. К. О продолжении традиций акад. Н. С. Державина комплексного изучения истории, культуры, литературы Болгарии // Материалы XII Державинских чтений. Современность и исторические проблемы болгаристики и славистики. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2007. С. 19–20.

Шанова З. К. Прошлое и настоящее университетской славистики в Санкт-Петербурге // Славяноведение в России в XIX–XXI веках. К 170-летию создания университетских кафедр славистики: Сборник статей. В честь юбилея профессора МГУ, выдающегося российского историка-слависта Л. П. Лаптевой. М., 2007. С. 59–69.

Шанова З. К. Конференция, посвященная 195-летию И. И. Срезневского // ЯЛИК. Научно-информационный бюллетень. СПбГУ. № 73. Декабрь 2007. С. 3–4.

Шанова З. К. Фестиваль языков «Языки не знают границ» // ЯЛИК. Научно-информационный бюллетень. СПбГУ. № 71. Март. 2007. С. 3–4.

Шанова З. К. (в соавторстве с *Ивановой Е. Ю.*) Рец.: Влахов С. Нов руско-български речник / Под ред. на А. Липовска. — София: Парадигма, 2004. — 904 с. // ЯЛИК. Научно-информационный бюллетень. СПбГУ. № 72. Июнь 2007. С. 16.

2006

Шанова З. К. Болгарские книжные школы и их роль в развитии славянской письменности // Цивилизационный процесс и взаимодействие национальных культур в Европе: место и роль славянства: Материалы международной научной конференции 30 мая 2006 года. СПб., 2006. С. 40–45.

Шанова З. К. Героическая эпопея болгарского народа (к 130-летию Апрельского восстания) // Материалы XI Державинских чтений. Современность и исторические проблемы болгаристики и славистики. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. С. 41–42.

Шанова З. К. Роль Славянского фонда Библиотеки РАН в образовательном процессе на кафедре славянской филологии // Библиотеке Академии наук 290 лет. Материалы научной конференции (25–26 ноября 2004 года). СПб., 2006. С. 118–123.

Шанова З. К. Разходки из Петербург (Прогулки по Петербургу): Пособие по болгарскому языку. Ч. 1. СПб., 2006. 80 с.

Шанова З. К. К вопросу о месте местоименной клитики в болгарском предложении // Материалы XI Державинских чтений. Современность и исторические проблемы болгаристики и славистики. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. С. 80–84.

Шанова З. К. Македонистика в Санкт-Петербурге // Славистички студии. Број 12: За 70-годишнината на академик Р. Усикова. Скопје, 2006. С. 309–314.

Шанова З. К. Я благодарна судьбе // Профессора-слависты П. А. Дмитриев и Г. И. Сафронов в воспоминаниях своих коллег, друзей, учеников. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. С. 120–123.

Шанова З. К. Рец.: Георгиева Стефка. Болгарско-русский и русско-болгарский бизнес-словарь. София, 2004. 488 с. // ЯЛИК. Информационный бюллетень. № 68. Июль 2006. С. 16.

Шанова З. К. Рец.: Гливинская В. Н., Платонова И. В. Давайте вместе учить болгарский: Учебник для начинающих. М., 2004. 271 с. // ЯЛИК. Информационный бюллетень. № 67. Апрель 2006. С. 14–15.

Шанова З. К. Рец.: Македония глазами россиян / Ред. кол.: С. С. Стулова (отв. ред.), Р. П. Усикова, М. М. Ширинский; сост.: И. А. Быстрова, П. А. Нилловская, С. С. Стулова, А. И. Хорева. — М., 2005. — 215 с. // ЯЛИК. Научно-информационный бюллетень. СПбГУ. № 69-70. Ноябрь 2006. С. 17–18.

2005

Шанова З. К. Державински четения в Санктпетербургския университет // Българистика. № 11. София, 2005. С. 55–58.

Шанова З. К. Из истории славистики в Санкт-Петербургском университете (По материалам публикаций П. А. Дмитриева и Г. И. Сафронова) // VI Славистические чтения памяти профессора П. А. Дмитриева и профессора Г. И. Сафронова : Материалы международной научной конференции 9–13 сентября 2004 г. СПб.: Филологический факультет СПбГУ. 2005. С. 8–16.

Шанова З. К. К 10-летию Державинских чтений // Материалы X Державинских чтений. Современность и исторические проблемы болгаристики и славистики. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. С. 36–37.

Шанова З. К. О некоторых сложностях перевода произведений А. Константинова на русский язык // VI Славистические чтения памяти профессора Дмитриева П. А. и профессора Сафронова Г. И. Материалы международной научной конференции 9–13 сентября 2004 г. СПб.: Филологический факультет СПбГУ. 2005. С. 187–191.

Шанова Е. К. (в соавторстве с *Крыловой Г. В.*) Что должен знать студент-болгарист первого курса бакалавриата // Что должен знать студент бакалавриата. Отделение «Болгарский язык и литература». СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. С. 3–7.

Шанова Е. К. Что должен знать студент-болгарист четвертого курса бакалавриата // Что должен знать студент бакалавриата. Отделение «Болгарский язык и литература». СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. С. 19–23.

Шанова Е. К. Рец.: Иванова Е. Ю. Логико-семантические типы предложений: неполные речевые реализации. СПб., 2003 // Славяноведение. 2005. № 2. С. 119–123.

2004

Шанова З. К. Болгария в мировом культурном контексте // Материалы IX Державинских чтений. «Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики». Часть 2. 15–20 марта 2004 г. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. С. 3–8.

Шанова З. К. Международные славистические чтения в Санкт-Петербургском государственном университете // Славянство в цивилизационном процессе. Материалы международной научной конференции. 27 мая 2004 г. СПб.: Тесса, 2004. С. 109–110.

Шанова З. К. Славяноведческая концепция Н. С. Державина и исследования славистов СПбГУ последних лет: К 280-летию Санкт-Петербургского государственного университета // Материалы IX Державинских чтений. «Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики». Часть 1. 15–20 марта 2004 г. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. С. 34–36.

Шанова З. К. (в соавторстве с *Азаровой А.А., Васильевой О.В., Захаревич Е.А., Ивановой Е. Ю., Киреевской Е.А., Котовой М. Ю., Цуцкаревой Е. В.*) Словарь поэзии Николая Вапцарова. Опыт лексикографического описания болгарского художественного текста. Выпуск 2. Е — Лято / Отв. ред. Г. В. Крылова. Изд-во СПбГУ, 2004. 115 с.

Шанова З. К. (в соавторстве с *Крыловой Г. В.*) Что должен знать первокурсник. Отделение «Болгарский язык и литература». СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. 20 с.

Шанова З. К. От редактора // Диалог славянских культур. Материалы Пятой городской научно-практической конференции молодых славистов — первокурсников СПбГУ и школьников. 19 мая 2004 г. СПб., 2004. С. 4–6.

Шанова З. К. Отв. ред.: Диалог славянских культур. Материалы Пятой городской научно-практической конференции молодых славистов — первокурсников СПбГУ и школьников. 19 мая 2004 г. СПб., 2004. 72 с.

Шанова З. К. Пер.: Ц. Марангозов. Гриб или Обратная сторона оборотного / Пер. с болг. // Современная болгарская драматургия. Вып.1. М., 2004. С. 163–206.

2003

Шанова З. К. (в соавторстве с *Захаревич Е. А., Крыловой Г. В.*) Болгарский язык. Имена существительные и прилагательные. Учебное пособие / Отв. ред. З. Шанова. М.: Муравей, 2003. 39 с.

Шанова З. К. И. П. Садовская. К 80-летию // ЯЛИК. Информационный бюллетень. 2003, № 55. С. 5.

Шанова З. К. Кафедра славянской филологии и развитие славистики и болгаристики в Петербургском университете // Материалы XXXII Международной филологической конференции. Выпуск 6. VIII Державинские чтения «Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики». Часть 1. 11–15 марта 2003 г. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. С. 16–20.

Шанова З. К. Вклад Б. М. Ляпунова в развитие славянской филологии. К 140-летию // IV Славистические чтения памяти профессора П. А. Дмитриева и профессора Г. И. Сафронова. Материалы международной научной конференции 12–14 сентября 2002 года. СПб.: Филологический факультет СПбГУ. 2003. С. 134–138.

Шанова З. К. Македонская лексикография // Летняя школа славистики «Российская славистика в петербургских традициях. Сопоставительное славянское языкознание»: Программы курсов. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. С. 283–293.

Шанова З. К. (в соавторстве с *Усиковой Р. П., Верижниковой Е. В., Поварницыной М. А.*) Македонско-русский словарь: свыше 40 000 слов современного македонского языка / Под общ. ред. Р. П. Усиковой и Е. В. Верижниковой. М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2003. 848 с.

Шанова З. К. Материалы фонда библиотеки РАН об освобождении Болгарии от османского ига // Материалы XXXII Международной филологической конференции. Выпуск 6. VIII Державинские чтения «Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики». Часть 2. 11–15 марта 2003 г. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. С. 3–4.

Шанова З. К. Рец.: Куцаров И. Славяните и славянската филология. Очерк по история на славистиката от втората половина на XIX до началото на XXI в. Пловдив, 2002. 847 с. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. Выпуск 4. 2003. С. 132–134.

Шанова З. К. Рец.: Усикова Р. П. Грамматика литературного македонского языка. М., 2003. 376 с. // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2003, 4. С. 188–191.

2002

Шанова З. К. А. Х. Востоков в истории славистики (открытие выставки в Славянском фонде Библиотеки РАН к 220-летию со дня рождения) // III Славистические чтения памяти профессора П. А. Дмитриева и профессора Г. И. Сафронова. Материалы международной научной конференции 12–14 сентября 2001 г. СПб.: Филологический факультет СПбГУ. 2002. С. 125–126.

Шанова З. К. Выставка, посвященная 125-летию начала освобождения Болгарии от турецкого ига // Материалы XXXI Всероссийской научно-мето-

дической конференции преподавателей и аспирантов. Выпуск 14. Седьмые Державинские чтения «Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики». Часть 2. 11–16 марта 2002 г. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. С. 3–5.

Шанова З. К. К 70-летию Л. И. Тарасовой // ЯЛИК. Информационный бюллетень. 2002, № 59. С. 4.

Шанова З. К. (в соавторстве с *Аникиной Т. Е., Волошиной Г. К., Жаковой Н. К., Шумиловым А. А.*) Особенности славянских систем стихосложения // Спецкурсы: Учебные программы. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. С. 63–66.

Шанова З. К. Переводы произведений Елина Пелина на русский язык (к 125-летию со дня рождения) // Материалы XXXI Всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Выпуск 14. Седьмые Державинские чтения «Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики». Часть 2. 11–16 марта 2002 г. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. С. 49–52.

Шанова З. К. Преводите на произведенията на Иван Вазов на руски език // Наследството Вазов. София, 2002. С. 218–221.

2001

Шанова З. К. Бъдеще време // Наша школа: Научно-методичний журнал. Одеса, 2001, № 5. С. 63–64.

Шанова З. К. ДА-конструкция // Наша школа: Научно-методичний журнал. Одеса, 2001, № 4. С. 117–119.

Шанова З. К. Изучаваме българския глагол // Наша школа: Научно-методичний журнал. Одеса, 2001, № 1. С. 107–111.

Шанова З. К. Историческая грамматика и диалектология болгарского языка // Кафедра славянской филологии: Учебные программы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 66–72.

Шанова З. К. Македонский язык как третий славянский // Кафедра славянской филологии: Учебные программы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 446–450.

Шанова З. К. Переводы произведений Йордана Йовкова на русский язык (к 120-летию со дня рождения) // Материалы XXX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Выпуск 14. Шестые Державинские чтения «Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики». Часть 2. 11–17 марта 2001 г. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. С. 30–34.

Шанова З. К. Преподаването на българския език в Санктпетербургския университет и в славянските училища на града // Българистика 2001. Доклади от международната работна среща. София, 21–22 септември 2001. С. 62–67.

Шанова З. К. Программы по славянским языкам и культурам в средней школе // II Славистические чтения памяти профессора П. А. Дмитриева и профессора Г. И. Сафронова. Материалы международной научной конференции 12–14 сентября 2000 г. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. С. 144–146.

Шанова З. К. Славистика в Петербургском университете // II Славистические чтения памяти профессора П. А. Дмитриева и профессора Г. И. Сафронова. Материалы международной научной конференции 12–14 сентября 2000 г. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. С. 203–210.

Шанова З. К. (в соавторстве с *Ивановой Е. Ю.*) Современный болгарский язык. Лексика. Словообразование. Морфология. Синтаксис // Кафедра славянской филологии: Учебные программы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 52–61.

2000

Шанова З. К. Иван Вазов в превод на руски език // Наша школа: Научно-методичний журнал. Одесса, 2000, № 5–6. С. 82–85.

Шанова З. К. Изучение болгарского языка в школах города // Болгарский ежегодник. Т.4. Киев, 2000. С. 143–149.

Шанова З. К. Категории времени и наклонения болгарского глагола в аспекте преподавания практической грамматики // Наша школа: Научно-методичний журнал. Одесса, 2000, № 2–3. С. 181–185.

Шанова З. К. Переводы произведений Ивана Вазова на русский язык // Материалы XXIX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Выпуск 5. Пятые Державинские чтения «Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики». 13–18 марта 2000 г. СПб.: Изд-во С.-Петербур.ун-та, 2000. С. 41–42.

Шанова З. К. Славистика в Петербургском университете // Материалы XXIX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Выпуск 13. Секция истории филологического факультета. СПбГУ, 2000, с. 23–27.

Шанова З. К. Кафедра славянской филологии // Кафедра славянской филологии: Учебные программы для средней школы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 3–6.

Шанова З. К. Отв. ред. Кафедра славянской филологии: Учебные программы для средней школы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 150 с.

1999

Шанова З. К. Из опыта работы петербургской школы славянских культур // Сочетание-семинар преподавателей славянских языков (Москва,

19–20 октября 1999 г.): . Информационные материалы и тезисы докладов. М., 1999. С. 59–62.

Шанова З. К. О преподавании славянских языков и истории культуры славян в школах // Славянская филология: Межвузовский сборник. Вып. VIII: Памяти проф. Ю. С. Маслова / Под ред. проф. Г. И. Сафронова, Г. А. Лилич. СПбГУ, 1999. С. 205–210.

Шанова З. К. Переводы болгарской художественной литературы на русский язык в XIX в. // Материалы XXVIII Межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов (15–22 марта 1999 г., Санкт-Петербург). Вып. 11: Четвёртые Державинские чтения «История и современные проблемы болгаристики и славистики». Ч. 2. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 6–8.

Шанова З. К. Славянские языки в школе славянских культур // Материалы XXVIII Межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 15.: Секция славянской филологии научно-методического совета по филологии УМО. Круглый стол: Проблемы методики преподавания славистических дисциплин в вузах России. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 21.

Шанова З. К. Славянские языки и культура в школах города // Петербургские чтения '98–99: Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург 2003». СПб.: Петербургский институт печати, 1999. С. 504–505.

Шанова З. К. Фразеологизмы в Македонско-русском словаре // Македонский язык, литература и культура в славянском и балканском контексте: Материалы международной российско-македонской научной конференции. Москва, 15–16 сентября 1998 г. М., 1999. С. 113–117.

1998

Шанова З. К. (в соавторстве с *Сазоновым В. Е.*) День славянской письменности и культуры. Сценарий школьного праздника // Взаимодействие культур в петербургской школе: Материалы и разработки по философии и педагогике культуры. СПб., 1998. С. 96–106.

Шанова З. К. Категории времени и наклонения болгарского глагола в аспекте преподавания практической грамматики // Славистический сборник. В честь 70-летия профессора П. А. Дмитриева / Под ред. Г. И. Сафронова, Г. А. Лилич. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. С. 326–334.

Шанова З. К. *Сост.*: Македония. СПб., 1998. 27 с.

Шанова З. К. Македонские безличные глаголы и безличные глагольные формы и их отражение в македонско-русском словаре // Македонско-руски јазични, литературни и културни врски (Материјали од Првата македонско-руско-славистичка конференција, Охрид, 23–24 август 1995 г.) Скопје, 1998. С. 73–77.

Шанова З. К. Новая лексика в Македонско-русском словаре // Материалы XXVII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Выпуск 6. Лексика и фразеология. 16–22 марта 1998. С. 19–21.

Шанова З. К. Памяти С. Б. Бернштейна // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 1998, № 3. С. 147.

Шанова З. К. (в соавторстве с *Захаревич Е. А., Ивановой Е. Ю., Котовой М. Ю., Крыловой Г. В., Цуцкаревой Е. В.*) Словарь поэзии Николы Вапцарова. Опыт лексикографического описания болгарского художественного текста. Выпуск 1. А-Дъщеря / Отв. ред. Г. В. Крылова СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. 96 с.

Шанова З. К. Пер.: Полянов Д. Видение Прометея / Пер. с болг. // Золото и солнце: Литературные сказки и легенды западных и южных славян. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. С. 397–399.

Шанова З. К. Пер.: Полянов Д. Третья ночь Клеопатры / Пер. с болг. // Золото и солнце: Литературные сказки и легенды западных и южных славян. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. С. 391–397.

Шанова З. К. Пер.: Христов К. Самодива / Пер. с болг. // Золото и солнце: Литературные сказки и легенды западных и южных славян. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. С. 389–391.

1997

Шанова З. К. (в соавторстве с *Усиковой Р. П., Поварницыной М. А., Верижниковой Е. В., Тасевской Р., Маринковичем Сл.*) Македонско-руски речник = Македонско-русский словарь: околу 65 000 заглавних зборови, терминологи зборовни состави и фразеологизми. / Ред. акад. Р. Усикова. Т. I–III. Скопје, 1997. 1667 с.

1996

Шанова З. К. Болгария: Пособие по истории культуры болгарского народа. СПб., 1996. 20 с.

Шанова З. К. Урок географии в славянской школе // География в школе. 1996. № 1.

Шанова З. К. Программа курса «История культуры южных славян» (для 8–10 классов) // Программы и материалы по курсам художественного творчества, истории, философии и педагогики культуры. Вып. V. СПб., 1996. С. 31–38.

Шанова З. К. (в соавторстве с *Азаровой А. А., Захаревич Е. А., Ивановой Е. Ю., Котовой М. Ю., Крыловой Г. В., Цуцкаревой Е. В.*). Честотен речник на Вапцаровата поезия. Велико Търново. 1996. 287 с.

1995

Шанова З. К. (в соавторстве с *Трендафиловым Хр.*) Архитектурные и исторические памятники Петербурга. Ч. 2: Эрмитаж: Учебные задания к курсу разговорного болгарского языка для студентов III курса. СПб., 1995. 36 с.

Шанова З. К. (в соавторстве с *Захаревич Е. А., Крыловой Г. В.*) Вид и время болгарского глагола. Методическое пособие по курсу современного болгарского языка. СПб., 1995. 62 с.

Шанова З. К. Совещание-семинар преподавателей славянских языков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 1995. Вып.4. С. 126–128.

1994

Шанова З. К. Македонская Православная Церковь и перевод Нового Завета, сделанный в Социалистической Республике Македонии // Переводы Библии и их значение в развитии духовной культуры славян: Материалы Международной Библейской конференции 1990 года, посвященной 75-летию Русской Библейской Комиссии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. С. 129–132.

1993

Шанова З. К. Архитектурные и исторические памятники Петербурга: Учебные задания к курсу разговорного болгарского языка для студентов III курса. Ч. 1. СПб., 1993. 53 с.

Шанова З. К. Грамматические вопросы в курсе теории и практики перевода // Славянская филология. Вып. VII. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993. С. 217–224.

Шанова З. К. Учебные пособия в курсе болгарского языка в Санкт-Петербургском университете // Тезисы докладов межвузовской конференции «Актуальные проблемы возрождения языков и культур западных и южных славян Украины». Одесса, 14–15 мая 1993. С. 19–20.

1992

Шанова З. К. Балканистический и сопоставительно-лингвистический аспекты проблемы пересказывания // Проблемы балканистики: Сборник статей / Отв. ред. чл.-кор. РАН проф. А. В. Десницкая. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992. С. 40–48.

Шанова З. К. Деятельность Кирилла и Мефодия. Православие в Болгарии и на Руси: Учебные задания к курсу разговорного болгарского языка. СПб., 1992. 35 с.

1991

Шанова З. К. Международен семинар, посветен на проблемите на изучавањето на Библијата // Старобугаристика. 1991. Т. 15, № 2. С. 109–111.

1990

Шанова З. К. Разликите во близките јазици // Роден крај (Одеса). 1990. 20 октомври. С. 4.

Шанова З. К. Бугаристиката во Ленинградскиот универзитет // Научни трудове. Пловдивски универзитет «Паисий Хилендарски». Т. 28. Кн. 1. 1990. С. 83–89.

Шанова З. К. Международен семинар, посветен на изучавањето на Библијата // Филологички науки. 1990. № 6. С. 123–125.

Шанова З. К. Рец.: Изкуството на преводот. Јазикови проблеми на преводот (руски јазик). Составител Ив. Васева. Софија, 1987. 220 с. // Вестник на Ленинградскиот универзитет. Сер. 2. 1990. Вып. 2. С. 118–119.

1989

Шанова З. К. Функции на перфектот и на некои форми слични на него во македонскиот литературен јазик // XV научна дискусија. Охрид, 15–18.08.1988. Скопје, 1989. С. 41–49.

1988

Шанова З. К. Пер.: Бабаков Св. День как все. Рассказ / Пер. с болг. // Под звездата на Тракија: Современна бугарска проза. Л., 1988. С. 296–299.

Шанова З. К. (в соавторство со Бушуй А. М., Котовој М. Ју., Мокиенко В. М. и др.) *Сост.:* Библиографскиот укажувач по славјанско и општо јазикознание. Професор Петр Андреевич Дмитриев. Самарканд, 1988. 138 с.

Шанова З. К. Учебни задания по курсу «Теорија и практика на преводот». Лексически прашања на преводот. За студенти на бугарскиот циклус. Л., 1988. 39 с.

Шанова З. К. (в соавторство со Захаревич Е. А., Крыловой Г. В.) Учебни задания по курсу на современна бугарска јазика (местоимена). Л., 1988. 43 с.

Шанова З. К. Пер.: Добрев Ј. День свадьбы. Рассказ / Пер. с болг. // Под звездата на Тракија: Современна бугарска проза. Л., 1988. С. 120–141.

Шанова З. К. Пер.: Попов Здр. По пятото маршруту. Рассказ / Пер. с болг. // Под звездата на Тракија: Современна бугарска проза. Л., 1988. С. 354–358.

Шанова З. К. Пер.: Странджев К. Погребение. Рассказ / Пер. с болг. // Под звездами Фракии: Современная болгарская проза. Л., 1988. С. 241–256.

1987

Шанова З. К. Учебные задания и практические рекомендации к курсу «Теория и практика перевода» для студентов болгарского цикла (грамматические вопросы перевода). Л., 1987. 36 с.

Шанова З. К. Рец.: Езикови проблеми на превода (славянски езици) / Съст. М. Иванова, М. Лилов (Изкуството на превода). София, 1985. 184 с. // Съпоставително езиковедие. 1987. № 5. С. 106–108.

Шанова З. К. Рец.: Пособие по учебному переводу для студентов II–IV курсов русской филологии / Ред. С. Влахов. София, 1985 // Болгарская русистика. 1987. № 1. С. 109–110.

1986

Шанова З. К. (в соавторстве с *Захаревич Е. А., Крыловой Г. В.*) Учебные задания по курсу современного болгарского языка (имена существительные и прилагательные). Л., 1986. 42 с.

1985

Шанова З. К. Адмиратив в болгарском языке и способы его передачи на русский язык // Съпоставително езиковедие. 1985. № 6. С. 5–9.

Шанова З. К. Рец.: Карпов В. Болгарский язык. Минск, 1983 // Вестник Ленинградского университета. Сер. 2. 1985. Вып. 6. С. 124–126.

1984

Шанова З. К. Аудитив и адмиратив в современном македонском языке // Сборник во чест на Блаже Конески. Скопје, 1984. С. 245–252.

1983

Шанова З. К. Пер.: Алексиев Г. Перезревшее поле. Рассказ / Пер. с болг. // Нева. 1983. № 9. С. 129–133.

Шанова З. К. Пер.: Атанасов Г. Город на семи холмах / Пер. с болг. // Нева. 1983. № 9. С. 126–127.

Шанова З. К. Пер.: Иванов М. Вечность Сентября / Пер. с болг. // Нева. 1983. № 9. С. 127–129.

Шанова З. К. Пер.: Настрадаинова В. Плач птенца. Рассказ / Пер. с болг. // Нева. 1983. № 9. С. 135–141.

1981

Шанова З. К. (в соавторстве с *Тугушевой Р. Х.*) Элементы энциклопедизма в двуязычном словаре языка писателя (двуязычные словари) // Очерки лексикографии языка писателя: (двуязычные словари). Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. С. 80–94.

Шанова З. К. Пер.: Буюклиев И. Кирилло-мефодиевская традиция и возникновение древних западнославянских литературных языков / Пер. с болг. // Советское славяноведение. 1981. № 6. С. 103–108.

1980

Шанова З. К. Аудитив в современном литературном македонском языке. Автореф. дис. <...> канд. филол. наук. Л., 1980. 22 с.

1979

Шанова З. К. Глагольные формы для пересказывания в македонском литературном языке // Проблемы синтаксиса языков балканского ареала. Л.: Наука, 1979. С. 125–134.

Шанова З. К. Занятия, встречи, впечатления // Ленинградский университет. 30.03.1979.

Шанова З. К. О некоторых частных значениях перфекта // Славянская филология: межвузовский сборник статей. Вып. IV. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. С. 72–78.

Шанова З. К. Пер.: Момировски Т. Зелёный китель / Пер. с макед. // Нева. 1979. № 2. С. 127–130.

Шанова З. К. Пер.: Яневски С. Лошадь / Пер. с макед. // Нева. 1979. № 2. С. 123–127.

Составители:
Киселева А. С., Иванова Е. Ю., Васильева О. В.

Содержание

ЧАСТЬ 1

Приветствия юбиляру

М. Каранфиловски.	3
В. Н. Гливинская.	4
К. Алексова.	4
М. Ю. Котова.	5
Т. Е. Аникина.	8

К славистическому портрету З. К. Шановой

В. И. Супрун

РУССКАЯ И БОЛГАРСКАЯ АНТРОПОНИМИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ: К ПРОБЛЕМАМ СОПОССТАВИТЕЛЬНОЙ ОНОМАСТИКИ	10
---	----

В. М. Мокиенко

ОТ ЕВЫ К ЗОЕ. КУЗЬМИНИЧНЕ (о судьбах библейского имени)	20
--	----

Б. Мирчевска–Бошева, К. Велјановска

ПРИДОНЕСОТ НА РУСКИТЕ ЛИНГВИСТИ ВО РАЗВОЈОТ НА МАКЕДОНСКАТА ЛЕКСИКОГРАФИЈА.	28
--	----

Л. Б. Карпенко

СЛУЖЕНИЕ БОЛГАРИСТИКЕ: К ЮБИЛЕЮ ЗОИ КУЗЬМИНИЧНЫ ШАНОВОЙ.	38
---	----

М. Ф. Мудрак

ЗОЯ КУЗЬМИНИЧНА ШАНОВА — СОРАТНИК И ДРУГ	40
--	----

Е. Ю. Иванова, О. В. Васильева

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ «ОТ ЗОИ КУЗЬМИНИЧНЫ»	45
--	----

ЧАСТЬ 2

Славистическая мозаика

<i>К. С. Алексова</i> АДМИРАТИВНИ УПОТРЕБИ НА НЕМИНАЛИТЕ ВРЕМЕНА В КОНКЛУЗИВ	51
<i>М. А. Аникин</i> СОВРЕМЕННАЯ ЖИВОПИСЬ БОЛГАРИИ (основные мотивы, темы и архетипы)	61
<i>Т. Е. Аникина</i> К ПРОБЛЕМЕ ЖИЗНЕННОСТИ ТЕКСТА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА	65
<i>В. Н. Гливинская</i> О НЕКОТОРЫХ ИТОГАХ АПРОБАЦИИ ПРОГРАММЫ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ «МИР 2-го ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА (БОЛГАРСКИЙ)»	68
<i>В. Н. Гливинская</i> СТУДЕНЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ КАК СТИМУЛ РАЗВИТИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ	76
<i>И. И. Калиганов</i> Н. С. ДЕРЖАВИН — РЕКТОР ПЕТРОГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: ДОМЫСЛЫ И РЕАЛЬНОСТЬ	83
<i>К. Д. Колева</i> ЕЗИКОВА ПРАКТИКА, ПОЛЕМИКА, АРГУМЕНТИ НА РОДОВАТА ПАМЕТ: АНТРОПОНИМЪТ <i>ДОБРИ ВОЙНИКОВ</i>	109
<i>В. А. Лазарева</i> ФРАЗЕОСХЕМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОЦЕНКИ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ: НА МАТЕРИАЛЕ БОЛГАРСКОГО, РУССКОГО И ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКОВ	112
<i>М. Ю. Котова</i> К ВОПРОСУ ОБ АКТИВНЫХ БОЛГАРСКИХ ПОСЛОВИЦАХ В ФОРМЕ НЕПОЛНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ	125

<i>А. Г. Мосинец, А. С. Киселева</i> ПЕРЕВОД БОЛГАРСКИХ ПРЕДИКАТОВ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ВОЗДУХА НА РУССКИЙ ЯЗЫК	135
<i>Е. В. Тимонина</i> ВСЕРОССИЙСКИЙ СТУДЕНЧЕСКИЙ КОНКУРС ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА С БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	139
<i>Библиография трудов Зои Кузьминичны Шановой</i>	148

Научное издание

К ЮБИЛЕЮ ЗОИ КУЗЬМИНИЧНЫ ШАНОВОЙ

XXVII ДЕРЖАВИНСКИЕ ЧТЕНИЯ
Современные и исторические проблемы
болгаристики и славистики

Оригинал-макет *М. А. Василенко*

Подписано в печать 30.06.2023. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 10.
Тираж 100 экз. Заказ №

Филологический факультет СПбГУ.
199034, С.-Петербург, Университетская наб, д. 11.
Издательство «ВВМ».
198095, С.-Петербург, ул. Швецова, д. 41.